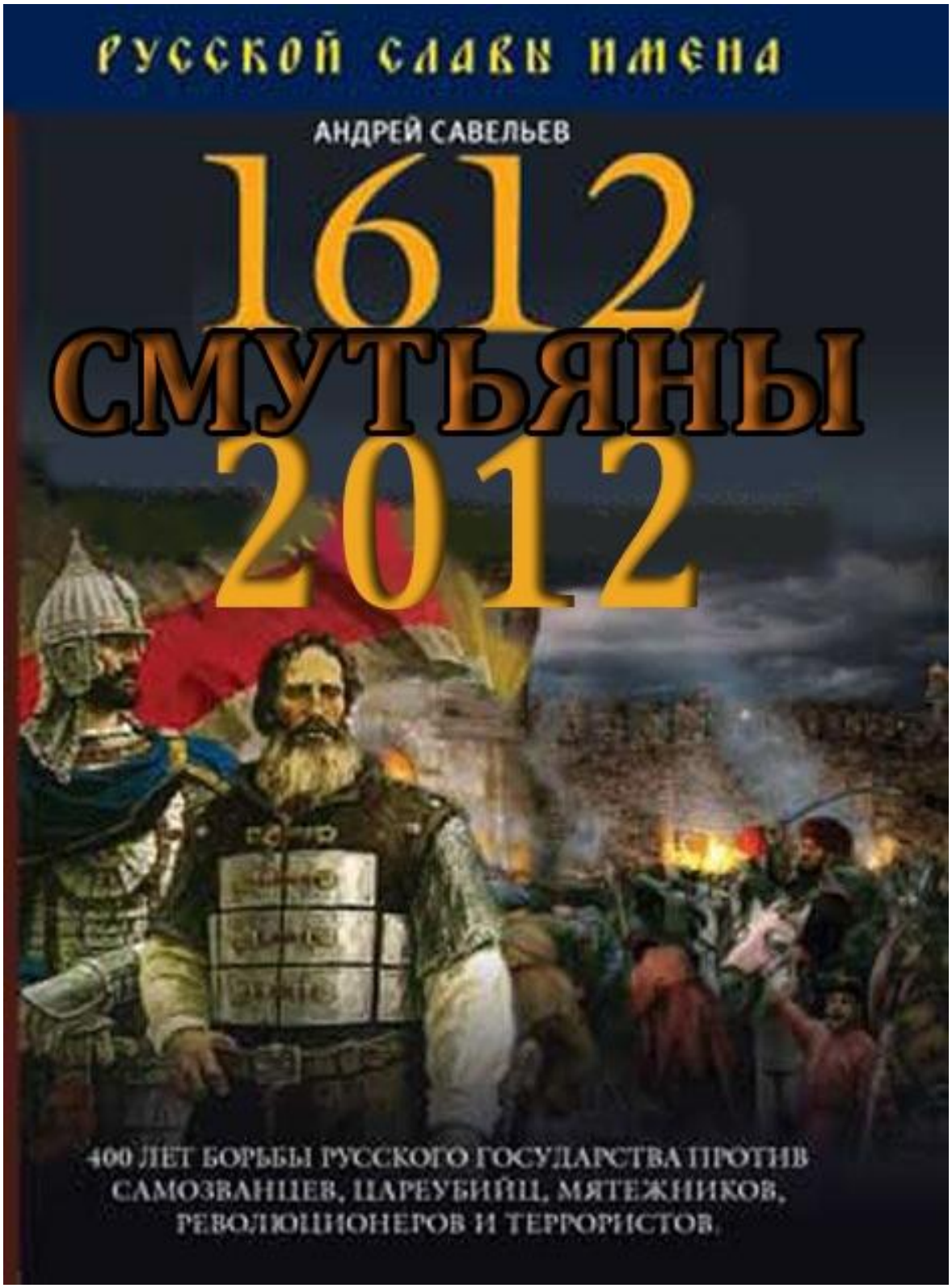

РУССКОЙ СЛАВЫ ИМЕНА
АНДРЕЙ САВЕЛЬЕВ
1612
СМУТЬЯНЫ
2012
400 ЛЕТ БОРЬБЫ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ПРОТИВ САМОЗВАНЦЕВ, ЦАРЕУБИЙЦ, МЯТЕЖНИКОВ, РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ И ТЕРРОРИСТОВ.

Содержание

Предисловие 3
Самозванцы 6
Первая Смута 6
Малая смута 14
Раскольники 18
Цареубийцы 25
«Золотой век» на крови 25
Дворцовая расправа 28
Покушение на Верховную власть 31
Ритуальная казнь 37
Мятежники против Империи 42
Декабристы 42
Польский мятеж 50
Кавказский мятеж 58
Февральский мятеж 65
Отречения не было 71
Вечный Февраль 77
Народники и террористы 82
Революционное барство Герцена 82
Белинский - образец демократа 87
Бакунин – слава и позор революционеров 90
Народники в эмиграции 93
Герцен и Маркс 97
Что поколебало Империю 98
Революционеры 108
Идеи разорителей 108
Проклятье революции 115
Ленин и его революция 119
Троцкий и Сталин: разные судьбы политических близнецов 125
Индустриализация: «русское чудо» на службе у большевиков 136
Сталин и сталинизм, история и политика 140
Два большевизма 146
Контрреволюция: смутьяны против смутьянов 150
«Белые» мятежи 150
Кронштадт: мятеж уставших от войны 154
Философский пароход: высылка интеллекта 158
Смутьяны уничтожают нигилистов 161
Убийство Кирова: крах романтического большевизма 170
Русский «коллаборационизм» 173
Преддверие новой Смуты 178
Ельцин – рецидив феврализма 183
Заключение 186

Предисловие

Смута сопровождает русскую историю и мешает становлению русского общества и русской нации – солидарного сообщества граждан. Мы будем говорить именно об этом – о мутных делах врагов России и деяниях русского народа, которые порой выставляются либо как обусловленные историческими закономерностями (а потому неподсудные нравственному суду), либо выдаются за подвиги в борьбе с самовластьем.

Представление о Смуте как о неизбежном моменте русской истории, обусловленном необходимостью перехода к новому формату социально-экономического порядка, новому социальному «космосу» и более прочному (чем до Смуты) государству идут теперь на смену формационной теории исторических трансформаций и теории циклизма русской истории. При достаточной объяснительной силе этой концепции, она удобна историкам, но ничего не дает политикам. Если политики решат, что Смута – объективная данность (а еще – своеобразие и особенность русской истории), то им остается только ждать, когда незримые законы сами собой все разрешат.

В то же время, история требует концептуального подхода. То есть, понимающего знания. Иначе она обращается в набор фактов, которые невозможно удержать в голове, в достояние чудаков. А человек стремится к пониманию смысла истории, поскольку хочет продолжать своих предков или знать, от какого прошлого отрекается. Концепция может строиться как череда образов, выставляющая одних деятелей прошлого героями «без страха и упрека», других – воплощением зла, отживших порядков, за которые они цепляются, отстаивая свои привилегии. Поэтому концепция истории – это установленное границы между добром и злом.

Поскольку XX век перепутал, смешал все представления и создал в головах людей удобное вместилище для фальсификаций, то порой и Смуту могут выставить как позитивный момент истории, который очищает ее от всего устаревшего и обеспечивает прорыв в будущее. В действительности Смута – это «опыт зла», который забывается народом и элитами и напоминает о себе в тяжких испытаниях, когда радетели «новизны» пытаются придумать для России и русских новую историю. И невероятных усилий и колоссальных жертв стоит возвращение к той истории, которую Бог дал. Перефразируя известную евангельскую истину, можно сказать, что Смута – это не та история, которая от Бога.

Пласты лжи, скрывающие божественную истину истории, создаются усилиями историков и обществоведов, которые пытаются подверстать жизнь под заготовленный ответ. Марксистская методология предложила простенькую схему, согласно которой все народы и государства движутся по одной и той же исторической колее, а последовательность событий предопределена непреложным законом противоречия между производительными силами и производственными отношениями. Эта схема никогда не была верной и многократно опровергнута. Но она по-прежнему внедряется в головы российских граждан.

Интерпретаторы марксизма, исходя из этой умозрительной схемы, предопределили, что Российская Империя должна была пасть. Либеральная мысль поступает еще проще: оглядываясь в прошлое, она предполагает наличие некоего незыблемого закона, но без всякой теоретической подоплеки. Например: все империи распадались, значит, и России надлежит погибнуть. Создается правило, согласно которому можно оправдать равнодушие к судьбе собственной страны, которой предписана смерть. И оправдание ненавистников России в настоящем, в прошлом, в будущем.

Стремление развенчать русскую традицию – симптом космополитической ориентации в государственном строительстве, своего рода политический заказ.

Развенчание идет как от люмпенского «простонародья» (нам все равно, что это будет за государство, лишь бы вволю было хлеба и зрелищ), либо от поверхностной образованности, полагающей, что история движется интересами социальных групп, классов, партий, а не борьбой Добра со Злом. Для укорененного в национальной традиции

гражданина ответственность не ограничивается лишь настоящим и ближайшим будущим; для православного человека очевидно, что мы несем ответственность перед Богом, а значит - перед вечностью, включающей потомков и предков.

Русский взгляд на историю России до сих пор не сформирован, все концепции и оценки, которые до сих пор получили широкое распространение в системе образования и в умах читающей публики, имеют мало общего с реальной историей и игнорируют множество фактов, которые изменили бы оценки на противоположные. Но все эти факты «не вписываются» в то, что принято считать общеизвестным.

Еще в начале XX века русский публицист Иван Солоневич писал: *«Принято говорить о гении Петра — однако, любая фактическая справка не оставляет от этой гениальности камня на камне. Принято говорить о безумии Павла Петровича, однако, простое перечисление изданных им законов показывает в Павле Петровиче огромный государственный ум, видевший неизмеримо дальше, чем видели его современники. Принято говорить о Николае Палкине, а это был человек, который, ежедневно рискуя жизнью, в тайных комитетах подготовил все для освобождения крестьян, — его сын только закончил по существу уже построенное здание. Об Императоре Николае Втором левые историки говорят, как о бездарности, правые — как о кумире, дарования или бездарность которого не подлежат обсуждению. Однако, ряд простейших фактических справок говорит о том, что даже и в области чистой стратегии Государь Император обладал неизмеримо большими творческими данными, чем все наши военспецы вместе взятые — и именно военспецы технически саботировали стратегическое творчество Государя Императора. Принято говорить о благорастворении воздухов в Царской России — однако, простой ряд самых простых фактических справок указывает на крайнюю неустойчивость внутриполитической жизни России. И если при Екатерине Второй, кроме пугачевского восстания, выступали с оружием в руках еще около двухсот тысяч крестьян, то «крестьянские беспорядки», почти не затухая, шли непрерывной волной — от Пугачева до Махно. А цареубийства — от «казни» царевича Алексея Петровича до убийства Царской Семьи в ипатьевском подвале».*

Становление русского государства связано с тяжелыми испытаниями XVII века, в течение которых помрачение охватило значительные массы населения и правящие слои. Там и там лишь складывалось новое понимание государственности, которое было отмечено Иваном III и Иваном Грозным, правление которых содержало элементы прежней «Руси уходящей» и нового Русского государства, в котором идея власти получала высший божественный смысл. Иван III стал первым русским царем, Иоанн Грозный - первым Помазанником, властителем, получившим сакральную санкцию на правление.

Власть признается народом, когда она ощущается как богоданная. Именно поэтому наследственная монархия оказывается более стабильной: родство – факт, не зависящий ни от чьей воли. Оно либо есть, либо его нет. А выбор на царство наисильнейшего или выгодного какой-то группировке может дать лишь локальный эффект, лишь приготовить восстановление царства после периода смуты.

Далеко не всеми на Руси миссия Царства была понята и принята. Извечный порок власти побуждал близких к престолу оспорить право на высшую власть. Но народ, как отмечал Солоневич, никогда не восставал против своего монарха. Именно поэтому смуты были преодолены, а мятежи подавлены. И лишь когда террор коснулся всей династии и всего народа, Империя пала.

Распространено мнение о крахе Империи, которое в краткой форме можно изложить так: «Николай был слабым царем. Сам виноват». Или еще хуже: «Николай был слабым царем. Он виноват в том, что разразилась революция и гражданская война, в приходе к власти большевиков». Этот ужасный навет гонит прочь нравственное начало, которое необходимо для обретения смысла истории.

«Победивший всегда прав» - тезис слишком примитивный, чтобы извлекать из истории уроки, необходимые современности. Исходя из него, можно дойти до отрицания христианства: ведь Христос «проиграл». Можно даже сказать, что христианство

«проигрывает» борьбу за души и умы. Но это не отменяет Истины. Истина с успехом связана очень причудливо, и что считать «успехом» – большой вопрос. «Успех» смутьянов – это гибель Империи, и тягчайшие страдания, затронувшие сотни миллионов людей.

Весь исторический путь России – это борьба государства со смутьянами, которые были движимы самими разными мотивами: личным стремлением к власти, личной ненавистью к правителям, запросами внешних врагов, вздорными «идеями» и «теориями». В этой борьбе нет никаких «формаций», «классов», «объективных исторических законов». Есть практика неповторимых, но при этом ординарных ситуаций: постоянно и всюду безвластие порождает бесов раздора и Смуты, и государство должно иметь силу и решимость уничтожить их – не дать разорить то, что создано трудами многих поколений.

Сегодня мы стоит перед еще более сложной задачей. Бесовщина уже не может быть подавлена какими-то сторонними для каждого из нас силами. Она проникла уже всюду и грозит гибелью нашему государству, а вслед за тем – и нашему народу. Поэтому проблема, которую мы должны увидеть в историческом опыте России, состоит в том, чтобы вернуться к тем принципам государственного управления и национальной жизни, которые позволяли изничтожать бесовщину и выводить страну к новым этапам культурного, политического, экономического строительства.

Если раньше, Русское чудо наступало в периоды ясности национального самосознания и в результате разумных действий власти, то теперь Русским чудом будет спасение России от Смуты, в которой мы живем уже не первое десятилетие. Преодоление Смуты новых времен – это главная задача живущих в современной России поколений.

В нас есть Чудо, которое достаточно только вспомнить, усвоить из своей собственной истории. О чем грезил Гоголь в минуты открывшихся ему великих истин: *«Не умирают те обычаи, которым определено быть вечными. Умирают в букве, но оживают в духе. Померкают временно, умирают в пустых и выветрившихся толпах, но воскресают с новой силой в избранных, затем, чтобы в сильнейшем свете от них разлиться по всему миру. Не умрет из нашей старины ни зерно того, что есть в ней истинно русского и что освящено Самим Христом. (...) Уже самое неустройство наше нам это пророчит. Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму; еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней. Что есть много в коренной природе нашей, нами позабытой, близкого закону Христа,— доказательство тому уже то, что без меча пришел к нам Христос, и приготовленная земля сердец наших призывала сама собой Его слово, что есть уже начала братства Христова в самой нашей славянской природе, и побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства, что еще нет у нас непримиримой ненависти сословья противу сословья и тех озлобленных партий, какие водятся в Европе и которые поставляют препятствие непреоборимое к соединению людей и братской любви между ними, что есть, наконец, у нас отвага, никому не сродная, и если предстанет нам всем какое-нибудь дело, решительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, например, сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека, то с болью собственного тела, не пожалев самих себя, как в двенадцатом году, не пожалев имуществ, жгли домы свои и земные достатки, так рванется у нас все сбрасывать с себя позорящее и пятнающее нас, ни одна душа не отстанет от другой, и в такие минуты всякие ссоры, ненависти, вражды - все бывает позабыто, брат повиснет на груди у брата, и вся Россия - один человек».*

Преодолев Смуту, будет Россия великой нацией - как один человек.

Самозванцы

Первая Смута

Смута начала XVII века была предопределена болезнями роста России как великой державы. Она расширялась пространственно и теснила другие крупные государства – Польшу, Швецию, крымских ханов. Россия превращалась в оплот изначального христианства – Третий Рим, которому суждено было создать вместилище для религии, определившей историю человечества на две тысячи лет.

Впереди было три века православного царства, казавшегося незыблемым. Именно Смута показала истинный путь священства – поддержка суверенной русской государственности и самодержавной власти. Над всеми метаниями священства в поисках своей миссии возвысилась фигура патриарха Гермогена, принявшего мученическую смерть от иноземцев, захвативших Москву. Именно Гермоген явил ту мощь духа и то направление помыслов о государстве, которые помогли одолеть смуту и вернуть Россию к «досмутному» состоянию. При этом подчиненное положение священства было отражено общей присягой новой династии, в которой священство соединилось с другими сословиями в общем служении.

И все же главный вопрос, который был разрешен через изгнание интервентов и самозванцев – это вопрос о самодержавной власти и о ее природе. Оказалось, что вручение власти наисильнейшему, кажущемуся самым достойным и дееспособным, вовсе не гарантирует стабильности крупного государства.

Царь Федор Иоаннович

Накануне Смутного времени, в 1584 году царский престол наследовал болезненный сын Ивана Грозного царь Федор Иоаннович, который, по словам его отца, был «постник и молчальник, более для кельи, нежели для власти державной рождённый», по народному определению – «блаженный», по злобному навету иноземцев – «durak». В предубеждениях неблагодарных потомков Федор Иоаннович слывет «слабоумным». Казалось бы, фигура последнего представителя династии Рюриков второстепенна и даже неуместна. И тогда не может быть сомнений в том, что воцарение Бориса Годунова было благом – устранялась лишняя фигура, власть приобретала более зримые черты в харизматичной фигуре вождя. Но в действительности самовольное вступление Годунова на престол как раз и положило начало Смуте.

При всей внешней незаметности Федора Иоанновича - особенно на фоне Бориса Годунова, реальной распоряжавшегося всеми делами государства – именно он был гарантом единения народа и власти. Только при таком единении были возможны масштабные деяния Годунова: учреждение партиаршества, строительство городов и крепостей в Диком поле (Воронеж, Ливны, Белгород, Самара, Царицын, Саратов, Томск), восстановление опустевших после ордынского ига земель к югу от Рязани, успешная русско-шведская война и возвращение ряда русских земель и городов, строительство смоленской крепостной стены, Белого города в Москве, отражение нашествие в 1591 набега крымского хана Казы-Гирея.

Незримый договор между народом и властью позволил путем закрепощения крестьян преодолеть хозяйственный кризис и даже ввести меры в отношении беглых крестьян – розыск в течение пяти лет и возвращение на прежние земли. Вопреки досужим убеждениям наших современников, крепостное право вовсе не было актом насилия и

порабощения. Оно было средством мобилизации в условиях хозяйственного кризиса, и принято народом как должное – до тех пор, пока власть воспринималась им как законная.

После Федора Иоанновича престол долен был наследовать его младший брат Дмитрий. Но в 1591 году он погиб при невыясненных обстоятельствах. В течение столетий считалось, что это было убийство, организованное Борисом Годуновым. Но открытое расследование с публичным опросом свидетелей, которое проводил боярин Василий Шуйский, изученное современными историками, поставило эту версию под сомнение. Прямых причин убивать Дмитрия у Годунова не было. Царь Федор продолжал царствовать до своей смерти в 1598 году. До этого момента, вероятно, в народе не было сомнений в том, что расследование Шуйского добросовестно, и Дмитрий погиб в результате несчастного случая – в детской иге с ножом. Почему же эти сомнения возникли? Потому что власть, лишенная божественной санкции, теряет доверия, и на ее счет могут возникать любые предположения – и все они верны если не по фактической стороне, то по сути. Даже если Борис Годунов не убивал царевича, он поступил так, как если бы намеренно лишил его жизни – занял на престоле чужое место.

Борис Годунов

После смерти Федора Иоанновича мужская ветвь династии Рюриковичей пресеклась, ближайшей родственницей почившего царя была его троюродная сестра Мария Старицкая, не казавшаяся заметной фигурой в расчетах властных группировок. Да и переход власти по женской линии не был тогда принят и понят. Бесспорным казалось наследование прав только по мужской линии. А коль скоро мужская линия пресеклась, то по внешнему достоинству престол должен был занять первенствующий среди знати по реальной власти. На царство был венчан Борис Годунов, бывший царю Федору шурином. Фактически речь шла о передаче наследственной власти через сестру царя.

Царь Федор провозглашает Бориса Годунова правителем России

Борис был поддержан Земским собором. Казалось бы, легитимность власти соблюдена, мнение народа учтено. Можно сказать, что «демократические процедуры» формально проведены. Но этого оказалось мало. Незримый договор народа и власти был разорван. Ведь Борис Годунов не был кровным родственником Рюриковичей. Он правил, но его право на престол показалось простому народу сомнительным и ничем, кроме силы, не подтвержденным. Что и привело к распространению слухов о чудесно спасшемся царевиче Дмитрии и к интригам против Годунова его противников. Немалую роль в этом сыграла ориентация нового царя на Запад, приглашение иноземцев служить в России. Появившиеся самозванцы, выдающие себя за Дмитрия, опирались то на иноземные силы (Польша), то на сопротивление им (ополчение).

Царь Борис и сам понимал, что по знатности рода с ним могут соперничать Мстиславские, Шуйские и другие известные боярские фамилии, а потому всячески препятствовал их влиянию. По доносу он сослал и постриг в монахи Федора Романова и его жену. (Что и предопределило негативное отношение к Годунову в официальной историографии романовских времен). К концу своего правления Годунов заперся в кремлевских палатах, отказался принимать челобитные и потребовал, чтобы в каждой семье читалась особая молитва и поднималась заздравная чаша за царя. Подобное навязывание лояльности не могло не вызвать недовольства, переходящего в ненависть.

По сути дела смутьянами в этот период выступали все влиятельные группировки, боровшиеся за власть. Не имея принципа разрешения споров вокруг прав на престол, они были обречены на кровавый конфликт. При этом народ также оказывался без руководящей роли аристократии и метался между воюющими группировками, не зная, к какой пристать.

Неурожайные годы способствовали росту недоверия к власти. Несмотря на то, что царь Борис установил контроль за ценами на хлеб и открыл для голодающих царские закрома. Этого оказалось мало. Недоверие к царской власти проявляло и боярство, не торопившееся делиться с народом запасенным хлебом. Это рассматривалось бы как поддержка Годунова, чьи права на престол выглядели все более сомнительными как в связи с начавшимися волнениями и восстаниями крестьян, так и в связи со слухами о спасении царевича Дмитрия.

В течение нескольких лет Смуты борьба за власть была одновременно и поиском утраченного доверия к власти, поиском легитимного правителя. При этом ключевую роль начали играть вовсе не лидеры боярских группировок, а самозванцы, в которых простому народу чудился настоящий царь, а вельможным интриганам – силовой захват власти.

Историки не раз отмечали, что появление самозванцев во время Смуты имеет социально-психологические корни и связано с русским характером и конкуренцией претендовавших на власть группировок. Фактически мы видим ту же замороченность народа «выборами», которую наблюдаем и теперь. Самозванец выступал в роли лидера (чаще всего мнимого) одной из «партий». Ему создавали образ царя (обряжали в великолепные одежды и устраивали пышный церемониал), а народ ублажали «предвыборными обещаниями» и раздачей подарков. Народ поддерживал то одну «партию», то другую – в зависимости от того, удавался ли очередному самозванцу «имидж» самодержца, и готова ли была свита, составленная из авантюристов, мечтавших о власти и поживе, свидетельствовать о подлинности царского достоинства.

Самозванец – в полном смысле «никто», человек без биографии, который из безвестности стремится шагнуть на высшую ступень социальной иерархии. Либеральная демократия позднее превратила самозванство в принцип – люди, доселе никому не известные, становятся народными представителями, благодаря удачно разыгранной роли. Это политически артисты! Самозванец Смутного времени играл царя, современный политик играет народного представителя – депутата, мэра, президента. Важен не результат деятельности, а выдержанность роли. Если общество не способно жить обособленно от самозванца, то его роль предполагает также и жестокость: все, кто видит, что «король голый», должны быть уничтожены.

Самозванец – всегда порождение не только смуты, расстроившей народное самосознание и миссию власти, но и внешних сил, которые используют самозванство как ложный притягательный символ, побуждающих служить этим силам. Литва, Польша, католический Рим лелеяли мечты поставить Русь под свой контроль, провести в жизнь собственные имперские проекты, превратить русские земли в свою периферию.

Боярские «верхи», придворные «партии», дав народу возможность «избрать царя», могли утвердить на престоле Бориса Годунова или Лжедмитрия (того, кто окажется удачливее). А могли привести на русский престол и польского принца Владислава – также по принципу «выборности». Принцип народности, как только он забывался властью, превращал его в орудие олигархии, спрятавшейся за тем или иным самозванцем.

Пётр Басманов, один из самых преданных Лжедмитрию I сподвижников, говорил: «*Хотя он и не сын царя Ивана Васильевича, все же теперь он наш государь. Мы его приняли и ему присягнули, и лучшего государя на Руси мы никогда не найдём».* Нечто подобное звучало и в наши дни: «Альтернативы Ельцину нет», «коней на переправе не меняют», «лучшего президента у нас нет».

Присяга Лжедмитрия I польскому королю Сигизмунду III на введение в России католицизма (Н.Неверов, 1874)

Лжедмитрий I оказался беглым монахом Григорием по прозвищу Отрепьев от рода Нелидовых, который происходил из Литвы. Рано потеряв отца Юрий (Григорий) был воспитан матерью и отправлен на службу в Москву к Михаилу Никитичу Романову. Во время годуновской расправы над Романовыми, спасаясь от репрессий, Григорий постригся в монахи. Оказавшись в Чудовом монастыре, занимался перепиской книг и привлекался писцом в «государеву Думу». По доносу Григорий должен был быть схвачен и выслан в отдаленный монастырь, но воля царя не была исполнена: монах бежал в Речь Посполитую, где и объявил себя спасшимся царевичем Дмитрием, получил от короля Сигизмунда признание и жалование, а также право набирать наемное войско. В обмен на обещание отдать Польше большой кусок русской земли со Смоленском и поддержать распространение на Руси католичества.

Агенты Дмитрия Самозванца убивают сына Бориса Годунова (К.Маковский, 1862)

В своем бегстве самозванец явно пользовался помощью противников Годунова. Есть основания полагать, что Отрепьев был лично знаком с патриархом Иовом и многими из думных бояр. Что Григорий готовился быть не только монахом, свидетельствует его умение ездить верхом и владеть саблей, а также европейская образованность. Смелость самозванца предопределялась уверенностью в поддержке антигодуновских сил и личном гипнотическом воздействии на толпу.

Во главе небольшого отряда из польских наемников и сечевых казаков Лжедмитрий I двинулся на Москву. И его план сработал. По пути следования отряда он превратился в многочисленное войско, а города один за другим сдавались ему и присягали на верность. На сторону самозванца переходил не только «черный люд», но и местное дворянство. Посланное Годуновым войско было разбито у Новгорода Северского, несмотря на значительное численное преимущество. У села Добыничи московская рать все же одолела самозванца, умело используя артиллерию. Поражение было также

обусловлено ссорой Самозванца с польскими наемниками, в большинстве своем отправившимся назад к польской границе.

Победа не принесла избавления от самозванца. Террор против присягнувшего Лжедмитрию населения ожесточил его, а московское дворянство раскололось. Самозванцу дали уйти в Путивль, где под защитой донских и сечевых казаков он начал снова собираться силы. Кончина Бориса Годунова в 1605 году придала авантюре новый импульс. Москвичи при поддержке и одобрении боярства разграбили дворец, убили наследника - царя Федора Годунова, его жену и мать, вынесли тело Бориса Годунова из Архангельского собора «на поругание».

Последние минуты жизни Лжедмитрия I (Карл Венинг, 1879)

Самозванец утвердился в Кремле, начал проводить самостоятельную политику. Но слухи о его истинном происхождении уже гуляли в народе. Года не прошло, как Василий Шуйский организовал купцов и служилых людей для восстания против Лжедмитрия I и польского присутствия в Москве. Восставшие изрубили самозванца мечами и алебардами. Тело его было подвергнуто «торговой казни» - три дня оно лежало в грязи посреди рынка на Красной площади и подвергалось надругательствам, а затем было захоронено. Посмертные слухи о том, что «земля не принимает» труп самозванца и что над могилой «бесы расстригу славят», привели к тому, что тело откопали, сожгли, а пепел выстрелили из пушки в сторону Польши.

После свержения Лжедмитрий I 19 мая 1606 года Василий Шуйский был возведен на российский престол. Как и большинство высших аристократов, Шуйский был рюриковичем. Дополнительные преимущества в родовитости ему давало родство со старшей ветвью потомком Александра Невского. Но его авторитет был зыбок. Равных Шуйскому по знатности было множество, а слава Шуйского была только в молве о его мучениях в застенках у самозванца. Правда, тот же самозванец помиловал Шуйского, и не лишил его жизни. Фактически мы видим тот же путь к престолу, что и в случае Годунова – силовой захват власти, который лишь на краткий период времени мог показаться целесообразным и полезным для государства. Но царствование Шуйского было недолгим – оно не остановило Смуты, не пресекло появления новых самозванцев.

Мода на самозванство вызвала к жизни авантюры, вроде «назначения» казаками «царевича Петра» - мнимого сына Федора Ивановича. В 1607 выбрали из своего круга Илейку Горчакова, знакомого со столичной жизнью, и собрали войско, чтобы добиваться милости государя (Лжедмитрия I), но место на престоле было уже занято Василием Шуйскоим. Армии Лжепетра и воевод «царя Дмитрия» подступили к Москве, но были разбиты. Мятежники, прославившиеся своей жестокостью, сторонниками Шуйского также уничтожались беспощадно. Остатки разбитых сил были осаждены в Туле.

Одновременно на русско-польской границе объявился Лжедмитрий II – марионетка польских авантюристов, подобравших на роль «царя» человека, внешне похожего на Лжедмитрия I. Новый самозванец двинулся с войском поляков и казаков на помощь Лжепетру. Но не поспел. Тула была сдана оголодавшими мятежниками, их главари были казнены.

В 1608 Лжедмитрий II попытался вновь подобраться к Москве и обосновался в Тушине вместе с многоплеменной массой авантюристов, отчего получил имя Тушинский Вор. Вокруг Москвы и в прилегающих землях начались массовые грабежи населения, проводимые польскими наемниками и присоединившимся к ним сбродом во главе с польскими воеводами. Между Москвой и Тушинским лагерем распределились боярские группировки. Оппозиционные Шуйскому силы предпочитали признать самозванца и даже образовали Думу при нем. Реальной властью при этом обладал пан Роман Рожинский.

Василий Шуйский

В сентябре 1609 г. польский король Сигизмунд III решил, что с Москвой уже покончено, самозванцы исполнили свою роль, и двинул свои войска на Русь, осадив Смоленск. Другой причиной вторжения был союз Шуйского со Швецией против Польши. Так или иначе – на авансцене появился новый игрок, спутавший планы самозванца. Тушинские силы стали перетекать в лагерь Сигизмунда, Лжедмитрий II бежал в Калугу, где намерен был отсидеться, пока не сложатся новые условия для марша на Москву. Парадоксальным образом вокруг него начали собираться антипольские, патриотические силы, которые впоследствии активно участвовали в Первом и во Втором ополчениях.

Шуйский как царь Василий IV имел еще меньше прав на престол, чем Борис Годунов. Фактически он был самозванцем, самопровозглашенным царем. Причиной краха власти Шуйского стали жестокие расправы со своими противниками и простым народом, разрыв с Романовыми и их главой – митрополитом Филаретом, а также с другими боярскими группировками. Но главной причиной краха была нелегитимная, незаконная в глазах народа власть.

После поражения войск Шуйского от поляков в 1610 под Можайском войска Тушинского Вора подошли к Москве и захватили Пафнутьев-Боровский монастырь. Близкий крах побудил дворян насильно свести с престола и постричь в монахи Василия Шуйского, а потом и выдать его полякам на погибель. Сложилась немыслимая ситуация: русские силы были разделены между самозванцем и интервентами. Те и те, бесспорно, были смутьянами.

Против Вора московская боярская Дума попыталась использовать союз с поляками – заключила договор о призвании на русский престол королевича Владислава. Московские «низы», напротив, надеялись на самозванца как на силу, направленную против поляков. Наступление Лжедмитрия II на Москву было остановлено приглашением польского войска гетмана Жолкевского в столицу. Бояре готовы были признать Владислова и даже одобрили чеканку монет с его изображением. Священство уже воздавало молитвы новому правителю. Но король Сигизмунд предпочитал московским интригам территориальные приобретения – захват Смоленска. Поэтому Владислав так и не появился в Москве.

Лжедмитрий II Тушинский вор

Калужский лагерь самозванца между тем начал рассыпаться: искавшее власти и богатства дворянство вновь стало перебираться в Москву, пополняя пропольскую «партию». Самозванец был убит во время охоты ногайским князем. Но вослед претензии на престол были предъявлены новым самозванцем Лжедмитрием III, сумевшим захватить Псков, а также сыном Лжедмитрия II, которому присягнули города Рязанской земли.

Решительная победа над самозванцами стала возможна в результате формирования народного ополчения под предводительством князя Дмитрия Пожарского, который призывал не признавать самозванцев. Но чтобы настроения народа качнулись в сторону формирования самостоятельной русской власти, нужен был подвиг патриарха Гермогена, который, может быть, первым понял, что власть инородцев ляжет тяжким бременем на русских православных людей. И стал рассылать по стране призывы об изгнании поляков. Веры светским правителям уже не было, поэтому на площадях русский люд готов был слушать только послания Гермогена. Их переписывали и распространяли повсеместно. Именно это и восстановило в сознании народа идею государственного суверенитета и суверенной самодержавной власти.

Стяг князя Дмитрия Пожарского

Роль купца Кузьмы Минина – истинного народного героя – в формировании ополчения состояла в том, чтобы взять на себя грех насилия над состоятельными нижегородцами, которые не торопились помогать стекавшемуся под начало Пожарского люду. Минин с выборными от народа людьми пленил жен и детей богатеев, пытавшихся остаться в стороне от народного движения и не тратиться на формирование русской власти. Жены и дети были выставлены на продажу в холопы, и деньги на выкуп у богатеев нашлись. В результате ополчение было вооружено и организовано.

Поход ополчения на Москву в ноябре 1612 года был успешен: поляки были изгнаны. Василий Шуйский к тому времени умер в Польше, патриарх Гермоген был замучен голодом в польских застенках в Москве. Казалось бы, у Пожарского были все основания взять на себя ответственность за страну и, следуя путем Годунова и Шуйского, принудить знать и священство провозгласить его новым царем. Но в таком случае смута продолжилась бы.

Дмитрий Пожарский отказался от претензий на верховную власть. И тем совершил величайший подвиг самоотречения, который избавил страну от последующих волнений, неизбежных, если бы Пожарский стал править как царь. Многие считали, что он не простит прежних сторонников самозванцев, переметнувшихся в ополчение. Сведение счетов между боярскими группировками, каждая из которых была повинна в Смуте, не привело бы к миру. Пожарский понял это, и по этой причине его следует считать одним из главных героев, обеспечивших преодоление Смуты. По достоинству его мы должны ценить выше царствующих самозвано Годунова и Шуйского – вровень с наиславнейшими русскими государями.

Михаил Федорович Романов

Избрание в марте 1613 года царем не причастного к борьбе за власть шестнадцатилетнего Михаила Романова разрешило все споры о власти. Фигура молодого царя символизировала освобождение от самозванства и смертельных схваток за власть между боярскими группировками, а также прощение взаимных обид между ними.

Михаил Романов был родственником царя Ивана Грозного по линии его первой жены Анастасии, на которой нет тени бесчинств опричников и царской челяди в более поздние периоды правления. Дед Михаила Романова приходился братом Анастасии. Кроме того, род Романовых сильно пострадал от Бориса Годунова, видевшего в нем множество конкурентов в борьбе за власть. Отец будущего царя Федор Никитич Романов, как уже говорилось, был разлучен с семьей, насильно пострижен в монахи и под именем Филарета заточен в монастырь.

Превратности Смуты затронули Романовых и милостями от самозванцев, и карами. Лжедмитрий I пожаловал Филарету сан митрополита Ростовского, а его брату Ивану Романову – боярское звание. Затем Филарет оказался на стороне Василия Шуйского, но был пленен Лжедмитрием II, который уговаривал его действовать заодно и даже стать патриархом. Затем, когда и Шуйский, и Лжедмитрий II сошли с авансцены истории, Филарет возглавил делегацию, отправившуюся в Польшу с уговорами отдать Владислава на русский престол (с принятием им православного вероисповедания), но оказался там в плену, а потому не мог влиять на московские дела.

Мы видим возвращение ситуации к той, что была при царе Федоре Ивановиче – своего рода попятное движение русской истории. Первый Романов своей очевидной слабостью, но вместе с ней и невинностью, был аналогом «слабовольного» Федора – последнего прямого потомка Рюрика. Мы видим воплощение в русской истории библейского принципа: Сила Божья в немощи свершается. В немощи правителя перед боярскими группировками свершилась Воля Божья: русское государство получило фундамент – легитимную власть. Соборная клятва на верность новой династии, принесенная в 1613 году на Земском Соборе всеми сословиями, стала русской «конституцией», основой государственного строительства и консолидации общества на триста лет. Ее растоптали самозванцы XX века, от которых до конца мы не избавились до сих пор.

Что касается смутьянов-самозванцев, то персонажи, подобные Лжедмитриям или Лжепетру, действуют во власти и в наши дни, позволяя бродить по Руси отрядам иностранных грабителей и бандам доморощенных разбойников. И будет это продолжаться до тех пор, пока не восстановится легитимная власть, наследующая от прежних поколений государственную традицию отношений правителей и народа. Пока не восстанут против Смуты и смутьянов люди, подобные подвижнику Гермогену и герою Пожарскому. Они-то

и создадут власть, следующую незримым Божьим законам, а не произволу человеческому, ищущему себе великих владык, которые на поверку не способны к государственному строительству.

Малая смута

Петр Великий продолжил реформаторские усилия своего отца Алексея Михайловича, помножив их буйством своей натуры, которая и стала причиной как для его безоглядного возвеличивания, так и для критики его личности и итогов его правления. Нет сомнений, что именно натура Петра вносила в государство смуту и порождала смутьянство.

Само начало правления Петра связано с так называемой «малой смутой» - хованщиной. Его единокровный брат Федор Алексеевич, унаследовавший трон в пятнадцатилетнем возрасте после смерти Алексея Михайловича в 1676 году, правил тихо и недолго и скончался в 1682 году бездетным. Этот момент стал поводом для смуты. Дело в том, что за Федором Алексеевичем стоял его род его матери – Милославские, за Петром Алексеевичем – род его матери, Нарышкины. Если переход власти от отца к сыну был воспринят этими группировками как естественный и правомерный, то переход власти от брата к единокровному брату означал возможную смену лиц, определявших властную волю от имени юного царя. Поэтому на похоронах Федора Алексеевича его сестра царевна Софья устроила политический спектакль. Был он спровоцирован сторонниками Петра – патриархом Иоакимом, использовавшим проходящий в то время Земский Собор, который продолжал прежние реформы – уравнение прав по сословиям, но сыграл свою роль в том, чтобы закрепить права Петра на престол. Собор провозгласил Петра царем. В ответ Софья распустила слух, что царь Федор был отравлен. На призыв к бунту откликнулись стрельцы – единственная военная сила, которая в Москве исполняла двусмысленную роль римской преторианской гвардии: требовала к себе особого отношения и особых размеров жалования.

Сцена из истории стрелецкого бунта.
Иван Нарышкин попадает в руки мятежников (А.И.Козухин, 1882)

30 апреля 1682 года стрельцы ворвались в Кремль с требованием к Нарышкиным выплатить долги по жалованию (а оно в силу сложного военного положения выплачивалось нерегулярно) и устранить неугодных полковников. Молодому царю (а скорее Нарышкиным) пришлось согласиться на условия стрелецкого ультиматума. 15 мая стрельцы вновь вламываются в Кремль – под предлогом распространенных слухов, что

единокровный брат Петра Иван задушен Нарышкиными. Царица Наталья Нарышкина вынуждена выйти на Красное крыльцо с детьми. Но этого оказалось мало: в руках у стрельцов обнаружились списки неугодных, которые должны были быть им выданы. Из толпы слышались крики о том, чтобы Петр передал корону своему брату, который в действительности не мог править в силу душевной болезни. Начавшиеся бесчинства и убийства продолжались несколько дней.

Стрелецкий бунт (Н.Д.Дмитриев-Оренбургский, 1862) Царевна Наталья показывает Ивана стрельцам

Фактически власть в Москве была захвачена Милославскими. Им оставалось лишь поставить под сомнение царский статус Петра. Начальник Стрелецкого приказа князь Хованский выступил с инициативой совместного царствования Петра и Ивана. Под угрозой стрелецкого мятежа Боярская дума и Освященный Собор нарекли царем Ивана, а Петру досталась роль царя-соправителя. Через неделю было объявлено, что по молодости обоих царей от их имени будет править царевна Софья, затем смутьянам были выданы похвальные жалованные грамоты, а на Красной площади был установлен столп с именами убитых «злодеев» - убийство было объявлено геройством.

Так, опираясь на стрельцов, Милославские установили контроль за властью. И тут же подавили выступление крестьян, вздумавших использовать смуту, чтобы добиться и для себя каких-то послаблений по государственным обязанностям. Государственная традиция уже пустила корни, и борьба вокруг престола не отменяла учрежденных Алексеем Михайловичем порядков. Они были приняты правящими слоями, но еще не полностью укоренились в народе. Поэтому венчание на царство Ивана и Петра по новому церковному обряду было использовано сторонниками старого обряда для организации волнений. Под давлением раскольников в Грановитой палате Кремля в присутствии патриарха и царевны Софьи состоялись «прения о вере». Взаимные оскорбления дошли до того, что староверы потребовали, чтобы Софья отказалась от власти и ушла в монастырь. Расчет, что стрельцы поддержат смуту, в данном случае не оправдался. На следующий день лидер староверов суздальский священник Никита Пустосвят (прозвище о. Никите дал патриарх Иоаким, когда у него закончились аргументы) был казнен, а остальные участники «прений» схвачены и сосланы. Позднее – в апреле 1682 – был казнен и признанный лидер староверов Аввакум Кондратьев, проклинавший государственную и церковную власть за измену старой вере.

Никита Пустосвят. Спор о вере (В.Перов, 1881)

Стрелецкая смута, поставившая Софью правительницей царства, теперь захлестнула и ее. Князь Хованский подбил стрельцов потребовать сбора разового налога с дворцовых волостей в пользу стрельцов. Боярская дума отказалась это сделать. Под угрозой мятежа Царский двор и бояре бежали из Москвы под защиту монастырских стен. Празднование Нового года 1 сентября 1782 года обошлось без обычных торжеств. Царевна Софья из Саввино-Сторожевского монастыря объявила о сборе ополчения против мятежных стрельцов. Отец и сын Хованские были вызваны царицей в Коломенское, где схвачены и немедленно казнены. Стрельцы укрылись за стенами Кремля. Но без лидера они не смогли долго выдерживать противостояние. Софья вернулась в Москву с полками «иноземного строя» и ополчением, удовлетворившись повинной челобитной от стрельцов. Попытка затеять новые волнения среди стрельцов были быстро пресечены: новый глава Стрелецкого приказа думский дьяк Шакловитый казнил зачинщиков, а тех, кто проявлял беспокойство, выслал в «украинные города». Софья утвердилась у власти на семь лет, не помышляя ни о каких новых реформах.

Почему Милославские не уничтожили царей Ивана и Петра и не возвели на престол своего ставленника? Все дело в государственной традиции, заложенной Соборной клятвой 1613 года и реформами Алексея Михайловича. Без большой войны невозможно было переступить через престолонаследие. Пока власть Ивана и Петра – сыновей Алексея Михайловича – была бесспорной, большая часть народа оставалась спокойной, рассматривая боярские распри как дело маловажное. Недвижной оставалась и армия, которая строилась по лучшим образцам европейских учителей. При посягательстве на царскую власть она, имея численное и качественное превосходство над стрельцами, сумела бы покарать смутьянов. Стрельцы к тому времени уже не были полноценным войском – они в основном занимались торговлей и участвовали в столичных интригах. Их судьба была предрешена военной реформой, которую в дальнейшем ускорил царь Петр.

Царевна Софья

Последний шанс не допустить самодержавного правления выдался у Милославских в момент единоличного воцарения Петра. В 1689 г. регентство Софьи заканчивалось. Не только старший царь Иван, но и младший Петр были уже женаты, и Петру исполнилось 17 лет. Формальное право править было за Петром, реальное руководство – за Софьей, которая расставила своих людей на все значимые должности. Взаимная подозрительность достигла предела, когда Петру донесли о готовящемся покушении. Петр укрылся в Троице-Сергиевом монастыре, куда прибыла и его потешная армия, ставшая уже вполне боеспособной. Отправленный Софьей к царю патриарх Иоаким предпочел не возвращаться. Петр потребовал к себе стрелецких начальников, угрожая смертью в случае неподчинения. Софья в ответ запретила под страхом смерти ездить в Троице-Сергиев монастырь. В лагере Софьи начался разброд, и она решила попытаться лично воздействовать на молодого царя. По пути ее с охраной задержали стрельцы, объявив, что царь ее не примет, а попытка ехать дальше встретит применение силы.

Утро стрелецкой казни (В.И.Суриков, 1881)

Чтобы ослабить и рассыпать лагерь Софьи, слывшей продолжателем реформаторских дел и умонастроений прежних царей, Петр принял образ благонамеренного и богомольного правителя, предпочитавшего традиционно русские одежды и сторонящегося иностранцев. А переходящих на его сторону бояр, стрелецких начальников и простых стрельцов награждал. С боярами и высшим священством он с большой почтительностью вел длинные совещания. И показывал всем, что теперь-то он всерьез намерен стать русским царем и оставить скандальные развлечения Преображенского периода.

Заручившись поддержкой большинства бояр и переманив к себе основную воинскую силу, Петр нанес следующий удар: потребовал от стрельцов выдать последовательного сторонника Софьи Шакловитого. И снова угрожал смертью за неповиновение. Стрельца потребовали от Софьи выдать главу стрелецкого приказа. Ей пришлось уступить, и Шакловитый был вывезен в Троицу, где и казнен за организацию покушения на царя. Потеряв всякую поддержку, Софья вынуждена была подчиниться

приказу Петра переехать в Новодевичий монастырь, где и содержалась под стражей до стрелецкого бунта 1698 года, в котором смутьяны назвали ее имя как законной правительницы. После подавления бунта Софья была пострижена в монахини и умерла в монастыре через несколько лет.

В Малой Смуте принцип легитимности власти взял верх над политической мощью. Повторилось то, что в первой Смуте привело к длительным бедствиям – самозванство. Но в Малой Смуте самозванство не привело к захвату трона. И только это сохранило относительную стабильность в государстве и власти. Смуты не хотели группировки, конкурирующие по поводу власти. Они не рискнули поставить на карту судьбу страны – лишь бы повысить свои шансы уничтожить конкурентов. Поэтому Малая Смута отступила сама собой – со временем. Что и позволяет сделать вывод о том, что принципы властвования, определенные в 1613 году оказались правильными и благотворными для страны.

Раскольники

Самозванство – это не только поползновение занять царский престол, но попытка возвыситься над ним. Именно это отличает церковных раскольников, отпадающих от учения Христа и православных традиций отношения священства и Царства.

Царь Алексей Михайлович
(Неизвестный художник второй половина 17 в.)

Царь Алексей Михайлович, восшедший на престол в 1645 году, в отличие от своего отца и предшественника, был подготовлен к царствованию, а потому ясно осознавал положение России и стоящие перед ней задачи. Россия все еще была государством рыхлым и нестойким. Во многом это определялось мощными внешними воздействиями, которые способны были в любой момент поставить под вопрос самое существование суверенного статуса державы. Но имелись также и внутренние нестроения. С одной стороны, осознанное именно Алексеем Михайловичем отставание от технического развития Европы, а вместе с этим – слабость в военном отношении. С другой стороны – проблема разнородности толкований вопросов веры, которые различно преподносились в великорусской, малорусской и исконной – греческой – традициях. Военная и религиозная реформа были насущной необходимостью, но вместе с тем – и риском. Новые смутьяны могли воспользоваться непростой ситуацией, сделать непонимание смысла реформ оружием против самодержавной власти.

Алексею Михайловичу удалось провести свои реформы и заложить основы превращения России в могучую империю. На долю этого великого правителя достались соляные и медные бунты, чумные эпидемии и неурожаи, военные неудачи и опустевшая казна. Все это удалось преодолеть тем, что законность власти и ее действий подтверждалась Земскими Соборами. В 1648 году Земский Собор принял Соборное

уложение – фундамент русского законодательства не многие годы. В 1653 году Земский Собор созывается в последний раз – он выполнил свою функцию: власть царя стала поистине самодержавной, то есть абсолютной в рамках духовной и исторической традиции (чего не было в европейских абсолютных монархиях). Русская государственность окончательно укрепилась, и она до времени не нуждалась в санкциях со стороны всесословного законосовещательного представительства, выражавшего «мнение земли».

Россия в понимании людей, осознающих ее положение в мировой истории, может существовать только как великая держава. Или она распадется на множество государствиц и перестанет быть Россией. В условиях, когда суверенитет и развитие страны поставлены под вопрос, это понимание требует сверхмобилизации – превращения народа в войско. Подобным образом в древности многие народы становились непобедимыми. Но теперь победу надо было заложить в сам государственный механизм, который впоследствии воспитает то, что теперь мы называем «политической нацией» - общность солидарности, подкрепляющей верховную власть сплоченностью подданных. По сути дела, именно это и сделало из русских лучших воинов на три столетия вперед.

Портрет патриарха Никона с клиром (Д. Вухтерс, 1660-1665)

Царь смог провести свои реформы и подавить крамолы и смуты только потому что привязал любую деятельность своих подданных к государственной службе. Все стали «крепостными». Не рабами, а сотрудниками в государственном строительстве, прикрепленными к своей службе. Крестьянин был прочно привязан к земле, и только это давало возможность из его скудной продукции выделять средство на содержание служилого дворянства. Которое также прикреплялось к военной службе. Посадское ремесленное и торговое население было обязано «тяглом» - податями, которые поддерживали казну, а с ней – и все государственные дела. Так образовалась государственная машина, которая обеспечила России мощный рывок вперед.

Оставалось священство – сословие, испокон веков независимое, и испокон веков стремящееся вмешиваться в государственные дела, а то и диктовать правителям, что им делать и как себя вести. Государственные реформы Алексея Михайловича не могли обойти Церкви, что и привело к вспышке религиозной смуты, последствия которой мы ощущаем на себе до сих пор.

Новый перевод и исправление богослужебных книг, который был затеян совместными усилиями Царя и патриарха Никона, не могли встретить понимания у церковных «низов», а с ними – и у простонародья, которое шло за духовными лидерами и символами веры, а вовсе не за текстами, нюансы перевода которых народ не знал и не понимал. Союз высшего священства и Царства нанес удар по разлагающим целостность веры толкованиям – безграмотным интерпретациям Писания и обряда, а также по обнаружившимся в иконописании подражаниям еретическому европейскому Возрождению. Вместе с тем, заносчивость и репрессивный характер реформ породили смуту и протест религиозных подвижников, для которых любое отступление от древних книг, к тому времени уже окутанных религиозным опытом, воспринимали как кощунство. Символом раскола стал вопрос о том «как креститься». Разница между двуперстием и

троеперстием со временем была признана патриархом Никоном несущественной. Но было уже поздно: раскол рассек русское общество, образовав в нем удивительно стойкую прослойку староверов. И в будущем эта прослойка сыграла свою роль в новых смутах – она в полной мере «отомстила» династии Романовых поддержкой большевицкой крамолы.

В истории церковного раскола патриарх Никон, при всех его заслугах и личных достоинствах, оказывается смутьяном, попытавшимся устроить русское государство по принципу архаичных и малозначимых сообществ, где жрец возвышался над вождем племени. Чем попирался главный принцип имперской власти: правитель – первый жрец. Так было и в Римской Империи, так было и в Византии.

Суд над патриархом Никоном (С.Д.Милорадович. 1885)

Но, судя по имеющимся историческим исследованиям, дух Смуты пронизывал все общество. И необходимо было жесткое принуждение народа к дисциплине и нравственному поведению. Власти приходилось выпускать указы по запрещению бесстыдных увеселений, ругательств. Где-то перегибая палку, полагали запрещать шахматы и качаться на качелях, требовали жечь домры, гусли и дудки. Ослушникам полагались батоги и тюрьма.

Порядок наводился и в церковных делах, которые находились в полном расстройстве. Священство предпочитало оставаться в стороне от тревог государства, получая от него различные льготы. Тяжелая и неудачная война с Польшей требовала мобилизации материальных и человеческих сил. Царю пришлось ограничить льготы монастырей, обложив священство налогами и даже мобилизовав часть разросшегося клира для воинского дела. Разумеется, священство роптало, а иные архиереи доходили до словесного буйства в адрес власти. Одним из жестких оппонентов власти оказался и патриарх Никон.

Личность Никона отмечена сильным, резким характером. Казалось бы, набожный и мягкий Алексей Михайлович должен был попасть под его контроль. Но кроткий царь проявил волю и не позволил патриарху встать над царем. Полагая, что одолеет в противостоянии, Никон принял на себя титул «великого государя» - то есть, высшего правителя, как минимум, равного Царю. Алексей Михайлович в этом противостоянии победил именно своей мягкостью и праведностью, а Никон уронил свое достоинство постоянными скандалами и конфликтами.

Упадок церковных дел был связан не только с борьбой за власть, но и с расколом, подорвавшим у русского народа веру в то, что священство знает истину. Старые истины были опровергнуты, их адепты названы невеждами, о Стоглавом Соборе было сказано,

что его постановлению «писаны неразумно», «клятва без рассуждения и неправедно положена». Православные патриархи, приехавшие из Греции и не знавшие России, определяли: «неправедную и безрассудную клятву» разрушить, поскольку она основана на «невежественных мудрствованиях». Подобное уничижение русской религиозности не могло не отразиться на репутации священства – как яро следовавшего реформам, так и противящегося ему. Официальная церковность казалась неправедной, негласно существующие секты трактовали основы веры каждая по-своему. Только властью Царя Церковь была спасена от разложения и распада.

Церковный Собор 1666-1667 определил главенство Государя и первенство его перед патриархом. Что соответствовало древней традиции отношений священства и Царства, идущей от Византии: Император, Царь является земным главой Церкви. Этим решением был положен конец церковной смуте и дан принцип, следование которому удерживало от новых смут. В то же время, утверждение древней традиции было проведено в такой форме, что она отвергла все те откровения, которые почитались незыблемым до никоновских реформ. Вышло так, что раскол был обоюдным, и последующие разъяснение, что все решения Собора были направлены не против двуперстия или других церковных обычаев, а против людей, которые использовали разночтения для раскола, никого не убедили. Раскол застрял в русское истории, породив последующие нестроения.

До сих пор скрытым от большинства русских людей является церковный раскол февраля 1917 года. Он связан с соучастием практически всего православного священства в Февральском перевороте. Еще не успели просохнуть номера либеральных газет, опубликовавших фальшивое «отречение» Государя от престола, как высшие иерархи объявили о конце царства на Руси.

Патриарх Сергий Страгородский

Определением Синода от 7 марта «Об исправлении богослужебных чинов ввиду происшедшей перемены в государственном управлении» была создана комиссия под председательством архиепископа Сергия (Страгородского) – будущего сталинского патриарха, которая изменила все богослужебные чины, в которых имелись молитвенные упоминания Царя. Что прямо свидетельствует о готовности навсегда забыть монархию.

Определение Синода от 7-8 марта «Об изменениях в церковном богослужении в связи с прекращением поминовения царствовавшего дома» гласит: «*во всех случаях за богослужениями вместо поминовения царствовавшего дома возносить моление "о Богохранимой Державе Российской и Благоверном Временном Правительстве ея"*». Это измена не только государству, но и Вере Православной, в которой Император - Помазанник Божий занимает особое место, которое не может быть никем замещено.

9 марта 1917 года члены Синода митр. Киевский Владимир (Богоявленский), митр. Московский Макарий, архиепископ Финляндский Сергий (Страгородский), архиепископ Литовский Тихон (Белавин) объявили:

«Ради многих жертв, принесенных для завоевания гражданской свободы, ради спасения ваших собственных семейств, ради счастья Родины оставьте в это великое историческое время всякие распри и несогласия, объединитесь в братской любви на благо России, доверьтесь Временному Правительству, все вместе и каждый в отдельности приложите все усилия, чтобы трудами и подвигами, молитвою и повиновением

облегчить ему великое дело водворения новых начал государственной жизни и общим разумом вывести Россию на путь истинной свободы, счастья и славы .

Святейший Синод усердно молит Всемогущего Господа, да благословит Он труды и начинания Временного Российского Правительства, да даст ему силу, крепость и мудрость, а подчиненных ему сынов Великой Российской Державы да управит на путь братской любви, славной защиты Родины от врага и безмятежного мирного ее устроения».

Целый ряд обстоятельств говорит о том, что высшее священноначалие было в сговоре с февралистами, а потому им было организовано сознательное введение в заблуждение паствы – миллионов православных верующих, который склоняли к покорности смутьянам. Вместо того, чтобы анафематствовать их 11-м анафематизмом Недели Православия: *«Помышляющим, яко Православнии Государи возводятся на престолы не по особливому о Них Божию благоволению, и при помазании дарования Святаго Духа к прохождению великого сего звания в Них не изливаются, и тако дерзающим противу Их на бунт и измену, – анафема, трижды».*

Патриарх Тихон Белавин

Цепь стремительных решений, устранявших из церковной повседневности упоминания о Царстве, говорит о соучастии священства (не только высшего, но и приходского, согласившегося на подобное) в предательстве Веры, Царя и Отечества. Закреплено это предательство было решениями Поместного Собора 1917-1918 гг., решениями которого Император был замещен Патриархом. И состоялся раскол: отделение священства от православной традиции, представленной раскольниками как «два века плена у государства». Этот же еретический Собор отменил 11-й анафематизм.

В дальнейшем многие из еретиков были уничтожены большевиками, а в наше время – провозглашены «новомучениками». Хотя не сохранили верности, получив за это воздаяние за отступничество и клятвопреступление. Кто поклоняется этим ложным святым, забывают евангельское предупреждение: «кто, подняв руку на помазанника Господня, остается ненаказанным?» (1 Цар. 26,9).

Второе предательство состояло в непротивлении большевикам. «Анафема» патриарха Тихона (Белавина) от 1918 года «*творящим беззакония и гонителям веры и Церкви Православной*» направлена только на тех, кто разоряет и присваивает церковное имущество, убивает православных клириков. В этом документе, позднее послужившим поводом для канонизации патриарха-еретика, нет анафематствования большевикам, советской власти, революции. Не названы по именам лица, терзавшие Россию и глумящиеся над Церковью.

Арест Тихона (Белавина) большевиками порой выдают за мученичество. Между тем, патриарх-еретик отрекся от всех претензий большевикам, признал свои «анафематствования» ошибочными. И прожил при большевиках, ни в чем им не прекословя, до своей естественной кончины.

В дальнейшем значительная часть православного священства было увлечено в революцию и образование «Живой Церкви». Отчаянно еретическое начинание не было оценено по достоинству. Напротив, «живоцерковники» в дальнейшем были возвращены в лоно Церкви без какого-либо ущерба для себя. Они не были лишены церковных званий и наград, не были отправлены в монастыри для принесения покаяния. Раскол среди раскольников был признан исчерпанным и скрыт в забвении.

В 1926 году произошел захват поста местоблюстителя патриаршего престола, его место самовольно было занято митрополитом Сергием (Страгородским). В 1943 году по воле Сталина состоялся фиктивный Архиерейский Собор, избравший узурпатора Патриархом. Именно от этих еретиков и узурпаторов выстроилась Московская Патриархия, до современного момента упорствующая в безобразиях прежних времен.

Патриарх Алексий II Ридигер

Третье предательство – непротивление бесовщине либеральных властей после 1991 года. И даже объявление ельцинской бесовщины «вторым крещением Руси» (патриарх Алексий II). Последующий процесс фальсификации церковной жизни был связан с изменениями позиций Патриархии, перешедшей к прямому противоречию с Церковными канонами. 24 декабря 2007 года патриарх Алексий II резко осудил чин всенародного покаяния, составленный и благословленный известными православными старцами, поскольку *«особое место в нем занимает призыв покаяться „за недостаточность“ прославления новомучеников и Царской Семьи»*. Патриарх сказал: *«Со всей ответственностью заявляю, что этот „покаянный акт“ недопустим и душевреден»*, а также объявил, что священнослужителей, которым не хватает Таинства Покаяния, совершаемого в храмах, необходимо лишать сана. К тому времени сам патриарх и его ближайшее окружение были замечены в многочисленных актах сослужения с еретиками.

Епископ Диомид

С момента развала государства происходило развитие неосергианства и новых ересей: экуменизма, цареборчества и т.д. Весь период разорения России либералами церковное начальство проповедует непротивление властям, враждебным Православию. Безбожные постановления власти и бессовестное поведение государственного чиновничества не вызывает нареканий Московской Патриархии, что является прямым противлением Воли Божьей, «симфонией» с богоборческим политическим режимом.

В 2008 году Московская Патриархия окончательно утвердилась в позиции безответственности за прежние грехи, отрицая ответственность потомков за грехи предков «до третьего и четвертого рода» (Исх. 20,5) в случае отказа от покаяния. Архиерейский собор РПЦ МП утвердил раскольническое положение о «непредпочтительности» какого-либо режима государственной власти. Чем состоялся отказ от идеала православной государственности.

Архиерейский Собор принял неканоническое решение о лишении сана епископа Диомида, который провозгласил единственно верную позицию против состоявшегося в XX веке раскола: *«За отступление от православной веры, убийство беззащитного Царя-Страстотерпца и Его Семьи страдания обрушились на весь русский народ, допустивший такие страшные злодеяния на своей земле. Наказание это продолжается и поныне об*

этом говорит духовно-нравственный, экономический и политический кризис последних лет, распад страны».

Действуя строго по православному Канону, епископ Диомид распространил свои послания с призывами отказаться от ересей и вернуться к Истине Православия. Отказ еретиков потребовал провозглашения анафемы высшим иерархам РПЦ МП, которая кажется на бытовом уровне столь же невозможной, как и открытое провозглашение президента страны самозванцем. Тем не менее, такая анафема является обоснованной и допустимой, аналогичной имевшим место в церковной истории.

Епископом Диомид 17 июля 2008 года, в день 90-летия со дня убиения святых царственных мучеников, провозгласил анафематизм Недели Православия *«еретикам-цареборцам – патриарху Алексию II, митрополиту Смоленскому и Калининградскому Кириллу, митрополиту Минскому и Слуцкому Филарету, и всем их предшественникам, участвовавшим в антимонархическом февральском бунте 1917 года, и всем вместе с ними помышляющим»*, представляет собой не что иное, как возвращение к истокам и Канонам Православия.

Епископ Диомид предложил единственно возможный рецепт преодоления церковного раскола и Смуты новых времен:

«Для того, чтобы всем ныне разрозненным русским людям преодолеть катастрофические последствия революций, совершенных в России в начале XX века и изменивших вековой уклад Православной русской жизни, необходимо осознать великий грех цареборчества и безразличия нашего народа по отношению к антихристианским процессам, происходящим в нашей стране. Это является одним из необходимых условий для исправления русского народа в его покаянии перед Господом Богом, а также для привлечения Божественной Благодати на всестороннее возрождение Православной русской жизни.

В феврале-марте 1917 года на Русской Земле было совершено небывалое злодеяние: в нарушение вероучения Православной Церкви и Соборной клятвы 1613 года, а также в нарушение гражданами личных верноподданнических присяг Императору осуществлен антимонархический бунт, в результате которого была свергнута Самодержавная власть Царя – помазанника Божия и утверждена власть антихристианского, антирусского «временного правительства». Этот бунт посягнул на изменение вероучения Православной Церкви о том, что только Православным Государям в Таинстве миропомазания дается Благодать Святаго Духа на политическое управление Православным народом».

К сожалению, его призыв до сих пор не услышан.

Цареубийцы

«Золотой век» на крови

Интеллектуальные смутьяны более поздних времен всячески пытались оправдать убийство царя Петра III и дворянские вольности екатерининских времен. Либеральный историк В.О.Ключевский писал о царе как о *«самом неприятном из всего неприятного, что оставила после себя императрица Елизавета. Это наследник, сын старшей елизаветинской сестры, умершей вскоре после его рождения, герцог Голштинский».*

Коронационный портрет императора Петра III Федоровича. Фрагмент (Л.К. Пфанцельт)

Да, Петр III был в родстве по женской линии с двумя династиями – он был внуком Петра I и внуком сестры шведского короля Карла XII. Но надо отметить, что юный правитель маленького герцогства готовился к шведскому престолу – учил латынь, шведскую грамматику и лютеранский катехизис. Почему же царица Елизавета решила превратить герцога 14-летнего Карла-Петра-Ульриха в Петра Федоровича и заставить его выучить русский язык и православный катехизис? Вероятно, он чем-то напоминал юного Петра – «походил на ребенка, вообразившего себя взрослым», «на серьезные вещи он смотрел детским взглядом, а к детским затеям относился с серьезностью зрелого мужа». Его увлечением были игрушечные солдатики и слава Фридриха II. Елизавета отнеслась к детским забавам с ненавистью, называя Петра «проклятый племянник».

Петр Федорович в России был окружен ненавистью – тетка и жена своими властными претензиями ограждали его от всего, что он мог бы понять и полюбить. Его держали почти под арестом, превращая в недоросля. Его попытки создать армию по прусским (лучшим на тот момент) образцам, вызвали ненависть у придворных смутьянов, которых особенно раздражала голштинская гвардия, которая должна была послужить образцом для остальной армии. Его стремление подражать быту прусских офицеров рассматривалось как следствие безумия. Что прощали Петру I, не прощали Петру III. Он не был ставленником ни одной из группировок, а принял престол по праву ближайшего родства. Поэтому курить и пить допьяна он мог только под ненавидящими взглядами русского дворянства, возомнившего себя опорой государственности и морали, оправдывающего крамолы против Государя. Остроумие Петра выдавалось как «вздор», искренность – как «болтовня», реформаторские планы – как «нескладицы». Ему ставилась в вину игра на скрипке, высмеивание неловкостей придворных дам и священников. Все это выливалось в вывод: «Он совсем не похож на государя». На самом деле не похожи были на подданных те, кто должен был защищать государство и Государя.

Смута назревала и в церковных кругах, где больше следили за поведением царя на богослужениях, чем за порядком в собственных делах. Враждебно встретило священство подчинение Коллегии экономии, управлявшей недвижимым имуществом Церкви, Сенату, а также предписание о передаче церковных земель крестьянам, которые ее обрабатывали. Был также издан указ о равенстве христианских вероисповеданий, «отобрание в казну» монастырских крестьян и другие реформы, которые расценивались как «сумасбродство».

Церковные «верхи» настроились против царя и сочувствовали назревающему перевороту, а в решающий момент освятили измену именем Бога.

Граф Никита Иванович Панин

Петр III вводил в армии строгую дисциплину и мучил распустившееся офицерство маршировками. Маршировать вместе с солдатами было тяжко, а некоторым это казалось злонамеренным унижением дворянской чести. И – подумать только! – он намеревался отправить гвардейцев на войну с Данией! Вот уж этого ему гвардейское офицерство никак не могло простить. При этом заключение мира с Пруссией рассматривалось как измена. Игнорировался тот факт, что Пруссия была естественным союзником России – протестантская держава посреди католических государств. «Немецкий вектор» не случайно образовался во внешней политике Петра Великого. Во все эти соображения, смутьяны, разумеется, не собирались вникать. Они искали возможности нанести удар по законному правителю и использовать узурпацию власти в личных целях.

Григорий Орлов

Алексей Орлов

Мелочные претензии сложились в военный заговор Государя, состоявшийся 28 июня 1762 года. Кто был во главе заговора? Граф Никита Панин – дипломат, душой привязанный больше к Дании и Швеции, где долгое время служил, чем в России. Братья Григорий и Алексей Орловы – распущенные и циничные представители дворянской молодежи, известные разве что своими попойками и кулачными боями без правил. Григорий Орлов – будущий фаворит Екатерины II, от которого она в год переворота родила сына Алексея и которому тогда же пожаловала титул графа. Алексей Орлов – также впоследствии получил милости от императрицы и прославился победным командованием русским флотом в Чесменском морском сражении (1770). Разумеется, создание флота и русских флотских традиций – это не его заслуга. Участвовал в смутьянстве и юный Григорий Потемкин, также проложивший себе путь к флотскому командованию, губернаторству и фельдмаршальскому титулу через будуар императрицы. Наконец, граф Кирилл Разумовский – полковник Измайловского полка, расточавший свои богатства на попойки гвардейцев.

Княгиня Е.Р.Дашкова

Душой заговора оказалась популярная у дворянства умелая интриганка и жена императора – императрица Екатерина. Императрица провоцировала супруга на публичные действия, ронявшие его достоинства. Когда она не поднялась во время провозглашения тоста за императорскую фамилию на торжественном приеме в честь русско-прусского договора и выпила свой бокал сидя, взбешенный император выкрикнул в ее адрес бранное слово и даже повелел арестовать ее. Но потом смягчился и отменил приказ.

В заговоре также активно участвовала столь же распущенная и циничная дама – 19-летняя княгиня Дашкова, вошедшая в историю только своей сомнительной популярностью у гвардейских офицеров.

Обстановка накануне переворота своей отвратительностью напоминает предфевральские месяцы 1916-1917 гг.: почти открыто говорят о скором свержении царя, клевещут открыто или наушничают, распространяя басни о «плохом государе». Последующие события также перекликаются с трагедией, постигшей Николая II и Россию в 1917-1918. Законный правитель был низвергнут, сфабриковано его отречение от престола, а затем император был зверски убит.

Великий князь Петр Федорович и великая княгиня Екатерина Алексеевна

Назревший переворот был спровоцирован случайным арестом одного из участников заговора. Григорий Орлов в своей карете отвез Екатерину в Измайловский полк, который тут же присягнул императрице, совершив акт измены прежней присяге. Нашелся и священник, который освятил от имени Церкви этот кощунственный акт, а затем привел к присяге и Семеновский полк. Под охраной взбунтовавшихся гвардейцев Екатерина проследовала в Казанский собор, где ее провозгласили самодержавной императрицей. Затем в Зимнем Дворце Сенат и Синод присягнули узурпаторше.

Император, обнаруживший мятеж слишком поздно, попытался найти прибежище в Кронштадте, но из крепости предупредили, что будут стрелять. Предложение отбыть в Померанию – в действующую армию – Петр III отверг, отказавшись от сопротивления перевороту. Примирительные предложения к Екатерине не возымели действия. Угрозами император был вынужден переписать заготовленный для него текст отречения от престола и, едва избежав гибели от рук нахлынувших в Петергоф гвардейских солдат, был заключен под стражу в удаленном поместье. Там он подвергся унижениям, а потом был убит Алексеем Орловым, который признался, что в пьяном угаре сам не помнил, что делал.

Цареубийство произошло 6 июня - в тот же день, когда Екатерина выпустила свой манифест с клеветой на низложенного императора, оправдывая переворот тем, что государству грозили гибель и мятеж. По просьбе Сената Екатерина отказалась присутствовать при погребении мужа, которого она отдала в руки убийц. «Золотой век» Екатерины был попыткой войной и роскошью заглушить память о цареубийстве. Отчасти это удалось в силу исторической случайности: расцвет государственного могущества,

заложенный в прежние годы, пришелся на правление Екатерины. Примерно такая же случайная судьба прославила Сталина, который оказался на волне исторического процесса, происходившего помимо него.

Цареубийством дворянство, гвардия, дворцовые интриганы заложили подспудный процесс, который вернулся всему этому слою, приближенному к власти, через полтора века. Не изменив своих установок в отношении Высшней власти, эти круги были почти полностью истреблены.

Дворцовая расправа

Павел I царствовавший всего четыре года и четыре месяца оставил после себя множество исторических анекдотов, курьезных историй и загадок. Загадочной остается и его насильственная смерть от рук ближайших подданных.

Правление Павла представляет собой попытку утверждения такой формы правления, которая обещала устранение причин, порождавших войны, бунты и революции. Частная неприязнь группы привыкших к распущенности и пьянству екатерининских дворян ослабила эту линию, не дала ей вовремя развиться и утвердиться, чтобы на прочной основе изменять жизнь страны, обгоняя другие народы и государства. Цепь случайностей связывается в роковую закономерность: что не смог делать Павел, его последователи уже не смогли сделать вовремя.

Павел Петрович, сын Екатерины Великой

Судьбу Павла предопределили его характер и унаследованные от Екатерины II общественные порядки и обычаи. С рождения он был отнят у матери, будущей императрицы, и воспитывался няньками. В восьмилетнем возрасте он потерял отца, Петра III, убитого в результате государственного переворота. И был лишен престола своей собственной матерью, которая утвердилась на троне на долгие 34 года.

Существует гипотеза о том, что отцом Павла I был не Пётр III, а граф Сергей Салтыков. Двусмысленные указания на это исследователи находят в мемуарах Екатерины II. В то же время здесь же содержится прямое свидетельство, что зачать наследника не удавалось, пока Петр III не согласился на операцию. От ненависти к мужу императрица вполне могла выдумать его вину за бездетность. Портретное сходство Павла с Петром III считается бесспорным. Этим в значительной мере объясняется и неприязнь Екатерины к своему сыну, напоминавшему об убиенном с ее согласия муже.

Будущий император воспитывался без родителей, в обстановке пренебрежения со стороны матери, как изгой, силой отодвинутый от власти. В этих условиях возникли разнонаправленные черты личности Павла Петровича – подозрительность и вспыльчивость сочетались с блестящими способностями к наукам и языкам, с врожденными представлениями о рыцарской чести и государственном порядке. Способность к самостоятельному мышлению, близкое наблюдение за жизнью двора, горькая роль изгоя – все это отвращало Павла от образа жизни и политики Екатерины II. Еще надеясь сыграть какую-то роль в государственных делах, Павел в 20-летнем возрасте подал матери проект военной доктрины оборонительного характера и концентрации усилий государства на внутренних проблемах. Она не была принята к сведению. В дальнейшем государственные идеи Павла лишь откладывались в его памяти. Военные уставы он вынужден был опробовать в Гатчинском имении, куда Екатерина отселила его с глаз долой. Там сформировалась убежденность Павла о пользе прусского порядка, с

которым он имел возможность познакомиться при дворе Фридриха Великого - короля, полководца, литератора и музыканта. Гатчинские эксперименты в дальнейшем стали основой реформы, которая не прекратилась и после гибели Павла, создав армию новой эпохи – дисциплинированную и хорошо выученную.

Государственная стратегия Павла за время его краткого правления не успела обрести целостности. «Прусский вектор» обеспечил вмешательство России в европейские дела и отразился в Итальянском и Швейцарском походах союзных войск, воевавших против Франции под командованием Суворова. Но непоследовательность австрийских союзников заставила Павла вернуться к стратегии екатерининских времен. Павел совместно с Наполеоном стал готовить военный поход на Индию, а также завоевание Хивы и Бухары. Чем затрагивал интересы Великобритании, намеревавшейся не только овладеть всей Индией, но и добраться до Средней Азии. Выход к естественным границам Империи, который планировал Павел, произошел лишь более полувека спустя. Антибританский сценарий внешней политики был сломан, и в итоге Россия получила трагедию Аустерлица и тягчайшее испытание наполеоновского нашествия.

Долгие годы размышлений над необходимым исправлением государственных порядков привели Павла к уверенности в том, что он знает, что нужно России. Взойдя на престол, он стал торопливо наверстывать упущенное, пробуя реализовать все свои идеи в беспрерывной череде указов, резко меняющих жизнь, прежде всего, высших сословий – приобщая их к государственному служению, которое при Екатерине стало необязательным. Многие офицеры даже не соизволили явиться на военную коллегию для подтверждения своей службы. За что были немедленно уволены. Офицерский состав гвардии практически полностью сменился. Чины и жалования, раздававшиеся не по заслугам, были строго регламентированы, как и поведение разных по званию офицеров, которым следовало прекратить соревнование в пышности обедов и выездов.

Критики Павла пытаются представить его жесткое принуждение к дисциплине – муштрой, а жесткие акции против расхлябанности – произволом, деспотизмом и даже следствием психической болезни императора. На самом деле, Павел шел путем Петра Великого, ломая прежде заведенный порядок, угрожавший существованию России. Он лично брал на себя ответственность, срывая эполеты и подписывая указы о ссылке в Сибирь – за казнокрадство и нерадивость.

Множество начинаний Павла не дало результата. Манифест об ограничении барщины тремя днями в неделю невозможно было проконтролировать. Ящик для обращений подданных непосредственно к императору, который был размещен у ворот дворца в Петербурге, наполнился пасквилями и карикатурами. Для предотвращения обесценения рубля император сжег перед Зимним дворцом 5 миллионов рублей ассигнациями, значительную долю дворцовых серебряных сервизов повелел переплавить в монету. Правда, одновременно он не жалел средств для строительства Михайловского замка.

Важнейшим результатом правления Павла I стали отмена петровского указа, оставлявшего за правящим монархом произвол в назначении преемника, и утверждение порядка престолонаследия по мужской линии вплоть до ее исчерпания, после чего возможен был переход престола по женской линии. Тем самым утвердился однозначный и ясный порядок, доныне определяющий законного наследника российского престола.

В воспоминаниях современников и народной молве Павел выглядит то жестоким, то добронравным; то чванливым и глупым, то простым и мудрым. Многогранная и неординарная личность императора не укладывается в схему. Единственное, что надежно смогли утвердить фальсификаторы русской истории – противопоставление императора Павла и полководца Суворова. Конечно же, меж двумя яркими, а порой и просто эксцентричными, личностями не могло быть полного согласия и понимания, но опала Суворова за его стариковские шуточки над «прусскими порядками» в армии продолжалась всего лишь год. Император искренне негодовал на распущенность и панибратство в армии, но оценил заслуги Суворова званием генералиссимус. Павел

простил Суворову циничные оскорбления, которые тот отпускал по адресу Цесаревича, вместе с придворными Екатерины полагая, что Павлу никогда не править Россией.

Отъезд Суворова в поход 1799 года

Что касается жестокости павловских порядков, то во многом они преувеличены. Общеизвестная история с «поручиком Киже» из повести Тынянова – лишь обработка исторического анекдота, не имеющего отношения к реальности. Множество подобных анекдотов распространяли в те времена дворяне, которым Павел I не давал жить вольной жизнью, требуя, чтобы они служили Отечеству.

Жесткие реформы Павла (подчас сопровождаемые вспышками гнева, о которых император сам не раз сожалел), как он прекрасно понимал, вызывали злобное недовольство в дворянских кругах, привыкших жить на широкую ногу за счет Государства Российского. Поэтому Павел строил Михайловский замок как крепость – окружил его каналами и рвами с водой с единственным разводным мостом. Мятежа можно было ожидать в любой момент. И Павел сознательно шел на риск.

Сегодня фигура императора Павла I перестала восприниматься как карикатура, и даже модным считается называть его «русским Гамлетом», усматривая аналогию судьбы императора с шекспировским сюжетом. Но на самом деле в судьбе Павла есть множество параллелей с судьбой Николая II.

В обоих случаях ближайшее окружение изменило и предало. И Николай, и Павел знали, что заговор зреет. И оба не воспротивились ему. Оба императора были посмертно оболганы, и ложь о них продолжает жить до сих пор – в бессовестных суждениях, почерпнутых из бесстыдных учебников. Оба императора предчувствовали или даже точно знали о своей смерти. Павел за несколько часов до убийства говорил о смерти с Михаилом Кутузовым, в день убийства внезапно привел к присяге своих сыновей Александра и Константина, а домашним, прощаясь после общего обеда, сказал: «Чему быть, тому не миновать». Только этим можно объяснить устранение охраны императора – отсылка гвардии и личной охраны – конногвардейского караула. Павел как будто ждал заговорщиков.

В обоих случаях к заговору причастны франкофилы и англофилы и стоящие за ними тайные организации, стремящиеся направить Россию по выгодному им пути. В обоих случаях – и в судьбе Павла I, и в судьбе Николая II - есть серьезные признаки того, что убийства носили характер жестокой ритуальной казни. Непосредственные убийцы остались невыясненными, они намеренно затерялись среди знатных заговорщиков.

Вряд ли мы когда-нибудь достоверно узнаем, что произошло в спальне императора, куда нагрянула дюжина вооруженных изменников. Одни мемуаристы пишут, что Павел вступил в длинные переговоры по поводу их требований; другие - что он отчаянно сопротивлялся, и даже видят в его руке шпагу; третьи смакуют, якобы достоверный эпизод, когда император попытался спрятаться за занавеской. Ясно одно: если бы заговорщики хотели просто убить Павла, для этого достаточно было бы пистолетного выстрела. А если бы они хотели его арестовать, то не стали бы избивать и душить. Также исключена вспышка слепой ярости: участники заговора не юноши с нестойкой психикой.

Легенда о тяжелой золотой табакерке, которой кто-то из заговорщиков (называются разные имена), якобы, ударил императора в висок, может быть отнесена к разряду исторических анекдотов.

Об убийстве императора Павла I можно сказать определенно лишь то, что он был перед смертью зверски избит – так, что лейб-медикам размозженные кости лица невозможно было загримировать, и тело покойного (якобы, скончавшегося от апоплексического удара) было выставлено для прощания таким образом, чтобы лица почти не было видно за глубоко надвинутой шляпой. В воспоминаниях медиков, осматривавших тело, сохранились упоминания о следе удушения – широкой полосе вокруг шеи (мемуаристы единодушно говорят о шарфе как орудии убийства, но чей это был шарф, так и осталось неясным), травмы ног свидетельствовали, что императора били, чтобы поставить на колени и задушить. Также все тело было в подтеках, возникших уже после смерти, когда убийцы издевались над трупом.

Убийство Павла I было обусловлено не только стремлением освободить верхи дворянства от тягот службы, но и повязать причастностью к заговору и отцеубийству будущего молодого императора Александра I. Наследник, безусловно, не был столь прямодушен, как Павел, но он не мог желать смерти отцу, даже нелюбимому им. Можно с уверенностью сказать, что он не был посвящен в детали заговора и уж совершенно точно не предполагал убийства императора.

Александр Павлович мог противиться заговору еще в меньшей степени, чем сам император. Его «якобинское» воспитание не шло до черты отцеубийства, но вполне обеспечило оппозицию Александра многому из того, что делал Павел. Тем не менее, быстрая отмена многих внешних проявлений порядков, учрежденных Павлом, не означала, что Россия получила от Александра возможность жить «как при бабушке». Его «теоретический» либерализм не был реализован в революционных изменениях, которые могли бы разрушить государство. Александр I прекрасно осознавал опасность «европейничанья». Либерализм был его частной жизнью, а державные интересы – долгом. Главари заговора очень быстро были устранены не только от каких-то надежд на власть, но от всех связанных с государством дел. Преемственность русской власти оказалась весомей легенды о золотой табакерке.

Покушение на Верховную власть

Император Александр II Царь-Освободитель, Царь-Реформатор через четверть века своего славного царствия был убит бомбой террориста.

Жизнь и судьба Государя Императора Александра II – яркое и поучительное свидетельство могучего творческого начала Верховной власти, с одной стороны. А с другой – поразительного легкомыслия, беспомощности перед, казалось бы, ничтожными персонажами, шаставшими по России в бесплодных поисках народной любви. Гордая и милостивая натура Царя не ведала тревожного интереса к этим зародышам гражданской войны, не беспокоилась невидимым до времени вирусом разложения. «Что они хотят от меня?» - недоумевал Государь среди домашних.

Воспитанный чувственным и романтичным поэтом Жуковским, старавшимся оградить Наследника от суровой повседневности николаевской эпохи, Александр II стал натурой многосложной, совмещающей в себе и решительность реформатора, и стойкость консерватора, и мягкость либерала. Жесткий консерватизм, воспитанный на государственной службе, к которой он был приобщен с самых молодых лет, совмещался с замыслами больших и давно назревших перемен, очевидность которых следовала из поражения России в Крымской войне и из расстроенных государственных финансов. Проведенные реформы – прежде всего, освобождение крестьян от крепостного права, судебная и земская реформы, нововведение в сфере образования, военного строительства, финансов – приближали Россию к европейским «стандартам». Но по тем же «стандартам» возбуждали в ней противогосударственные элементы, которым не терпелось превратить реформы в революцию, в полное разрушение России, ненавидимой ими, прежде всего лично – мощь Империи не предвещала успеха стране этим жалким бездарям.

Оценка реформ и следовавших за ними изменений существенно искажена идеологизацией, захватившей наш народ на многие десятилетия. Обличение «крепостничества» - одно из направлений беспрестанной агитационной работы, которая привела к тому, что оценка крепостного права кажется самоочевидной и уже не требующей никакого осмысления. Значительную роль в изобличении пороков крепостничества сыграла русская литература, которая подбиралась коммунистическими идеологами вполне определенным образом, чтобы продемонстрировать: большевицкий погром был вполне оправдан и подготовлен возмущением народа. Мол, «низы не могли жить по-старому».

Реальность различных форм зависимости человека от человека, приводящая к несвободе, носит совершенно иной характер, отличаясь от привычной нам точки зрения. Например, античный период истории всегда связывают с рабством и полагают, что его крах обусловлен именно этим: невозможностью сохранения подобных отношений. Между тем, рабство определяло статус несамостоятельных людей, которые не способны распоряжаться своей жизнью и ответственно относиться к своим обязанностям в отношениях с другими людьми. Это вовсе не означало, что раб был «вещью» и с ним можно было творить все, что угодно. Напротив, рабу никто не отказывал в человеческом достоинстве. Например, в одном из диалогов Платона описывается ситуация, когда за убийство раба полноправный грек был связан хозяином этого раба, и брошен в канаву до прихода представителей власти, которые должны были расследовать преступлении. Там убийца и скончался.

Отношения зависимости, которые, согласно марксистской историософии, называются «феодальными», также не были однозначно негативными. Они структурировали и стабилизировали общество, позволяя ему плодотворно развиваться. Невозможно совместить образ забитого и нищего русского крестьянина с образом чудо-богатыря – суворовского солдата, пришедшего на государеву службу из крестьян. Невозможно совместить россказни об ужасах крепостничества с биографией Михайло Ломоносова.

Картины бедствия крестьян, описанные Радищевым в «Путешествии из Петербурга в Москву», - следствие помрачения рассудка, искажающего восприятие социальной действительности. О чем Пушкин написал: эти картины написаны пером, которое обмакнули в желчь. Им противостоят другие картины, на которых «следы довольства и труда». Страдальческие мытарства некрасовских мужиков опровергаются его же более глубокими стихами. И вполне успешной жизнью Некрасова как писателя, карточного игрока и помещика.

Представление истории как постоянно развивающейся идеи свободы, связано с европейской мыслью, где эта идея, в самом деле, начиная с эпохи Просвещения, представляется как ключевая и вневременная. Разумеется, идея свободы охватывает лишь небольшой период и небольшой регион. Она сыграла выдающуюся роль в крушении традиционных обществ и погрузила человечество в беспрерывные войны и революции,

потребовавшие положить на алтарь свободы столько жертв, сколько не было в эпохи самых страшных тираний.

Отмена крепостного права не стала продуктивным решением. Оно породило целое движение «шестидесятников» - образованцев, не верующих в Бога и ненавидящих Россию. Из нигилистов и бездушных рационалистов, описанных Тургеневым в «Отцах и детях», выросли террористы, чья ненависть к России сочеталась со страстью к абстракции свободы - выросшей в сознании этих людей бесовщины. «Бесы», описанные Достоевским – тип людей, едва коснувшихся образования и получивших вместе с ним яд западничества, составленный из иллюзий и фобий, усиленны формальной логикой, доводящей до убежденности в своей правоте. «Право имею», как полагал герой Достоевского из «Преступления и наказания». До сей поры люди этого типа полагают, что имеют право клеветать на Россию и желать ее уничтожения.

Суть проблем, связанных с крепостной зависимостью, отразилась в литературной поэме Гоголя «Мертвые души». Страдание крестьянина наступали только там, где помещик лишался рассудка. Самые несчастные крестьяне – плюшкинские. А не блещущий человеколюбием Собакевич, напротив, гордился добротностью своих подопечных. Фантазерство Манилова убивало среди его крестьян чувство ответственности, и хозяйство приходило в упадок. Точно так же при Плюшкине юный Прошка становился вором, а при жулике Чичикове слуга Петрушка – пройдохой. Крестьяне, рассуждающие в начале романа о колесе чичиковской брички, - это совсем другой человеческий тип, это не забитая часть общества, а его опора.

Возникновение крепостного права в России связано с тяжелыми условиями жизни и русским менталитетом, склоняющим к странствиям и мечтаниям тех, кому государственная необходимость полагает необходимым трудиться в поте лица. Привязанность русского крестьянина к земле была необходима, поскольку только так можно было удержать и сохранить хозяйственный механизм, в котором постепенно складывались условия развития. Свобода, о которой грезят и сегодняшние нигилисты, разорвала бы Россию в клочья, русский народ без жесткого управления и сильной власти разбрелся бы и распался. Что, собственно, мы и видим теперь, когда самые умные ищут себе приложения сил вдали от родины, а брожение очень свободных людей (хотя бы в сравнении с крепостным периодом) доводит их до одичания, распада родовых связей – носителей народной памяти, основы народного самосознания.

Ощущение кризиса в крепостном праве преследовало властные и общественные круги России весь XIX век. Но реформы каждый раз откладывались по двум причинам: 1) начиная с декабристов, стало ясно, что предоставление более широких прав личности чревато революционным взрывом и распадом государства; 2) попытка обязать землевладельцев большей ответственностью за положение крестьян чревата государственным переворотом.

Фактически перед русским государством стояла проблема становления современного общества, в котором необходимо сложить общую гражданскую солидарность нации и сотрудничество между различными социальными слоями. С одной стороны, следовало привить крестьянству более самостоятельной образ жизни, без расчета на помощь государства и помещика. С другой стороны, нужно было превратить помещика из нахлебника и самодура в хозяйствующего предпринимателя. Ни того, ни другого отмена крепостного права не обеспечила. Потому что проводилась, исходя не из сложившегося положения дел и государственной необходимости, а из стремления следовать прогрессистским тенденциям, наблюдаемым в Европе.

Увлекшись реформами, Государь не заметил тех опасностей, которые грозили ему лично и стране в целом, не нашел средств для их искоренения. Гнилостные идеологические бактерии, порожденные французскими романами и сделавшие моду на нигилизм, распространились среди полуграмотных разночинцев.

Дворянская вольность после декабристов, сдавленная волей Николая I, больше не подавала признаков жизни. Но как только эта воля, прерванная внезапной смертью самодержца, перестала действовать, дворянское праздномыслие проникло в толщу

читающей публики, мечтавшей приобщиться к аристократизму именно через вольнодумные идеи. Масонский дух цареубийства, выдаваемый за тираноборство, распространился как настроение никчемного сброда, шатавшегося по городам и весям Империи в поисках великой мисси для своих ничтожных сил. Это был буйный родственник того «призрака», что бродил тогда же по напитавшейся марксизмом Европе, намереваясь броситься в объятья к российскому нигилизму и с ним на пару «грянуть на царей».

Д.В.Каракозов

Вера Засулич

Покушения на Царя первоначально были делом крохотной группы авантюристов, деятельность которой закончилась после выстрела Каракозова 4 апреля 1866 года. Но именно это преступление, посягнувшее на жизнь Помазанника Божия, стало отправным пунктом для существенных перемен в государственном управлении и сворачивания ряда реформ, с огромным трудом проводимых в течение десятилетия. Государь как будто понял преждевременность многих своих замыслов, увидев неспособность высшего общества выдвинуть действительно талантливых управленцев, бездеятельность и вялость чиновников, ущербность дворянства и крестьянства, озабоченных стремлением извлечь из реформ максимальную выгоду для себя, наглость журналистского сословия, возбуждавшего эти стяжательские настроения и склонявших народ к бунту, а «верхи» - к измене.

Увы, попытка подавить разрастание нигилизма относительно мягкими мерами, не затрагивая смысла самих реформ, обернулась настоящим всплеском террористической деятельности и основанием террористических организаций, прямо нацеленных на цареубийство. Происходит целый ряд покушений и убийств представителей власти. Наиболее известным случаем из этого ряда стал в 1874 выстрел Веры Засулич в петербургского градоначальника Трепова и оправдательный приговор по этому делу, встреченный бурным ликованием публики, уже считавшей, что террор – приемлемое средство для противодействия полицейскому произволу.

В апреле 1879 года бывший студент Александр Соловьев пытался в упор расстрелять Государя из револьвера, сделав пять выстрелов, но всякий раз промахиваясь. Следователям он заявил: *«Я окрещен в православную веру, но в действительности никакой веры не признаю. Еще будучи в гимназии, я отказался от веры в святых... Под влиянием размышлений по поводу многих прочитанных мною книг, чисто научного содержания и, между прочим, Бокля и Дрэпера, я отрекся даже и от верований в Бога, как в существо сверхъестественное».*

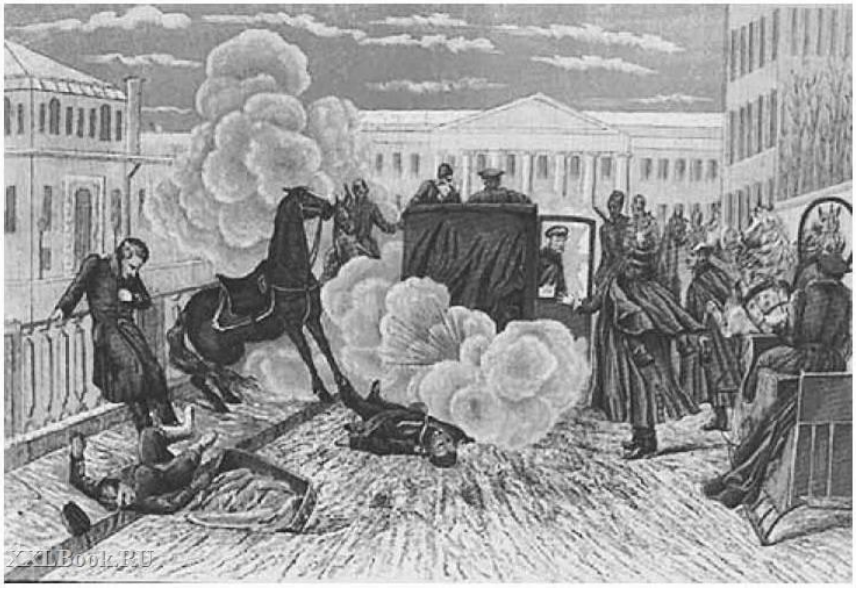
Осенью того же года террористы пытались минировать пути следования Государя из Крыма в Петербург. Затем последовала неудачная попытка взрыва императорского поезда в Александровке, через месяц Государя спасла путаница в маршрутах, в результате чего вместо царского поезда пострадал свитский. В 1880 году террористы взрывают Зимний дворец. Только после этого в стране вводятся чрезвычайные меры. Впрочем,

достаточно мягкие, отмененные через полгода в связи с кажущимся успокоением. И в то же время эти меры оказываются неизбирательными и, как впоследствии отмечал Л.Тихомиров, тем самым служившими рекламе революции и превращению ее из дела отщепенцев в пугающую реальность.

Граф М.Т. Лорис-Меликов

Обращение Царя к обществу о содействии в деле спасения молодежи от пагубного увлечения революцией имело обратное действие. Земские конституционалисты расценили это как возможность в очередной раз заявить о необходимости свободы печати, неприкосновенности прав личности и широкого самоуправления. Противодействие террору ставилось в зависимость от предоставления России конституции. Следствием этой изменнической позиции было прекращение репрессий и появление «конституционного проекта» графа Лорис-Меликова. Конституционалисты получили своего агента на вершине власти и укрепились в вере в свою посредническую миссию между властью и народом. Спокойная и не требовавшая потрясений воля народа была подменена измышлениями либералов, подающих террор как проявление будто бы близкого народного бунта. Царю предписывалось «сблизиться с народом», уступая либералам. Только этим можно объяснить поразительную беспечность как полицейских чинов, так и Верховной власти.

Чужебесие охватывало русский народ постепенно. Ошибки правительства оживляли прослойку конституционалистов-либералов, которые оправдывали террор отсутствием прав и свобод личности. Либерализм ломал и корежил русское общество столь же нещадно, как и сегодня. Из среднего образованного сословия либерализм выпестовал «бесов». И они, корчась бесовскими муками, переступали через грань – становились верующими в нечаевщину и готовыми на убийство.



В.Фигнер, описавшая первоначальный замысел группы своих единомышленников, сообщила: *«Наш план состоял из трех частей, преследовавших одну цель, чтобы это, по счету седьмое, покушение наше было окончательным. Главной частью был взрыв из магазина сыров. Если бы этот взрыв произошел немного раньше или позже проезда экипажа царя, то, как раньше было сказано, четыре метальщика — Рысаков, Гриневицкий, Тимофей Михайлов, Емельянов — с двух противоположных сторон на обоих*

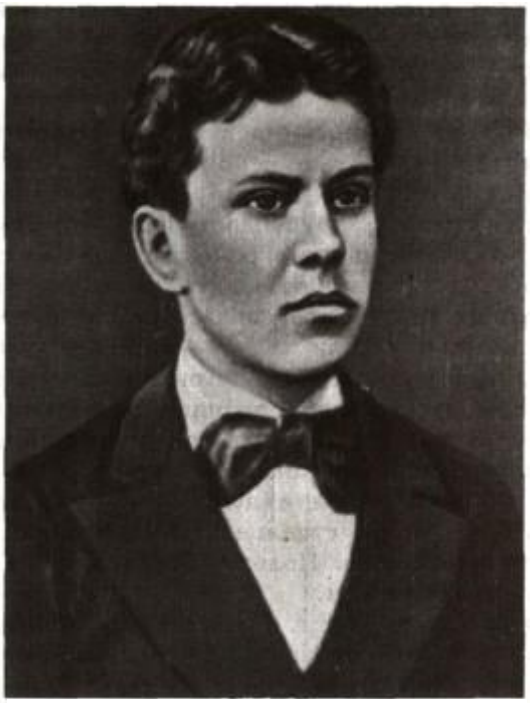
концах Малой Садовой должны были бросить свои бомбы; но если бы и они остались почему-нибудь без результата, то Желябов, вооруженный кинжалом, должен был броситься к государю и кончить дело». Этот поистине шизофренический план был прерван внезапным арестом Желябова – организатора взрыва в Александровке.

Желябов самоуверенно заявил, что террористы его арестом не остановлены и покушение на Царя будет непременно. В распоряжении у власти было двое суток. Но Лорис-Меликов лишь предупредил об этом Государя, не предприняв спешных мер безопасности и не желая возбуждать ложную тревогу. Набережная на Екатерининском канале, по которой с пунктуальной точностью должен был проследовать Государь, осталась пустынной. Давно выслеженный заговорщиками распорядок позволял им точно знать, когда они могут встретить Государя и забросать его бомбами.

Террористы привели в действие запасной план. Правда, у них уже не было прежней решимости. План, разработанный под руководством фанатичной С.Перовской, также едва не рассыпался. Из четверых бомбистов один просто сбежал, другой, увидев последствия взрыва, забыл про бомбу, зажатую под мышкой, и бросился помогать юнкерам укладывать в сани смертельно раненного царя. Бомбист, швырнувший адское устройство под карету царя, не стал геройствовать на допросах и легко сдал свою организацию полиции. И только студент Гриневицкий перед убийством со вкусом пообедал и сотворил дьявольскую затею с хладнокровием - покончив одновременно и со своей жизнью. Безмятежен перед казнью был и изготовитель бомбы Кибальчич, рисовавший в каземате проекты ракетных аппаратов.

Пятеро основных участников и организаторов убийства Царя были публично повешены. Но эта мера вместе с полицейским разгромом народовольческих организаций только приостановила рост революционного движения, возведя негодяев в пантеон героев революции. Убийство Александр II породило в кругах ненавистников России радостное возбуждение. «Мятежный князь» Кропоткин писал: *«Престиж "помазанника Божия" потускнел перед простой жестянкой с нитроглицерином, теперь цари будут знать, что нельзя безнаказанно попирать народные права».*

Террористы, замышляя цареубийство, метили вовсе не в конкретного самодержца, а в Россию. Именно поэтому в годовщину убийства Александра II они попытались убить царя Александра III. Их взяли с поличным прямо перед покушением. Среди организаторов покушения был брат будущего «вождя мирового пролетариата» Александр Ульянов, казненный вместе с другими заговорщиками. За него Ульянов-Ленин отомстил России новым цареубийством и массовыми казнями представителей всех сословий.



Игнатий Гриневицкий

Предвидя такой разворот событий, на следующий день после убийства Александра II М.Н.Катков писал: *«По мере того как ослабляется действие законной власти, нарождаются дикие власти, начинается разложение, совершаются насилия, колеблются основы всякой нравственности, дух растления овладевает умами и вместо явного правительства появляются тайные, действующие тем сильнее, чем слабее действие государственной власти».*

Государь Павел I был убит дворянами. Государь Александр II взорван разночинцами-народовольцами. Государь Николай II был расстрелян шайкой простолюдинов-разбойников. От дворянского террора Россия пришла к террору повальному – к гражданской войне. Праздные людишки, исполнив мечту о цареубийстве, начали резать друг друга и всех

подряд. И это закономерное следствие упадка государственности и нравственного духа народа – начиная с его «верхов», в аристократии. Тайное убийство Павла I положило начало распаду народного представления о сакральности Верховной власти, о неприкосновенности Помазанника Божия. Блеск Империи XIX века – ее величественные победы и размах действительно плодотворного реформаторства, в котором власть всегда шла впереди общества, скрывали подспудно тлеющую болезнь русского духа. Цареубийство было горячечной мечтой ненавистников русского величия, плодящихся посреди самой России.

Трагическая гибель Александра II должна была стать предупреждением Династии, что дни ее могут продлиться только в условиях консервативно-охранительной обороны от тлетворного разложения и точных мер по искоренению революции. Но трагедия Династии состояла в том, что ее опора – дворянство, священство, чиновничество, верноподданный люд – все больше впадали в распущенность и невольно потакали террору. Даже после убийства Государя либералы из всех сословий продолжали толковать о бессмысленности реакции и силе Провидения, против которого Верховная власть столь опрометчиво вела борьбу. Только Манифест Александра III, заявивший незыблемость Самодержавной власти, остановил эту волну конституционалистского бреда. Последовательно проведенный принцип самодержавия раздавил террор и на годы замкнул рты либеральных говорунов.

Люди без царя в голове всю историю Российской Империи не имели существенного значения, но всегда стремились его приобрести – пока не добились своего, лишив Россию Верховной власти. Сегодня власть ничего не может противопоставить этому расплодившемуся племени. Без царя в голове живет и сама властная элита России, потеряв смысл служения, потеряв Веру, Царя и Отечество. Масштаб террора, заполонившего современную Россию, соответствует масштабу разложения власти и духа народа. Смерть настигает нас за смертные грехи, за отступничество от богоданной исторической миссии России.

«Кругом измена и трусость и обман», - напишет в своем дневнике Николай II. О том же, вероятно, мог подумать и умирающий от страшных ран Александр II. О том же должны думать и мы, понимая, что и теперь террор и измена добивают Россию. Никакие самые жестокие меры против бандитов и изменников не страшны, если мы боимся потерять Россию и сохраняем в себе надежду восстановить в ней порядок и Верховную власть.

Ритуальная казнь

Убийство Царя, его Семьи и самых близких слуг – это не просто уголовное преступление. Это деяние исторического масштаба и одновременно сатанинский ритуал.

Исторический масштаб события таков, что без правильного его понимания, вся история России будет извращена. Именно это и происходит сегодня. Гнусный навет на Государя, а значит, и на историческую Россию, продолжается. Значительная часть общества продолжает пользоваться суждениями, выработанными коммунистической пропагандой, и кощунственно солидаризироваться с убийцами. Большевистские мифы работают как закон смерти для нашей страны. Либо мы от них избавимся, и тогда миссия Государя станет ясной подавляющему большинству, либо они нас утащат в небытие.

Даже если забыть о том, что для России и ее народа Царь – Помазанник Божий, то преступление большевиков и стоящей за их плечами сатанинской секты чудовищно. Расправа над группой лиц (взрослых и детей) без суда и следствия была не противозаконным актом власти (как пытаются представить), а преступлением со стороны бандитов, захвативших власть. Не случайно они столь тщательно заметали следы.

Нет сомнений, что крайняя степень изуверства была связана с сатанинским ритуалом. И здесь нам открывается неведомый многим пласт истории, в котором присутствуют силы с непонятными современному человеку установками. Между тем, именно эти силы организуют уничтожение России и русских, направляют многие легально действующие организации в нашей стране и за рубежом. Именно поэтому

продолжается клевета на Государя, фальсификация истории и материалов проведенных расследований.

Следствие по делу об убийстве царской семьи, основывалось не на достоверных фактах, а на записке душегуба Юровского, командовавшего расстрелом в доме Ипатьева. Причем эта записка – явная фальшивка, подготовленная большевистскими идеологами вместе с другими «подтверждающими место захоронения» документами. Масса нестыковок в связи с этими документами не остановила председателя госкомиссии 90-х годов XX века Бориса Немцова (одного из самых известных либеральных «ультра» того периода), который административным решением свернул работу следствия. Вероятно по тем же причинам, по которым Керенский, а потом и Ленин отказались от суда над Николаем II. Керенский в своих воспоминаниях не может избавиться от ощущения собственной неадекватности: его ненависть к Государю стала ощущаться совершенно нелепой после кратковременной встречи с Николаем II. Изменник взглянул в глаза праведнику и не выдержал взгляда. Точно так предатели прячут глаза по сей день.

Фальсификация следствия готовилась многие годы. В цепи событий не только фальшивки чекистов, но и участие в деле известного деятеля эпохи перестройки А.Яковлева (еще в 1964), и разрушение дома Ипатьева Борисом Ельциным (в 1976), и попытки закрыть дело еще в 1993 со стороны одного из ведущих пропагандистов либеральных реформ, разрушающих Россию, - Анатолия Собчака.

В ходе следствия, начатого в 1991 году, было очень много странных совпадений и несуразиц. Версия о злонамеренной подтасовке материалов дела следствие не рассматривало. Пробы для экспертизы брались без свидетелей и без описи. Сама экспертиза проводилась почему-то за рубежом. Под заключением американских и британских экспертов стоит лишь одна подпись российского эксперта. Иностранные

исследователи ограничились описанием методологии исследований в специальных статьях, предпочитая не делать никаких выводов. Генетическая экспертиза проводилась вне всякого контроля, образцы костной ткани, взятые для анализа останков, могли быть подменены в любой момент, в работу беспрепятственно могли включиться представители западных спецслужб и т.д. Выводы генетической экспертизы через несколько лет были поставлены под сомнение японскими исследователями, которые получили в своих опытах иные результаты.

Очевиднейшие факты ельцинской следственной комиссией просто не брались во внимание. Например, правительственные эксперты проигнорировали необходимость обнаружения на черепе, который приписывался Николаю II костной мозоли от удара самурайской саблей 29 апреля 1891 года, когда медиками в ране был обнаружен осколок кости 2,5х2 см. След от раны наблюдался врачами Государя вплоть до 1918 г.

Янкель Юровский

Нелишне упомянуть, что дело о расстреле большевиками Михаила Романова было также фальсифицировано. После ритуальной казни в целях ее сокрытия чекисты долгое время вели фиктивное дело о похищении Великого Князя из пермской гостиницы «Королевские номера». Чуть раньше чекисты Войков и Родзинский фабриковали письма к царской семье, пытаясь спровоцировать ее на побег из дома Ипатьева. В 20-х годах большевики инспирировали целую серию фальшивок – дневник фрейлины императрицы Вырубовой, дневник врача Бадмаева, наконец, явно отредактированные материалы следователя Соколова, умершего внезапно в 1924 году.

Не случайно гробы для захоронения «екатеринбургских останков» сделаны так, что открыть их невозможно. Ельцин и организаторы похорон хотели, чтобы вопрос был закрыт раз и навсегда, а тех, кто задумает провести повторную экспертизу, можно будет обвинить в кощунственном стремлении взломать гробы.

Не забудем того факта, что убийство царя готовилось многие годы. Для целого поколения революционеров цареубийство стало вожделенной целью. Убийство царя было тожественно убийству исторической России. Сегодня в российском обществе (и в политике, и на высоких государственных постах) тоже немало людей, испытывающих ненависть или пренебрежение к русской истории и культуре и мечтающих лишь об одном – как бы растворить страну в «мировой цивилизации» или использовать ее ресурсы для личного обогащения.

Сторонники «демократической» версии гибели царской семьи говорят, что вопрос Православной Церкви о ритуальном характере убийства бессмысленен, ибо даже в известном «деле Бейлиса» не удалось доказать, что у иудеев такого рода убийства вообще практикуются. Между тем с библейских времен известно, что вблизи Иерусалима существовали капища, где приносились человеческие жертвы. Позднее, после уничтожения жертвенников, эта территория получила название «геенны огненной». Человеческие жертвы разного рода сатанинские секты приносят и по сей день, о чем постоянно сообщается в прессе. Что же касается «дела Бейлиса», то в нем ритуальный характер убийства был полностью доказан, присяжные согласились с доводами следствия. И лишь в отношении доказанности вины самого Бейлиса их голоса разделились поровну – под давлением фантастической по тем временам войны журналистов против следствия и суда.

Убийство Царя и его семьи произошло в обстановке, когда превратить его в ритуал не представляло особого труда. Само убийство было не случайным уголовным преступлением, а тщательно планировалось - вплоть до деталей операции по сокрытию следов. Помимо того что любое цареубийство в принципе имеет для его организаторов ритуальный характер, заметим, что большевики упорно стремились извести всех Романовых – вплоть до малых детей. Это злодеяние, несомненно, сопровождалось не только соображениями политического характера (которые не могли быть существенными после февраля 1917), но и сатанинским удовлетворением от надругательства над Помазанником Божиим.

Дом купца Ипатьева

Версия о том, что в сейфе у Ленина стояла заспиртованная голова Николая II, не лишена оснований. В начале XX века спиртовать части человеческого тела в «просвещенных» кругах не считалось чем-то особенным. В Москву в качестве доказательств присылались, например, заспиртованные головы убитых главарей басмаческого движения. Вполне возможно, что из кремлевских подвалов голова царя перекочевала сначала в захоронение на Коптяковской дороге, а потом стала «образцом» для экспертизы.

Возможен и другой оборот дела. Якобы изъятые из захоронения, а потом возвращенные туда в 1979 году два черепа могли на самом деле изыматься из какого-то другого источника. (Кстати, тогда костная мозоль на одном из черепов была зафиксирована, а потом почему-то исчезла.) В этом случае можно говорить об использовании останков в ритуальных целях, а далее – в целях фальсификации следствия.

Версия с сожжением части трупов убиенных членов царской семьи заставляет задуматься, не была ли попытка сожжения намеренным способом повести следствие по ложному пути, не было ли здесь имитации? Если трупы не удалось сжечь до конца, то где они? Не используются ли они по сю пору в качестве ритуальных предметов сатанинских культов?

Комиссия Ельцина-Немцова в 90-е годы работала аврально, фактически оборвав следствие в разгар работы. Торопливость с захоронением вполне понятна. Здесь сыграло свою роль не только и не столько желание Ельцина чем-то снова удивить обывателя. Организаторам похорон было прекрасно известно, что значительная часть православных верующих почитает Николая II как святого. Объявление останков неизвестного происхождения останками Николая II должно было вынудить верующих к почитанию их в качестве мощей. Между тем, если эти останки являются псевдо-мощами, то подмена равнозначна невольному соучастию в игре инфернальных сил. Все сопутствующие «екатеринбургским останкам» факты, вся подоплека состоявшегося события их захоронения говорят о намеренном изничтожении памяти об исторической России, намеренной агрессии против русской духовной традиции.

Мятежники против Империи

Декабристы

Русская история бывает загадочной. Мы уже никогда не заглянем в душу Императора Александр I, который, находясь на вершине славы победителя Наполеона и принудив Европу к заключению Священного союза, вдруг начал говорить с близкими о желании отказаться от престола. Уже в 1819 году он явно тяготился властью. Тогда же он призвал к себе брата Николая и объявил ему, что наследовать престол должен он, а не более старший брат Константин. Потому что последний испытывает «отвращение к престолу». Николай Павлович был смущен такими разговорами, поскольку никогда не готовился к миссии самодержца. И, вероятно, решил, что этот разговор – просто одно из чудачеств брата, чье здоровье все больше ослабевало.

Александр I

В следующем 1820 году Константин Павлович сделал шаг, который действительно поставил под сомнение возможность для него унаследовать трон после кончины Александра I. Константин официально расторг давно уже распавшийся брак с великой княгиней Александрой Федоровной и вступил в брак с польской дворянкой Иоанной Грудзинской. После чего был обнародован манифест Императора, гласивший, что член императорской фамилии, вступивший в брак с лицом, не принадлежащим к царственному или владетельному дому, фактически лишается прав члена императорской фамилии, и их дети не могут наследовать престол. Константин Павлович поселился в Варшаве и не раз говорил о том, что решился уступить свое первенство унаследовать престол брату Николаю. В 1822 он направил императору письмо с просьбой передать свое право на престол «тому, кому оно принадлежит после меня». Это письмо было явно написано по просьбе Императора, который продолжал говорить, что хочет стать «частным человеком». На следующий год Александр составил акт о престолонаследии, в котором утвердил лишение Константина права наследования престола на основании письма-отречения. Документ был запечатан в конверт с собственноручной надписью Императора: «Хранить в Государственном совете до моего востребования, а в случае моей кончины раскрыть, прежде всякого действия, в чрезвычайном собрании». Существование этого документа было скрыто строжайшей тайной.

Трудно сказать, почему Александр I решил не обнародовать этот документ и не изменил открыто Закон о престолонаследии 1797 года. Тем самым он создавал возможность очередного «междуцарствия» и сомнения в том, что неопубликованный документ имеет полную законную силу.

19 ноября 1825 года Александр умер в Таганроге, так и не дав никаких распоряжений о тайных документах, определяющих порядок престолонаследия. Вполне вероятно, что легенда о Федоре Кузьмиче – сибирском монахе, под личиной которого скрывался бывший Император, основана не на вымысле, а не реальном факте: Александр

Павлович осуществил свою мечту стать «частным человеком», устранившись от окончательного решения вопроса о власти, от которой он так устал.

Великий князь Константин Павлович

Поскольку содержание тайных бумаг не было оглашено, к Константину Павловичу тут же начали обращаться как к новому Императору. Тот объявил, что несколько лет назад отрекся от престола и снова подтвердил свое решение официальными письмами к матери-Императрице и к своему брату Николаю. Многие высшие сановники и сам Николай Павлович между тем присягнули на верность новому Императору. Напоминание об известном ему тайном акте Николай встретил возражением: этот акт официально не оглашен. Выходило, что он тоже не торопился царствовать, и давал Константину возможность принять решение окончательно. Фактически его присяга Константину означала его собственное отречение.

Есть также версия о заговоре генералов, существовавшим отдельно от декабристов. Санкт-петербургский генерал-губернатор граф Милорадович и близкие ему генералы гвардии попытались возвести на престол Константина и вынудили Николая присягнуть ему, скрывая волю почившего императора и нарушая его поправки в правила престолонаследия. Именно это и породило «междуцарствие» и преждевременную присягу гвардейских частей. Константин был ближе генералам как участник суворовских походов и войны с Наполеоном. План генералов рухнул только в результате упорного нежелания Константина царствовать, пренебрегая данным ранее словом.

Этим-то моментом и воспользовались члены тайных обществ, получившие впоследствии название «декабристы». Пока Госсовет изучал тайные бумаги, присяга Константину продолжалась. Имея твердое нежелание Константина править и официальные бумаги на руках, высшие сановники государства должны были как-то объяснить уже принявшим присягу войскам, почему от нее надо отказаться. Попытки упросить Константина приехать в Петербург успехом не увенчались. 12 декабря, когда приступили к подготовке Манифеста Николая о вступлении на престол, стало известно о существовании заговора. 13 декабря Манифест был готов, но Николай медлил с его оглашением до приезда брата Михаила, который метался между Варшавой и Москвой и должен был привезти последний ответ Константина. К вечеру он все-таки решился огласить Манифест в Государственном совете, утром 14 декабря текст должен был быть напечатан. Тогда же начальники гвардейских частей должны были прибыть в Зимний дворец для организации присяги гвардии. Им были даны соответствующие распоряжения. И поначалу все казалось спокойным: Конная гвардия присягнула. Но потом поступило известие, что при принятии присяги Гвардейской артиллерии офицеры высказали сомнение в справедливости этой присяги. Некоторых из них пришлось арестовать. Наконец, было объявлено, что Московский полк восстал и движется к Сенату.

Узнав об этом, Николай Павлович решился «сам идти туда, где опасность угрожала». Во главе присягнувшей ему роты Финляндского полка Император двинулся к воротам дворца, где уже собирались толпы народа. Император решил выиграть время для сбора войск и начал неторопливо зачитывать Манифест. Узнав, что прибывший батальон

Преображенского полка находится в полной готовности, он пошел к верным солдатам через толпу, а потом лично повел батальон на Сенатскую.

Николай I

В этот момент раздались выстрелы. Убеждавший солдат пасть в ноги новому Императору граф Милорадович был в этот момент смертельно ранен Каховским, подошедшим к нему вплотную с левой стороны и выстрелившим в упор из пистолета в бок прославленному полководцу. Если бы не предательский выстрел, Милорадович мог вовсе сорвать замыслы заговорщиков.

В тот же самый момент мог быть убит и Император. К нему подошел заговорщик Якубович, притворно выразив верноподданность. Возможно, он не выстрелил, испугавшись за свою жизнь. Позднее вблизи Императора оказался полковник Булатов с двумя заряженными пистолетами под одеждой. Он знал, в кого будет стрелять, но тоже не решился совершить цареубийство.

Тем временем, Московский полк, стоявший на Сенатской, стрелял под другим сановникам, пытавшимся уговаривать прекратить мятеж. Когда Император выехал на площадь, раздались выстрелы в его сторону. Это был второй момент, когда он мог погибнуть.

Организовав построение верных войск, Император отправился к Зимнему дворцу, чтобы обеспечить его защиту. И встретил на своем пути беспорядочно идущую массу солдат лейб-гренадерского полка. Не зная, что это сторонники мятежников, Император скомандовал им «Стой!» и попытался выстроить, но те ответили «Мы – за Константина!» и двинулись на Сенатскую. Здесь Император рисковал лишиться жизни в третий раз. Его спасло нежелание солдат с обеих сторон проливать кровь.

Петр Каховский

Позднее выяснилось, что ничтожный промежуток времени, в течение которого лейб-гвардии саперный батальон занял свои позиции, спас царскую семью (включая будущего Императора Александра II). С ними попыталась расправиться толпа лейб-гренадер во главе с поручиком Пановым. Натолкнувшись на саперов, они вернулись на Сенатскую. Хотя при серьезном численном перевесе вполне могли бы занять дворец.

Николай Павлович продолжал руководить построением подходящих войск – Измайловского и Семеновского полков. Но и к мятежникам подтянулся Гвардейский экипаж в полном составе. Их пытался уговорить митрополит Серафим, и солдаты начали подходить ко кресту, но главари мятежников стали стрелять над головами. К мятежникам поехал и прибывший в Петербург великий князь Михаил Павлович. Матросы начали его слушать, но объявили, что не могут отказаться от присяги иначе как по личному слову Константина Павловича. Когда

Кюхельбеккер направил пистолет на великого князя, матросы выбили оружие из его рук и стали бить его прикладами.

Позднее Михаил Павлович вступился за Кюхельбеккера, добившись замены смертной казни 20 годами каторги. Через год приговор был смягчен до 15 лет. Но и этот приговор так и не был приведен в исполнение. Еще через год Император отправил мятежника не в Сибирь, а в арестантские роты при Дианбургской крепости. В 1835 году Кюхельбеккер был переведен на поселение.

Вильгельм Кюхельбеккер

Тем временем короткий зимний день шел к концу. Ружейная перестрелка на Сенатской была больше имитационной: солдаты старались стрелять поверх голов. Но раненных все равно было много. Среди них мог оказаться и Император, который в четвертый раз испытал судьбу, вновь выехав на Сенатскую посмотреть на обстановку и получив в свою сторону ружейный залп. Последовавшая атака Конной гвардии против мятежников была безрезультатна из-за гололедицы и тесноты: площадь была отделена заборами строящегося Исаакиевского собора. Раненых становилось все больше, и Император решил, что для подавления мятежа придется применить артиллерию. Стоявшие на Сенатской мятежные части были предупреждены о необходимости сложить оружие. Но ответили на предложение сдаться залпом. На удар артиллерии поверх голов они ответили криком и беглым огнем. Наконец, четыре орудия выстрелили в середину толпы, и все было кончено. Мятежники начали разбегаться, а правительственные войска их ловить. Пытавшихся построить новые порядок на льду Невы рассеяли двумя выстрелами картечью. Мятеж был подавлен.

Военная сторона в подавлении мятежа играет второстепенную роль. Дело в том, что мятежники почти не рассчитывали на силу оружия. Московский полк имел по 5-10 боевых зарядов на каждого, а Гвардейский экипаж прибыл на Сенатскую вовсе без зарядов и без имевшихся 4 пушек. Со стороны мятежников не было попытки захватить артиллерию, которая стояла очень близко и почти без прикрытия. Воевать никто не собирался. И стреляли в основном для острастки. Прицельно стреляли, вероятно, только главари заговора. Часть лейб-гренадер перешла на сторону правительственных войск. Если бы не выстрел Каховского, мятеж и вовсе мог не состояться. Его основой была исключительно присяга на верность Константину. Если бы не пропаганда «за Константина», солдаты не вышли бы на площадь и смогли вникнуть в ситуацию с престолонаследием.

Данные о погибших в мятеже разнятся, но по данным тогдашнего Министерства статистики «убито народа»: генералов – 1, штаб-офицеров – 1, обер-офицеров разных полков – 17, нижних чинов лейб-гвардии Московского полка – 93, Гренадерского – 69, Гвардейского экипажа – 103, Конного полка – 17, «во фраках и шинелях» – 39, женского пола – 9, малолетних – 19, «черни» – 903. Всего убитых – 1271 человек. Мы видим, что верные Николаю части почти не понесли потерь, и основной ущерб был нанесен мятежникам - огнем артиллерии. Значительная часть черни среди погибших говорит о том, что зеваки могли составить существенную силу в случае развития планов заговорщиков. Толпа помогала мятежникам отбивать конногвардейские атаки – метала в кавалерию камни и поленья из запасов у Исаакиевского собора.

Заговорщики в целом неправильно оценили ситуацию. Они числили многих офицеров членам своего общества, но не понимали, что убивать и идти на смерть хотят только единицы. Прикрытие артиллерии правительства было в руках члена тайного общества И.А.Анненкова, дворец охраняла рота Финлянского полка под начальством члена тайного общества А.Ф. Моллера. Множество членов тайного общества было в Измайловском полку. Все эти люди вовсе не хотели кровопролития или не желали рисковать, пока чаша весов не склонилась определенно в одну сторону. Кроме того, на стороне мятежников не было ни крупных государственных деятелей, ни старших офицеров или генералов. Весь этот мятеж – мальчишеская выходка, в которой играющие в политику юнцы обманули простодушных солдат: мол, скрывают завещание Александра I о свободе для крестьян и сокращении солдатской службы до 15 лет. Для чего они вообще собрались на Сенатской площади, если присяга сената Николаю уже состоялась ранним утром и сенаторы разъехались? От кого было требовать подписания Манифеста?

Подавить уже раскрытый заговор на Юге оказалось нетрудно. Пестель и большинство его сподвижников были арестованы. 29 декабря 1825 С.И. Муравьев-Апостол подбил Черниговский пехотный полк к выступлению. 3 января полк был разгромлен, Муравьев-Апостол тяжело ранен и арестован.

* * *

Причиной заговора было увлечение русского дворянства западными республиканскими идеями, которые ложились на благодатную почву воспоминаний о екатерининских «свободах». Приверженность французской культуре и французским политическим идеям выражалась в почти мистическом восприятии фигуры Наполеона, а после победы в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походов 1813, это увлечение продолжилось в попытках копировать масонские ложи, которые возникали и распадались во множестве, оставаясь преимущественно кружками, где общалась дворянская молодежь, упиваясь обстановкой тайны. Из этих кружков вырастали тайные общества, прямо ставившие задачу уничтожения императорской фамилии, введения республиканского или конституционного правления и отмену крепостного права. Но в большинстве своем радикальные идеи были игрой, всерьез их воспринимала очень малая часть дворян. Более того, крупнейшая из организаций – «Союз благоденствия» (калька с прусского «Союза добродетели») - оказалась раскрытой в 1821 году и была торопливо распущена организаторами. На основе радикального ядра этой организации возникло Южное общество с центром в Тульчине. Ее фактически руководителем стал полковник Павел Пестель, составивший программу «Русская правда». Ее содержание – причудливая смесь из положений, почерпнутых из опыта Французской революции и русских вечевых традиций.

Павел Пестель

В 1822 г. в Петербурге оформилось Северное общество, председателем которого стал капитан Генерального штаба Н. Муравьев, придумавший для общества программу – Конституцию. Но некоторым членам общества ближе была более радикальная программа Пестеля. Эти противоречия затруднили объединение, и выступление, спровоцированное смертью Александра I, произошло раздельно.

Несколько дней на подготовку не принесли порядка в действия заговорщиков. Они решили, что смогут угрозами заставить Сенат подписать «Манифест к русскому народу», который вводил бы ограничения власти Императора, отменял крепостное право и созывал Учредительное собрание (Великий Собор) для разработки и принятия Конституции. Трубецкой поручил написать Манифест Рылееву, а тот - барону Штейнгелю. Так и отправились бунтовать без Манифеста, лишь на словах согласовав его содержание.

В диктаторы прочили князя Трубецкого, который согласился на эту роль, но в решительный момент струсил – не присоединился к мятежникам. Наблюдая со стороны, он решил, что мятежных войск слишком мало.

Вопреки сложившемуся мнению, укрепленному в дальнейшем советскими учебниками, с заговорщиками и мятежниками поступили очень мягко. К следствию привлекли 579 офицеров и 2,5 тыс. солдат. Пятерых зачинщиков повесили 13 июля 1826 г. в Петропавловской крепости. Более 120 офицеров сослали в Сибирь, остальных разжаловали в рядовые и отправили на Кавказ. Солдаты по приговору были сформированы в сводный гвардейский батальон и направлены на Кавказ на бессрочную службу.

В тюрьме декабристов прилично кормили: из расчета 5 рублей в сутки генералам, 3 рубля в сутки полковникам, прочим – по 2 рубля. Якушкин жаловался жидковатым щам с говядиной, возмущался постными щами, поскольку поститься по церковным правилам не собирался. К тому же еще каждому предоставляли сорт табака, какой он привык курить.

В ссылке декабристы не испытывали каких-то чудовищных мук. Они становились частью сибирской элиты, были приняты в обществе и даже отчасти популярны. Якушкин, приговоренный к 20-летней каторге, в 1835 году был переведен на поселение в Тобольской губернии. Кюхельбеккер, отсидев в крепостях, на каторге никогда не был и в 1839 был переведен на поселение в Сибирь. Барон Розен личной волей Императора без каторги был из тюрьмы отправлен на поселение в Читу, затем в Курган, затем около года был рядовым на Кавказе, ушел в отставку и умер в глубокой старости в Лейпциге. Трубецкой, приговоренный к вечной каторге, проработал под землей 11 месяцев, затем после ряда тюремных пересылок был переведен на поселение, где он жил в большом собственном доме.

Царь в ряде случаев помогал семьям декабристов: жене Рылеева послал денежное вспомоществование в 2000 рублей, бедствовавшему брату Пестеля назначил пожизненное жалование в 3000 рублей в год и службу в Кавалергардском полку. Дети декабристов получили возможность за казенный счет получать образование в лучших учебных заведениях.

В 1840 все декабристы были уже ссыльно-поселенцами, а не каторжанами. В 1856 г. Александр II отменил ссылку для четырех десятков декабристов, и они смогли вернуться в столицу.

* * *

Кондратий Рылеев

Декабристов большевицкая историография выставляет как романтических рыцарей без страха и упрека. На самом деле это были люди очень непоследовательные и трусливые. Многие из них уже во время начавшегося мятежа отказались выполнять свои обязанности. Трубецкой не явился на площадь, Якубович отказался атаковать Зимний дворец, Каховский отказался стать цареубийцей. Потом все эти люди с большим вкусом писали о своих планах и спорах, когда давали показания следствию.

О намерении Рылеева организовать цареубийство и истребить (или выслать за границу) всю царскую фамилию дали показания Муравьев-Апостол, А.Бестужев, Каховский, Торсон. В ответ сам Рылеев рассказал следствию о таких же намерениях Якубовича (которого с трудом удалось отговорить от немедленных действий), Муравьева-Апостола (планы убить Александра I в 1823 году в Бобруйске и в 1824 году в Петербурге), С.Муравьева (Рылеев передает слова Трубецкого о том, что Муравьевым на юге России ради цареубийства создано целое общество) и т.д.

Сергей Трубецкой

Трубецкой на следствии рассказал о последнем совещании заговорщиков утром 14 декабря, где он решился оставить их, но не решился сказать об этом: «Я не имел довольно твердости, чтобы просто сказать им, что я от них отказываюсь». Рылеев, не обнаружив на площади Трубецкого, ретировался под предлогом, что безначалие неприемлемо, и Трубецкого надо непременно найти.

Когда стало ясно, что у мятежников нет лидера, предложили начальствовать Н. Бестужеву, но он отказался. Что означало продолжение самоубийственного «безначалия». Место диктатора занял Оболенский, но так и не смог отдать ни одного приказа – время уже было упущено. Когда на мятежников уже были направлены подготовленные стрельбе пушки, обманывая себя, заговорщики решили, что надо дождаться темноты, и в темноте, мол, другие полки к ним присоединятся. Мы видим полное отсутствие инициативы, плана действий, какую-то поразительную инфантильность всей этой группы, вошедшей в историю совсем не теми, кем они были на самом деле.

Перед мятежом Трубецкой был убежден, что достаточно одного полка. А Рылеев полагал, что удастся поднять на мятеж три полка, а уж два – наверное.

А. Бестужев, поднимая на мятеж Московский полк, просто обманывал солдат. По их показаниям, он говорил: «Я адъютант Константина Павловича, прислан от него вас предупредить. Вспомните, ребята, что 20 дней, не больше, как присягали вы государю Константину Павловичу, целовали крест. Вы не должны присягать другому государю тогда, как государь ваш жив. Вас обманывают, и сие знают ваши офицеры и ротный ваш командир. Бойтесь, ребята, Бога; вот сабля Константина Павловича; стойте за него крепко». Им врали, что великий князь Михаил Павлович арестован в Варшаве. И его неожиданное появление в полку спасло от участия в мятеже до 900 человек.

Гвардейскому экипажу заговорщики рассказали, что их ждет сокращение службы до 12 лет. И тут некому было опровергнуть ложь. Своего командира солдаты не послушали.

Декабристы никогда не интересовались судьбой солдат, погибших по их вине или отправленных служить на Кавказ. Ни тени беспокойства на этот счет в их многочисленных записках нет. Как нет и никакой благодарности Императору, который смягчил приговор суда и многих из декабристов спас от смерти, а потом освободил и от каторги. Надо сказать, что Государь воспрепятствовал и выяснению лиц, многократно стрелявших в него во время мятежа. А установить их было достаточно просто: сам царь и его свита многих знали в лицо, да и участники мятежа легко давали показания друг на друга.

Политические требования «декабристов» были игрой и самообманом. Требуя отмены крепостничества, они не воспользовались александровским указом «О вольных хлебопашцев» (1803), и своих крепостных освобождать не торопились. Якушкин готов был освобождать их, но без земли (указ предполагал освобождение с землей), Тургенев предпочел экспериментировать в своем имении с «мужицкой конституцией». В муравьевской «Конституции» вводился ценз для поста законодателя – он должен был платить не менее 60 рублей подати. Но такую подать на тот момент платили только купцы, а дворянство и духовенство вообще их не платили.

Масонство декабристов не вызывает сомнений. Но это увлечение было общей игрой дворянской молодежи, которая этим бравировала – как и французским языком и чуждыми для русских манерами. Роль декабристов в масонстве была ничтожной, высоких степеней они не имели. Нелепо представлять русскую историю как следствие козней масонов. С одной стороны – полагать, что все лучшее в русской культуре, политике, военном дела, принадлежит масонам (либеральная подмена), а с другой, - что все

заговоры, все государственные нестроения ими замышлены и исполнены (псевдопатриотическая подмена). Важны не способы объединения, а идеи. На протяжении более века идея цареубийства и устройства жизни России по западным образцам была одной из постоянно обсуждаемых в нижних слоях аристократии, а потом и в народившейся интеллигенции. Само же восстание декабристов произошло помимо воли тайных сил, которые пустили корни в русском обществе и русской власти.

М.М.Сперанский

Влиятельный масон, автор конституционных проектов для России М.М. Сперанский был членом Верховного суда над декабристами. При этом именно он выдвигал на первое место в заговоре Пестеля, который в мятеже участия не принимал. Сперанский потребовал для него и еще четверых сообщников четвертования. Под влиянием масонов смертная казнь отсечением головы предполагалась для еще 31 преступника. Император утвердил более мягкий приговор. И оставил смертную казнь для пяти заговорщиков, причем заявил: «Офицеров не вешают, а расстреливают. Не хочу поступать с ними как с ворами». Но масон Бенкендорф настоял на казни через повешение.

А.Х.Бенкендорф

Отчего же масоны столь жестоко судили масонов? Они судили проигравших, прекрасно понимая, что правление Николая Павловича не даст им свободы действий, что их либеральные замыслы будут подавлены, а власть будет национальной.

За словесными излияниями масонствующей дворянской молодежи всегда было очень мало действительно продуманного и практичного. Декабристам, этим инфантилам в эполетах, претили практицизм и логика. Поэтому они не желали ничего планировать, а многие с ненавистью относились к Пестелю – как к возможному «палачу свободы» и даже зачинателю новой династии. Между тем, Пестель – единственный из заговорщиков, имеющий серьезные заслуги перед Россией – участие во множестве сражений 1812-1814 гг., ранение при Бородино и наградная золотая шпага. При всех своих способностях, правда, Пестель писал свою «Русскую правду» десять лет, закончив лишь две из десяти глав, остальные же попали в руки следствия неоконченными или в набросках. В диктаторы он годился, а идеологи – нет.

Известно насмешливое отношение Грибоедова ко всем этим юношам-заговорщикам, которых он назвал «сто прапорщиков».

Пушкинская дружба с декабристами – один из аргументов мифологии вокруг их фигур. Его стихотворное письмо в Сибирь обычно интерпретируют как прозрение об успехе нового восстания. Но в реальности «темницы рухнут» и «братья меч вам отдадут» - это скорее романтический образ, который только и мог поддержать бывших друзей поэта. Сам он явно ни в какие мятежи и заговоры не верил и мог мечтать только о том, чтобы декабристы вернулись на службу Отечеству.

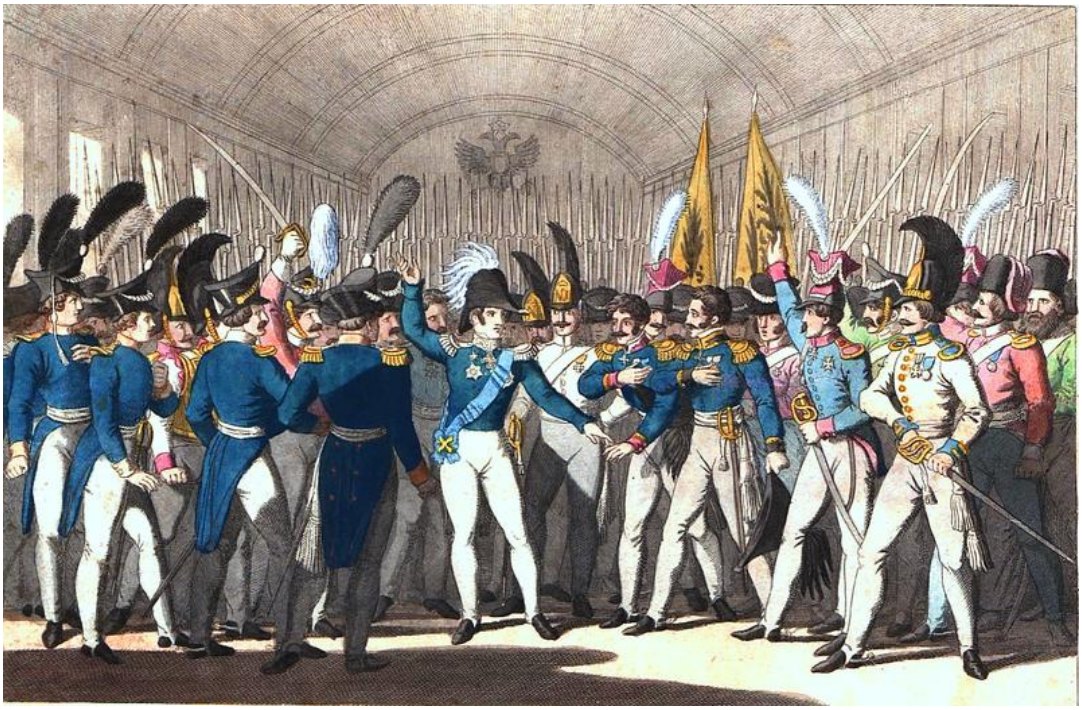
Легендарные образы декабристов – плод пропаганды большевиков, которые лепили своих предтеч: «декабристы разбудили Герцена» и так далее.

Польский мятеж

После наполеоновских войн Польша оказалась разоренной в политическом и хозяйственном отношении и не имела сил для государственного суверенитета. Решением Венского конгресса 1815 г. центральная Польша вошла в состав Российской Империи, другие польские территории достались Австрии и Пруссии.

В Российской Империи власть сочувственно относилась к положению поляков. Александр I в предоставил Польше возможность иметь парламент, собственную армию, собственную администрацию и польскую денежную систему, которая была ближе к европейской, чем в к российской. Царство Польское получило, таким образом, широкую автономию. При этом на территории Польши не вводились законы Российской Империи, а шляхте были предоставлены права русского дворянства. Русское присутствие не намечалось ни в гражданской службе, ни в судебной системе. Незыблемо сохранилось доминирование католицизма не только в духовной жизни Польши, но и в образовании. Только к концу царствования Александра I русский язык и русская история стали преподаваться в школах на русском языке.

Польское общество, польская знать не желали подчиненного положения в Империи и грезили о собственной империи, которую пресекла русская державность и остановил русский народ. Следуя французским влияниям, польские образованные слои составляли тайные общества, исповедующие идею Великой Польши «от моря и до моря».



Николай I объявляет гвардии о Польском восстании

После восстания декабристов новый император Николай Павлович всячески стремился к тому, чтобы лояльность поляков была обеспечена без вмешательства в их автономные дела. В знак уважения к Польше он в 1829 году короновался на польский престол в Варшаве. Но этот знак уважения был расценен, напротив, как посягательство на польскую гордость.

Польский мятеж был поднят в условиях, когда Россия добилась впечатляющих успехов во внешней политике. В 1828 году был подписан русско-иранский договор, к России переходили Эриванское и Нахичеванское ханства, граница устанавливалась по реке Аракс, Каспийское море открывалось для торгового судоходства, подтверждалось исключительное право России держать на Каспийском море военный флот. В 1829 году в Адрианополе был подписан договор с Турцией. К России отходили устье Дуная с островами, восточное побережье Черного моря с Анапой, Поти, а также районы Ахалцыха

и Ахалкалаки. Турция признавала владения России в Закавказье. Подтверждалось право подданных России на торговлю по всей территории Османской империи и их неподсудность турецким властям. Босфор и Дарданеллы становились свободным для судоходства.

Переворот во Франции в июле 1830 – свержение Карла X и утверждение на троне Луи-Филиппа возбудило революционное движение по всей Европе – разразились бунты и волнения в германских государствах, Италии и Бельгии. При этом «концерт европейских держав» был нестойким: каждая держава предпочитала решать свои проблемы или занимала выжидательную позицию. В этих условиях Николай I сформулировал принцип своей внешней политики: *«Пока революция ограничивается пределами Франции - моя оппозиция происходящему там перевороту будет только моральной».* Организация сил России, Пруссии и Австрии в защиту прав легитимного нидерландского короля была сорвана польскими событиями.

Польский мятеж вспыхнул в ноябре 1830 года в Варшаве. Поводом к выступлению стали слухи, что польская шляхта и польские войска будут направлены на подавление французской революции. Большая часть польских войск примкнула к мятежникам. Захваченное из арсенала русских войск оружие было роздано населению. Вооруженная толпа ворвалась в Бельведерский дворец с намерением убить российского цесаревича Константина Павловича. Началась охота на солдат и офицеров достаточно немногочисленного русского воинского контингента. Поляки напали на казармы русских войск, но были отбиты. Великий князь Константин Павлович едва успел уехать из Варшавы. С ним ушли русские войска.

Польский сейм объявил династию Романовых, Николая I лишенным польского престола, а власть передал правительству из пяти человек во главе с князем Адамом Чарторыйским. Было объявлено, что восстание будет прекращено, только когда Царству Польскому будет предоставлена независимость и земли в границах Речи Посполитой 1772 года – вместе с Литвой, Белоруссией, Малороссией. Депутация сейма попыталась представить свои требования в Петербурге, но Николай I не пожелал общаться с мятежниками, пока они не сложат оружие.

В январе 1831 в Польшу вошли войска под командованием И.И. Дибича. Сложность для русской армии представляла завезенная из Индии холера, а вовсе не удачи поляков. От холеры скончались главнокомандующий Дибич и цесаревич Константин Павлович. Что касается польской армии, то она была наголову разбита под Гроховом и Остроленкой. В сентябре Варшава была взята приступом.

Через девять месяцев боев, осложненных эпидемией холеры, восстание было подавлено. Согласно подписанной генералом Круковецким условиям капитуляции, польские войска должны были принести присягу на верность российскому императору и покинуть Варшаву. Верховный уголовный суд Империи приговорил 258 главных участников к смертной казни, которую Государь великодушно заменил на изгнание за границу или ссылку в Сибирь. Сотнями были вынесены приговоры с осуждением на каторгу, многие участники восстания записаны в солдаты, тысячи семейств участников мятежа сосланы в глубинные губернии России, а их имения конфискованы.

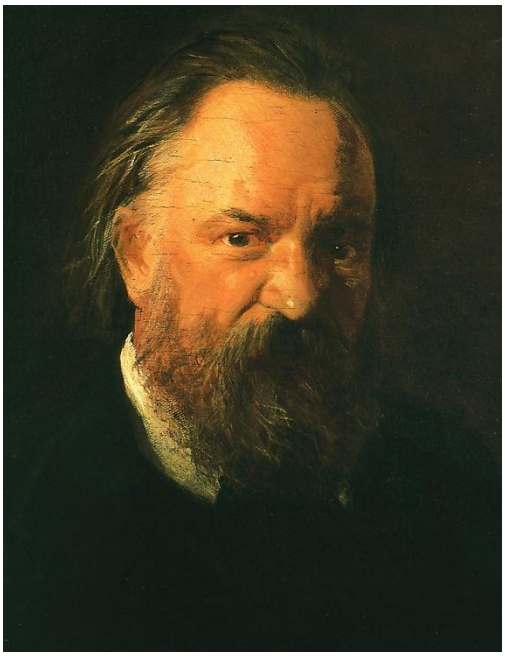
В 1832 году Российская Империя провела ряд мероприятий, изменивших статус Царства Польского, которые могли гарантировать ему спокойное развитие и пресекали возможные очаги крамолы. В феврале 1832 года конституция Польши была упразднена, сейм и армия распущены, генерал-губернатором Польши был назначен командующий польскими войсками генерал И.Ф. Паскевич. Управлять Польшей должен был административный совет из лиц, назначаемых правительством Империи, а при Государе учреждался статс-секретарь по делам Царства Польского.

Управление Польшей предполагалось осуществлять по законам Российской Империи и на основании «Органического статута». При этом сохранялись права польского местного самоуправления, польский язык при судопроизводстве и в местных органах власти. Городские власти избирались общегородскими собраниями, собрания

Сражение под Гороховым

дворянства, городских и сельских обществ избирали членов совета воеводств, которые в свою очередь избирали судей двух первых инстанций, а также предлагали кандидатов для замещения административных должностей.

«Органический статут», утвержденный Манифестом Николая I, в полной мере не вступил в силу, поскольку революционное брожение в Польше не прекратилось. В 1834 г. царским правительством вводится военное положение.



А.И.Герцен

Польский вопрос всегда был поводом для приложения сил всех, кто чаял крушения самодержавия и подрыва мощи Российской Империи. Первым политическим союзом, который рассматривал независимость Польши в качестве одного из ключевых пунктов своей программы, были декабристы. М.Бестужев и С.Муравьев вели переговоры с польскими тайными обществами о союзничестве и готовы были добиваться отделения Польши от Российской Империи. *«По правилу Народности должна Россия даровать Польше независимое существование»*, - писал П.Пестель в «Русской правде», выражая позицию, принятую на съезде Южного общества декабристов. Каторжные декабристы встречали ссыльных поляков как товарищей по оружию.

Особенно взволнованно встретила весть о польском мятеже праздная публика обеих российских столиц. Герцен писал в своих воспоминаниях: *«Мы радовались каждому поражению Дибича, не верили неуспехам поляков». «Когда вспыхнула в Варшаве революция 1830 года, русский народ не обнаружил ни малейшей вражды против ослушников воли царской. Молодежь всем сердцем сочувствовала полякам. Я помню, с*

каким нетерпением ждали мы известия из Варшавы; мы плакали, как дети, при вести о поминках, справленных в столице Польши по нашим петербургским мученикам».

В тексте чернового наброска письма Бенкендорфу (1831) Пушкин указывает: *«Озлобленная Европа нападает покамест на Россию не оружием, но ежедневной, бешеной клеветою. — Конституционные правительства хотят мира, а молодые поколения, волнуемые журналами, требуют войны».* Сам Бенкендорф признавал: *«Дух мятежа, распространившийся в Царстве Польском и в присоединенных от Польши губерниях, имел вообще вредное влияние и на расположение умов внутри государства Вредные толки либерального класса людей, особливо молодежи, неоднократно обращали внимание высшего наблюдения. В Москве обнаружились даже и преступные замыслы... Нет сомнения, что при дальнейших неудачах в укрощении мятежа в Царстве Польском дух своевольства пустил бы в отечестве нашем сильные отрасли».*

В пораженной духом либерализма Европе мятежники встречали поддержку вопреки воле собственных правительств. При том, что французский парламент не поддержал сторонников польского мятежа, они пользовались в растревоженном обществе значительным влиянием. Был образован Комитет по оказанию помощи восставшим полякам, распространивший филиалы во многих горда. Главой комитета был влиятельный оппозиционер генерал Лафайет; в Комитет входили видные деятели французской культуры, включая популярного в России писателя В.Гюго. В марте 1831 демонстранты в поддержку мятежников побили стекла в русском посольстве в Париже, а в сентябре того же года произошли баррикадные бои с применением оружия. Оппозиционеры требовали войны против Священного Союза, войны против России.

Маркс и Энгельс писали о 1830 годе: *«Клич "Да здравствует Польша!", который раздался тогда по всей Западной Европе, был не только выражением симпатии и восхищения патриотическими бойцами, которых сломили с помощью грубой силы, - этим кличем приветствовали нацию, все восстания которой, столь роковые для нее самой, всегда останавливали поход контрреволюции... Клич "Да здравствует Польша!" означал сам по себе: смерть Священному союзу, смерть военному деспотизму России, Пруссии и Австрии, смерть монгольскому господству над современным обществом!»*

Энгельс особо выделял в польском мятеже Лелевеля: *«В призыве к оружию всей старой Польши, в превращении войны за независимость Польши в европейскую войну, в предоставлении гражданских прав евреям и крестьянам, в наделении последних земельной собственностью, в перестройке всей Польши на основах демократии и равенства искал он путей для превращения национальной борьбы в борьбу за свободу»*. К подобным же персонам взывали Маркс и Энгельс в 1848 году, требуя от Европы *«с оружием в руках потребовать от России отказа от Польши... Война с Россией была бы единственно возможным путем спасти нашу честь и наши интересы по отношению к нашим славянским соседям и особенно к Польше».*

Основоположники марксизма легко определяли интерес рабочего класса именно в войне против России: *«Рабочие Европы единодушно провозглашают восстановление Польши как неотъемлемую часть своей политической программы, как требование, наиболее выражающее их внешнюю политику. ...[Рабочий класс] хочет вмешательства, а не невмешательства; он хочет войны с Россией, потому что Россия вторгается в дела Польши; и он это доказывал каждый раз, когда поляки восставали против своих угнетателей».*

Давление общественности сказалось и на развитии подрывной деятельности радикальных политических сил в самой России, и на позиции европейских государств. Очередной польский мятеж 1863 года хотя и свелся к диверсиям и террору, снова провоцировал европейские державы на войну с Россией, а русское общество – на революционные выступления. В некоторой степени эти надежды оказались ненапрасными: в России возбудились народники, открытое выступление радикальных революционных групп совместно со ссыльными поляками произошло в Казани. Русские эмигранты в Европе выступали в поддержку польских требований независимости, а Бакунин даже принимал участие в подготовке высадки десанта польских эмигрантов на

Балтике (в районе современной Паланги). Не без помощи европейских союзников состоялся десант поляков на черноморском побережье Кавказа, где они намеревались поддержать горских повстанцев. Англия, Франция, Австрия, Испания, Португалия, Швеция, Нидерланды, Дания, Османская империя, Ватикан предъявили России ультимативную дипломатическую ноту, в которой под угрозой войны предлагали решить судьбу Польши (подразумевая ее в границах 1772 года) на международном конгрессе.

В одном из писем Энгельсу, Маркс точно указал на *«тот исторический факт, что сила и жизнеспособность всех революций, начиная с 1789 г., довольно точно измеряются их отношением к Польше. Польша - их "внешний" термометр».* Теоретики мятежа зафиксировали, что радикализм оппозиции к правительству всегда сопровождался соответствующей же степенью радикализма требований оказать поддержку польским мятежникам.

На русской почве примером такого радикализма может служить позиция Льва Толстого, который на склоне лет, когда ему было уже за восемьдесят, стал «зеркалом русской революции», отражая все фобии общества по отношению к Российской Империи. Польская русофобия отразилась в нем в полной мере. Рассказом «За что?» Л.Н. Толстой выразил симпатию к мятежникам 1830 года и последующих польских восстаний. Рассказ написан на основании исторических сочинений «с польской точки зрения», сформированной французскими, немецкими и польскими авторами.

В своих письмах к польским издателям Толстой писал: *«Может быть, некоторые из моих писаний, как рассказ "За что?", письмо к Сенкевичу, а также только что законченная мной статья "Закон насилия и закон любви", посвященная, между прочим, вопросу об угнетении мелких народностей, могли бы представлять интерес для польской публики. Все они к вашим услугам».* С 1905-1907 сочувственные сочинения Толстого постоянно публиковались в предреволюционной Польше.

После каждого разгрома мятежников, польская эмиграция обостряла неприязнь европейской общественности к России и была удобной средой для взращивания антироссийских мифов и ведения пропагандистской войны против Российской Империи. Западное общество с удовольствием потребляло карикатурные «сведения» о России и разглядывало картинки, где монголоидного вида казаки пронзали пиками польских младенцев.

Польская пропаганда задолго до Гитлера сформировала расистский домысел о русских как об азиатах, совершенно чуждых европейской цивилизации. В своем неизбывном желании отторгнуть Украину от Империи, поляки (а вслед за ними и европейцы) стремились отделить малороссов от русских и всячески умаслить их как «своих» в противовес «чужым», которыми признавались для Европы русские.

Польские повстанческие лидеры выпустили в 1830 году Манифест, в котором объявили своей целью «не допустить до Европы дикие орды Севера», «защитить права европейских народов». Сочувствующие мятежникам Маркс и Энгельс усмотрели в лозунгах мятежников расистский смысл: «смерть монгольскому господству!»

В польской литературе было принято употреблять слова Rossianin (россиянин), rossuiski (российский) для великорусов, а слова Rusin, ruski, Rus, для обозначения малорусов и белорусов. В польских повстанческих прокламациях русских именовали «москвой», а украинцев и белорусов - русскими или русинами. Поляки всегда играли лидирующую роль в формировании украинского сепаратизма и в «научном» обосновании отдельного происхождения украинцев и их расовых и языковых отличий от великороссов. В Париже вышел труд Франциска Духинского «Народы арийские и туранские», где утверждалось арийское происхождение поляков и «русских» (украинцев), а москалям приписывалось туранское (финно-монгольское) происхождение. При этом Русь (Украина) рассматривалась как провинция Польши, а «русский» (украинский) язык – как диалект польского. Язык великоруссов («московский язык») европейский расист считал искаженным татаро-финскими варварами славянским наречием, принятым лишь под давлением Рюриковичей. Разумеется, научная несостоятельность этих измышлений в Европе мало кого беспокоила. Вековой страх перед Россией, обострившийся после

блестящих побед русских в войне с Наполеоном, был доминантой европейского общественного сознания в течение всего XIX века.

Русская консервативная мысль постоянно вела борьбу против пропольских настроений в российском и европейском обществе. Журнал «Северная пчела» публиковал серию статей «Письма к другу за границу». Позиция русских консерваторов ясна по заголовкам: «О бреднях иностранных журналов», «Русская правда и чужеземная клевета» и др. Западные либералы, как пишут авторы «Северной пчелы», *«устремляют бессильные свои удары противу России... За что же этот гнев? За то, что Россия спокойна, счастлива, с негодованием отвергает лжеумствования, губящия народы, и твердая в Вере отцев своих, в преданности к Престолу, как исполинская и притом плодородная гора, стоит безвредно среди вулканов... Никогда Россия не была так сильна, как при Императоре Александре и в нынешнее время. Какое же употребление сделала Россия из своей силы? Освободила Европу от всемирного завоевателя, восстановила падшие народы и престолы, и обеспечила всем права и мудрые законы». «Какая цель врагов наших? Возбудить противу России ненависть Европы? За что же эта ненависть? За то, что Россия могущественна, спокойна, доброжелательна ко всем народам, гостеприимна и торжествует над врагами, дерзающими вызывать ее на поле битв... По первому слову Царя Русского, соберутся верные сыны России под знамена, развевавшияся на берегах Евфрата и Сены, на вершинах Тавра, Балкана, Альпов, на укреплениях Варшавы...».*

Действительно, европейские державы не торопились крушить систему международных соглашений, уничтожать Священный Союз в угоду мятежникам. Европа еще помнила успехи русской армии. Австрия и Пруссия предпочли помогать России, Франция при первой вести о польском мятеже отправила Государю известие, что ни при каких условиях не поддержит мятежников, а Великобритания заявила о нейтралитете. Маркс и Энгельс в дальнейшем, характеризуя политику премьер-министра Великобритании лорда Пальмерстона, называли его «злейшим врагом» Польши и «пособником России».

«Северная пчела» писала: *«Само по себе разумеется, что Правительства тех стран, в которых изготовляется яд клеветы противу России, совершенно чужды гнусным замыслам скопищ, беснующихся вообще противу всякой власти и дышащих безначалием... те листки, в которых печатаются брани противу России ... с равным ожесточением нападают на собственныя Правительства...».*

Наиболее ярко патриотическую позицию в России выразил Пушкин. Он сразу вполне однозначно оценил события в Польше как мятеж, чрезвычайно опасный для России, подлежащий нещадному подавлению: *«Известие о польском восстании меня совершенно потрясло. Итак, наши исконные враги будут окончательно истреблены... Начинающаяся война будет войной до истребления - или по крайней мере должна быть таковой»*

Пушкин сурово осудил всякое сочувствие мятежу. Обращаясь к представителям либеральной публики, он писал:

Когда безмолвная Варшава поднялась,
И бунтом опьянела
И смертная борьба началась
При крике «Польска не згинела» -
Ты руки потирал от наших неудач,
С лукавым смехом слушал вести,
Когда бежали вскачь,
И гибло знамя нашей чести.

Когда Лелевель, один из лидеров польской эмиграции, в своей речи к годовщине «свержения Николая I с польского престола» и «русского восстания 1825 года» позволил себе с уважением упомянуть имя Пушкина, поэт отозвался об этом в одном из писем: объятия Лелевеля для него – горше ссылки в Сибирь. Пушкин писал: *«Грустно было*

слышать толки м<осковского> общества во время после<днего> польск<ого> возму<щения>. Гадко было видеть бездушного читателя фр<анцузских> газет, улыбающегося при вести о наших неудачах».

Пушкинский гений прозревал возможность славянского единства только в Русском мире («русском море»), но вовсе не под эгидой Польши, намеренной подняться вновь до Империи за счет уничтожения России и войны Европы против русских

Кто устоит в неравном споре:
Кичливый лях, иль верный росс?
Славянские ль ручьи сольются в русском море?
Оно ль иссякнет? вот вопрос.

Мысль поэта приобретает геополитический размах. В поэтической форме он ставит вопрос о границах Империи, которые либо закрепятся, либо рухнут, сдавая исторические пространства Руси:

Куда отдвинем строй твердынь?
За Буг, до Ворсклы, до Лимана?
За кем наследие Богдана?
Признав мятежные права,
От нас отторгнется ль Литва?
Наш Киев дряхлый, златоглавый,
Сей пращур русских городов,
Сроднит ли с буйною Варшавой
Святыню всех своих гробов?

Ненависть к России, обострившаяся в Европе в период польского мятежа, напомнила поэту о том, что европейские государства склоняют голову перед деспотией, направляющей всеевропейскую войну против русских:

И ненавидите вы нас...
За что ж? ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?

Опыт истории говорит нам, что Наполеон и Гитлер были тем, что обращало ненависть европейского общества из умозрений в агрессию. Польша в этом отношении – не исключение. В XIX веке польской шляхтой и польскими народовольцами двигала вражда к государственной мощи России, смявшей все мечты о возрождении Речи Посполитой и о триумфальном шествии революции по Европе. В XX веке это была вражда польского нацизма, взращенного антисоветской коалицией Антанты. Сегодня польская русофобия расцветает на почве фальсификации – так называемого «Катынского дела» о расстреле польских офицеров, открытого пропагандой Геббельса и вновь поднятая на щит клеветниками России уже в наши дни. Расстрел поляков приписывается вовсе не Сталину и НКВД, а русским – от русских польское чванство требует компенсаций и униженного признания вины.

Вслед за Пушкиным русские могут и сегодня повторить вызов своим клеветникам и надменным вымогателям:

Так высылайте ж к нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов.

Из Манифеста «О новом порядке управления и образования Царства Польского» от 14 февраля 1832 года:

«Царство Польское, победоносным оружием России покоренное, еще в 1815 году, получило тогда от высокодушия Августейшего Нашего Предшественника, в Бозе почивающего Императора Александра, не только возвращение своей народной самобытности, но и особенные права, начертанные в Хартии Государственных установлений.

Сии права и установления не могли удовлетворить закоренелых врагов всякого порядка и власти законной. Они, в своих преступных замыслах, продолжали мечтать о разделении подвластных Скипетру Нашему народов, и дерзнули самые благодеяния Восстановителя отчизны их, употребить во зло, обратив на разрушение Его великого дела и законы им дарованные, и те преимущества, коими они были обязаны одной Его Державной воле.

Кровопролития были следствием сих замыслов; спокойство и благоденствие, коими Царство Польское наслаждалось в высшей, дотоле неизвестной в сем крае степени, исчезло перед ужасами междоусобной брани, и в повсеместном опустошении.

Сии злосчастия миновались: Царство Польское, снова Нам подвластное, успокоится и процветет среди восстановленной в оном тишины, под сенью бдительного Правления. Но Мы, в отеческой заботливости Нашей о благе Наших верных подданных, вменяем себе в священный долг, заранее, всеми зависящими от Нас мерами, предупредить возвращение подобных в будущем бедствии, отняв у зломыслящих те средства, коими они, как ныне обнаружено, успели возмутить общественное спокойствие.

Желая с тем вместе, чтобы подданные Наши Царства Польского продолжали пользоваться всеми выгодами, кои нужны для счастья каждого из них и для общего благоденствия края, чтобы уважение к личной безопасности и собственности, свобода совести и все местные гражданские права и преимущества были ненарушимо охраняемы, чтобы Царство Польское, имея особое соответствующее потребностям его управление, не переставало быть нераздельной частью Империи Нашей, и чтоб отныне жители оного составляли с Россиянами единый народ согласных братий, Мы на сих основаниях начертали и постановили, в особой, в сей же день изданной Грамоте, новый порядок Управления и Образования Нашего Царства Польского».

Замиренная и покоренная Польша, оставаясь в составе Российской Империи внешне спокойной, всегда была источником революционных настроений. Стоило большевикам «отпустить» Польшу, как она тут же стала их злейшими врагами, и «мировая революция» была сорвана: наступление войск Тухачевского на Варшаву было отбито, Красная армия разгромлена, десятки тысяч красноармейцев попали в плен и были уморены голодом и холодом в концлагере Тухоль – первом опыте такого рода зверств в XX веке.

Позднее, Польша стала слабым звеном в социалистическом лагере. Именно на нее сделали ставку подрывные структуры, созданные США и их союзниками в тайной войне, которая никогда не прекращалась и ведется по сей день. Именно Польша сломала Варшавский договор и показала пример другим социалистическим странам, как совершаются «демократические революции». Всюду и всегда идеология этих революций опиралась на русофобию. В Польше русофобия стала частью политического самосознания, и для него очень кстати пришлись фальшивки «Катынского дела», которое сначала Хрущев, а потом Горбачев использовали против партийных консерваторов в КПСС. В 90-е годы XX века сложилась «религия Катыни» - русофобская выдумка о казни польских офицеров в советских концлагерях. Эта выдумка энергично поддерживается российскими смутьянами, в особенности теми, кто приобрел властные полномочия. И приобрела мистический оттенок после гибели президента Польши и всего польского руководства в авиакатастрофе под Смоленском – по пути на ставшие традиционными траурные мероприятия в Катыни.

Кавказский мятеж

Затяжная конфликтная ситуация на Северном Кавказе в XVIII-XIX вв. связана со столкновением вызревшей русской государственности и проходящими стадию становления горскими сообществами. История, не терпящая пустоты, вынуждала Россию заполнить государственно неоформленное пространство и обеспечить политическое и экономическое смыкание с Закавказьем.

Экономической основой Кавказской войны стала гипертрофированная набеговая система, возмещающая внутреннюю нищету горских сообществ внешней экспансией и превратившаяся в своеобразный экономический уклад. Скудные плоды производительной деятельности горских сообществ породили "отхожий промысел", использовавший в качестве обоснования межплеменную рознь, а в качестве консолидирующей социальной технологии — примитивную "военную демократию".

Известно заявление горцев русскому генералу Румянцеву: «Набеги и грабеж — наши занятия, как ваши хлебопашество и торговля». Впрочем, набеги осуществлялись не только ради грабежа, но и ради охоты на людей, которых продавали в рабство или возвращали в обмен на выкуп.

В своем «Путешествии в Арзрум» Пушкин пишет о горцах: *«Черкесы нас ненавидят. Мы вытеснили их из привольных пастбищ; аулы их разорены, целые племена уничтожены. Они час от часу далее углубляются в горы и оттуда направляют свои набеги. Дружба мирных черкесов ненадежна: они всегда готовы помочь буйным своим единоплеменникам. Дух дикого их рыцарства заметно упал. Они редко нападают в равном числе на казаков, никогда на пехоту и бегут, завидя пушку. Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного. Здешняя сторона полна молвой о их злодействах. Почти нет никакого способа их усмирить, пока их не обезоружат, как обезоружили крымских татар, что чрезвычайно трудно исполнить, по причине господствующих между ими наследственных распрей и мщения крови. Кинжал и шашка суть члены их тела, и младенец начинает владеть ими прежде, нежели лепетать. У них убийство — простое телодвижение. Пленников они сохраняют в надежде на выкуп, но обходятся с ними с ужасным бесчеловечием, заставляют работать сверх сил, кормят сырым тестом, бьют, когда вздумается, и приставляют к ним для стражи своих мальчишек, которые за одно слово вправе их изрубить своими детскими шашками. Недавно поймали мирного черкеса, выстрелившего в солдата. Он оправдывался тем, что ружье его слишком долго было заряжено».*

Один из современников Кавказской войны писал: *«Пока чеченцы были бедны, пока народонаселение, разбросанное по редким хуторам на равнине, не составляло сплошных масс, они были покойны и не тревожны; но когда стали возникать богатые деревни, когда на тучных лугах стали ходить многочисленные стада, мирные дотоле соседи превратились в неукротимых хищников... народонаселение в Чечне быстро возрастало, благосостояние жителей увеличивалось ежедневно, дух воинственный достигал своего полного развития».*

Характерно, что сам Шамиль был ограблен своими же соратниками как в одном из своих первых военных походов, так и в последнем своем отступлении к месту последующего пленения. Шамиль впоследствии писал: *«Я управлял народом сквернымъ, разбойниками, которые тогда только сделают что-нибудь доброе, когда увидят, что над их головами висит шашка, уже срубившая несколько голов».*

Генерал Ермолов

Генерал Ермолов, став российским наместником, прекрасно понимал, что только военный контроль за северокавказскими территориями мог дать возможность свободно развивать взаимоотношения с Закавказьем, без которых Российская Империя к тому времени уже не могла себя мыслить. Именно этим обусловлены крутые меры Ермолова против набеговой системы. Но чисто военное решение проблемы набегов оказалось неэффективным.

Ермолов наказывал нищетой тех, кто стремился к обогащению за счет грабежа. Но практика карательных экспедиций результатов не давала. Поэтому жесткие меры все время сочетались с попытками умиротворения. Ермолов писал царю: «Надобно оставить намерение покорить их оружием, но отнять средства к набегам и хищничествам, соединив во власти своей все, что к тому им способствовало». Чеченцы же считали, что русские ищут мира именно вследствие могущества горцев.

Военная администрация пыталась сбить волну набегов и консолидацию «вольных обществ» в армию «священной войны» путем принуждения к присяге русскому царю. Обычно эти присяги соблюдались лишь до тех пор, пока в аулах стояли русские войска. Коран освобождал от ответственности за обман «неверных».

Характерно, что в тот период официальная риторика соответствовала оценке социальной роли «героев» горских набегов. Горцы именовались в официальных донесениях «мерзавцами», а разорение бунтующих селений, замешанных в подготовке набегов, полагалось естественным и полезным.

Попав в трудное положение после побед русской армии в 1837 г. Шамиль поклялся на Коране, что прекращает борьбу и выдал в залог аманатов (заложников). Но Шамиль не только пренебрег своей клятвой, но и сумел представить дело так, что согласие русских вести с ним переговоры означало признание его в качестве «горного царя», признание его силы. Когда в 1839 г. Шамиля прочно обложили в крепости Ахульго, он попытался снова затеять переговоры, заверяя генерала Граббе в своем чистосердечном раскаянии и готовности усердно служить интересам российского императора. На этот раз Шамилю не поверили, и он лишь чудом спасся из крепости, взятой штурмом.

Во время Кавказской войны в своем стремлении «наказать» участников набегов из Дагестана и Чечни русская администрация в определенный период предпочитала скоротечные карательные экспедиции разработке долговременной стратегии. Жестокое уничтожение Шали отрядом генерала Грекова стало завершающим звеном цепи подобных событий, консолидирующих чеченское общество против России. Тактика «решительного удара» показала свою полную несостоятельность. Карательные меры вместо военно-политической стратегии оказались непригодными в ситуации пробуждения государствостроительного инстинкта. Апофеозом неэффективных действий стал поход 10-тысячного корпуса Воронцова с целью разрушения резиденции Шамиля — аула Дарго (1845). Северокавказский наместник получил княжеский титул, а корпус спас от полного разгрома только удивительный героизм русских солдат.

Имам Шамиль

На первом этапе Кавказской войны горские общества, не имея еще единой политико-идеологической установки, беспрестанно враждовали между собой и были не в состоянии выставить против карательных экспедиций Ермолова мобилизованного единым мировоззрением войска. Мужественно воюя между собой, горцы буквально разбегались при виде русских отрядов. Зачастую чеченцы участвовали в преследовании русскими войсками разбойников, совершавших набеги, а часть чеченских тейпов до такой степени противилась принятию норм шариата, что уходила к русским целыми селениями.

Тем не менее, российские власти не смогли выдержать паузу и дать «свариться» внутренней конфликтности в Чечне и Дагестане. Об этом говорит тот факт, что военные поражения, наносимые мюридам, долгое время не играли роли в стратегической перспективе, не пресекали процесса перерастания набегов в крупномасштабную войну. Подготовленная мощной идеологической обработкой социальная среда горских сообществ быстро консолидировалась вокруг лидера. Так, полностью разгромленный под Ахульго Шамиль смог создать новую армию, перебравшись в Урус-Мартан, где и состоялась «передача технологии» от дагестанских общин чеченским тейпам.

Кавказская война показала, что набеги не могли прекратиться присягами, которые провинившиеся селения с охотой давали русским властям. С легкой руки горской родоплеменной знати, эти присяги так же просто нарушались, как и давались. Поэтому в 1848 г. военное командование на Кавказе приступило к установлению военно-экономической блокады. Блокада сопровождалась широкой практикой выдачи аманатов в качестве гарантов того, что выдавшее их общество не будет участвовать в набегах. Позднее систему аманатов применил и первый «герой священной войны» Кази-мулла, вынуждавший горские сообщества под угрозой уничтожения заложников к участию в движении мюридизма. Для сторонников Шамиля насильственное вовлечение в войну стало правилом.

До XVIII века у вайнахских племен не сложилось какой-либо доминирующей религии. Значительным влиянием пользовались христианство, ислам, язычество. Основу культовой жизни составляли древние обычаи. С развитием набеговой системы демократические принципы язычества и христианское осуждение жестокости стали мешать горцам. Поэтому особую популярность получил Коран, позволявший действовать по принципу «око за око, зуб за зуб», а также объявить газават.

До принятия ислама чеченцы считались миролюбивее своих соседей. С усилением роли ислама, с появлением духовного рабства, выразившегося в идеологии мюридизма

(мюршид — учитель, мюрид — ученик), агрессивные идеологические установки в отношении сопредельных народов и племен стали доминировать.

Ислам в Чечне и в наше время воспринимался не в качестве глубокой духовной традиции, а в качестве источника агрессивной идеологии. Все, что составляло собственно веру, уходило на второй план. Главное в исламе виделось в том, чтобы воровство и грабеж назвать войной за веру. Воспринимались в большей степени установки ислама, связанные с дележом добычи, и значительно реже — связанные с судопроизводством, управлением, бытовыми правилами.

Низы кавказских общин принимали шариат и объявляли газават, поскольку постепенно осознавали материальные выгоды новой технологии разбоя. «Священная война» давала большую добычу, чем набеговая система. Кроме того, революционная замена окостеневшей ханско-бекской системы на имамско-наибскую давала возможность выбиваться в люди.

Политика блокады, введенная Ермоловым, резко ускорила формирование тех идеологических установок, которые необходимы были протекавшим в «свободных обществах» Кавказа социальным процессам. Столкновение с Россией обосновывало новый образ жизни. Борьба за свободу совершать набеги быстро заменялась идеологической установкой войны за веру (в том числе и против единоплеменников). Коран стал обоснованием превосходства над «неверными».

В столкновении высших духовных установлений распространившегося на Северо-Восточном Кавказе тариката с земными злободневными установлениями шариата последний победил достаточно быстро. Впрочем, и сам тарикат использовался подчас для распространения вируса агрессивности. Известный духовный авторитет Джемал-Сеид-эфенди, не пожелавший присоединиться к мюридам, писал: *«Мой ученик Гамзат* (имам Гамзат-бек — А.С.) *разрушил мой дом, не оставив камня на камне. Ограбил всю библиотеку, состоявшую из 700 томов..., истребил все мои посевы и сады лишь на том основании, что он отстаивает шариат. Он обманывает простаков, приписывая мусульманам отшельничество, не являясь сам таковым».*

Один из лидеров воинствующего исламизма периода Кавказской войны Магомет Ярагский писал: *«Для мусульманина исполнение шариата без газавата не есть спасение. Кто исполняет шариат, тот должен вооружиться во что бы то ни стало, бросить семейство, дом, землю и не щадить самой жизни. Кто последует моему совету, того бог в будущей жизни с излишком вознаградит».* Или: *«Истребите русских, освободите мусульман, братьев наших. Если вы будете убиты в сражении, рай вам награда; если кто убьет русского, тому рай награда».* Эта риторика знакома нам по современным сочинениям идеологов войны чеченцев против России.

Духовенство, почувствовав силу ислама в подогревании новых социальных процессов, быстро осваивало социально-религиозную демагогию. Фанатизм опирался на явно присутствовавший экономический интерес, который получал свое выражение в специально отобранных идеологических формулах ислама. Это общий признак Кавказской и Чеченской войн.

Поверхностное восприятие ислама не обязывало никакой духовной практикой, но наоборот — возбуждало страсти, мстительность и жестокость. Религия была лишь прикрытием, чтобы горский общинник превратился в зверя. В Чечне, не имевшей глубоких исламских традиций ни в современных условиях, ни два века назад, воспринимались в основном «прагматические» военные установки, а в остальном продолжало действовать адатное (обычное) право, включая кровную месть.

В своих воспоминаниях Шамиль, превратившийся из восточного тирана в историка, писал, что войны с европейцами многому научили приверженцев «священной войны». *«Ознакомившись посредством горького опыта с действием усовершенствованного оружия, мусульмане поспешили припомнить правило Корана, воспрещающее войну против неверных в том случае, если они сильнее правоверных».*

До той поры, пока урок не был преподан, утверждалась идеология мюридизма, в примитивной форме вычленившая из ислама бесхитростные формулы, которые легко

усваивались доверчивым населением и давали возможность управлять им. Мюридизм в Кавказской и Чеченской войнах становился системой освобождения от личной ответственности, орденским уставом, основанным на слепой покорности. Объявляя газават во имя «свободы, равенства и независимости», мюриды надевали на себя ярмо духовного рабства, одурманиваясь иллюзией освобождения от векового рабства.

Квазигосударственные структуры администрации Шамиля (налоговая система, система наибств, административная иерархия с соответствующей символикой, совещательный Верховный совет) лишь обслуживала систему устрашения, ставшую главным механизмом строительства этой квазигосударственности. «Жреческий» аппарат был настроен на выискивание прегрешений и воспитание комплекса вины. Социальные низы, поднятые на войну с прежней знатью призывами к уравниловке, оказались придавленными идеологией покорности, самоуничижения и постоянного приготовления к вечности.

Шамиль выходил к народу в сопровождении палача с секирой, «ординарные» казни проводились прилюдно путем расстрела или закалывания. Прорусские настроения карались нещадно. Насаждалась атмосфера аскетизма — запрещена музыка, танцы, украшения в одежде, употребление вина и табака; преследовались легенды и сказания, напоминавшие о старинных обычаях. Вместо бежавшего преступника наказывались его родственники, товарищи, односельчане, в то время как Коран гласил «никто не отвечает за вину другого» (вспомним сталинское «сын за отца не отвечает»).

Мюридизм порождал еще большую жестокость даже по сравнению с нормами адатного права, не отличавшимися гуманизмом. Например, Гамзат-бек, завоевав Аварское ханство, истребил всех, кто имел прямое или косвенное отношение к престолонаследию. Потом он отправился в мечеть возблагодарить аллаха за помощь.

Поначалу подобная жестокость населением не была воспринята, Гамзат-бек попал в изоляцию, а потом убит. В дальнейшем такие действия никого не удивляли и стали "законом войны". Так, Шамилю удалось с максимальными политическими дивидендами казнить сначала организаторов убийства аварских ханов, а потом расправиться и с убийцами Гамзат-бека.

Репрессивный аппарат Шамиля строился на межплеменной розни. В Чечне порядок наводили лезгины, аварцы, тавлинцы; на усмирение в Дагестан Шамиль посылал чеченцев.

Милитаризация общества при Шамиле достигла невероятного размаха. Северо-восточный Кавказ содержал армию имама численностью до 5 тыс. конников и ополчение — до 50 тыс. В ополчение призывались мужчины от 16 до 60 лет, даже женщины обязаны были иметь пики с железными наконечниками.

Создав деспотическое протогосударство, Шамиль попытался резко расширить его экономическую базу, совершив в 1846 г. масштабное вторжение в Осетию и Кабарду с целью соединиться с Черкесией, где успешно действовали его эмиссары. Стремясь к несбыточному, Шамиль пытался на практике совершить то, что в горячечном бреду замыслил его предшественник Кази-мулла: *«Когда возьмем ее* (Москву — А.С.)*, я пойду на Стамбул; если хункар свято соблюдает постановления шариата, мы его не тронем, — в противном случае, горе ему! Он будет в цепях, и царство его сделается достоянием истинных мусульман»*.

Изоляция мятежных территорий во время Кавказской войны и предельная лояльность русских ко всем, кто отказывался от войны против них, позволили довести режим Шамиля до своего логического конца — до внутренних межфеодальных склок и обращения надежд на умиротворение к России. Террор, идеологическое насилие и экономическая разруха победили Шамиля быстрее, чем экспедиции русской армии. Внутренний конфликт в стане Шамиля вызрел и доконал имамат. Система наибств выродилась в родовую клановость, репрессивный аппарат довел систему доносительства до полного абсурда, "война с неверными" приобрела открыто стяжательский характер, а ислам стал лишь формой освящения добычи. Сплошное превращение мужского населения в воинов подорвало экономическую основу хозяйства. Для компенсации экономических

утрат требовались все более масштабные набеги. Но народы, соседствующие с подвластными Шамилю территориями, без особого труда использовали тот же метод мобилизации сил, а Россия пользовалась еще более эффективными средствами ведения войны — строила крепости, вела успешную дипломатическую интригу, поощряла перебежчиков. Шамиль со своей стратегией государственного строительства опоздал на сотни лет и был обречен на поражение.

В Кавказской войне переход к позиционным боям, не сулившим добычи, быстро свел на нет авторитет Шамиля. Он уже не мог обеспечивать рост благосостояния знати и усмирять растущее недовольство «низов». Первые начали осознавать, что только Россия обеспечит им защиту собственности (да и самой жизни), вторые — что только Россия вернет им спокойствие. Так, в 1851 г. к русским возвращается Хаджи-Мурат вместе с подавляющим большинством аварцев. Потом бегство ближайших сподвижников к русским приобретает обвальных характер.

Пленение Шамиля

В крушении власти имама Шамиля сказалась военная выучка русских. Малочисленные русские гарнизоны предпочитали погибать, но не сдаваться. В военных столкновениях с русскими Шамиль даже при значительном превосходстве всегда терпел поражение. Биографы Шамиля приводят его слова: *«Я отдал бы всех, сколько вас есть, за один из полков, которых так много у русского царя; с одним только отрядом русских солдат весь мир был бы у моих ног»*. За малым исключением, успешными для Шамиля были лишь операции, напоминающие масштабные стремительные набеги. В 1850-1854 гг. походы Шамиля были успешными лишь в сторону Восточного Закавказья.

В 1858 г. против Шамиля восстали чеченские сообщества, разгромив все, что напоминало им о власти имама. После массового избиения знати к русским были направлены депутации с изъявлением покорности.

В Кавказской войне русские смогли нащупать успешную стратегию и не дали Шамилю ни одного шанса на победу. Даже надежды Шамиля на изменение ситуации в связи с русско-турецкой войной (1853-1856 гг.) не оправдались, хотя и оттянули от кавказского театра военных действий значительные силы.

В этой ситуации Шамиль попытался искать поддержки на Западе (письмо французскому послу в 1857 г.): *«Улемы, равно как и почетные лица страны просили меня обратиться к державам с ходатайством, чтобы во имя человечности они положили конец этим беспримерным в истории жестокостям, чтобы во имя справедливости они освободили нас от этой тирании. <...> У нас нет ни оружия, ни всего необходимого для продолжения войны против неприятеля, столь превосходящего нас численностью и снабжением и ведущим войну такими варварскими способами».*

Кавказская война не была бы выиграна, если бы русские не смогли не только перетянуть на свою сторону большинство северокавказских сообществ, но и начать "производство" нового управленческого слоя — кавказцев по происхождению, русских во всем остальном. Одним из таких людей стал сын Шамиля Джемалэддин, отданный русским в качестве аманата. Джемалэддин получил блестящее санкт-петербургское воспитание, а по возвращении к отцу умер от воспаления легких, не приняв его политики.

Генерал Барятинский, добивая Шамиля, начал восстанавливать прежние основы народной жизни, ограничивая их лишь в жестокости. Это стало разительным контрастом по сравнению с тиранническими порядками имамата. Милосердие стало оружием русских. Даже после пленения Шамиля, с ним обращались не как с бунтовщиком, а как с плененным главой государства. Публика Москвы и Санкт-Петербурга встретила Шамиля с огромным любопытством. Пораженный таким приемом, Шамиль, проживавший в Калуге на содержании царской семьи, к концу жизни испросил разрешения на присягу царю. Он завещал своим детям *«принести новому отечеству ту пользу, которую оно ожидает от верных и преданных сынов своих»*.

Генерал Барятинский

В борьбе с Россией этнический мятеж был и остается одним из существенных факторов, которые используют враги нашего народа и государства. Кавказская смута зрела в недрах Российской Империи – в особенности среди кавказской интеллигенции. Во время гражданской войны кавказцы были одной из ударных сил большевиков, которым в России ничего и никого не было жалко. Горские банды уничтожали казачьи станицы, крушили все признаки ненавистной им государственности. Большевики расплачивались с ними конфискованными казачьими землями, государственными постами.

Кавказский бандитизм, не усмиренный и в последующие годы, потребовал со стороны Советской власти применения войсковых соединений. В марте–апреле 1930 года против бандитов был проведен ряд операций при поддержке артиллерии и авиации. Во время войны уже в 1941 году на Северном Кавказе была создана повстанческая организация, насчитывающая 5 тыс. человек. В 1942 году повстанческая группировка, наносившая удары в тыл Красной Армии и совершавшая диверсии, насчитывала до 40 тыс. человек. Из перешедших на сторону врага кавказцев был сформирован Северо-Кавказский легион, чечено-ингушский пехотный полк и карательные отряды. В феврале-марте 1944 г. на территорию Казахстана и Киргизии было переселено более 600 тыс. жителей Северного Кавказа (из них чеченцев и ингушей – около 500 тыс.). За время операции изъято огнестрельного оружия 20072 единицы, в том числе винтовок – 4868, пулеметов и автоматов – 479.

Все это по законам военного времени следовало расценивать как предательство, но массового уничтожения предателей не последовало. Кроме самой депортации,

избавившей ряд кавказских народов от необходимости посылать мужчин на фронт, репрессий не последовало. А в 1953 году поселены были сняты с учета и освобождены из-под административного надзора МВД. К 1956 году свыше 6 тысяч человек вернулись на Северный Кавказ. В 1957 году в Чечено-Ингушетию возвратились 140 тыс. человек. Гнездо мятежа было восстановлено, к нему были и присоединены Наурский и Шелковской районы, изъятые из Ставропольского края. В 1991 году ельцинский парламент принял закон «О реабилитации репрессированных народов», подогревший дух сепаратизма и межнациональную вражду.

Непротивление мятежу и попытка задобрить мятежников тяжело отразилась на судьбе местного населения Чечни и всего Северного Кавказа. Бандитский мятеж привел к захвату территории Чечни, фактическому ее отделению от России, которое сегодня – состоявшийся факт. За это отделение заплачено 50 тыс. убитых и 300 тыс. изгнанных жителей Чечни нечеченского происхождения, а также «контрибуцией», которая вся Россия (волей ее кремлевских хозяев) платит главарям бандитского анклава – примерно по миллиарду долларов в год. В наше время уже вся территория Северного Кавказа охвачена мятежным бандитизмом: контролем этнобантитов за любой экономической деятельностью, терактами и межнациональными столкновениями. Кавказский бандитизм распространился по всей России, захватывая и крупные города, где «гуляет» кавказская молодежь и приобретают собственность кавказские преступные группировки, и малые населенные пункты, которые порой целиком порабощаются уголовниками. Все это – свидетельство Большой Смуты, в которую погружена Россия.

Февральский мятеж

История свершается не только в мыслительных схемах, которыми мы постфактум пытаемся ее объяснять, чтобы облегчить понимание, но и в судьбах людей. В переворотах 1917 года главным были вовсе не партийные дрязги, не митинги и прокламации, не штурм Зимнего, которого, можно сказать, и не было. Персонификация истории, краха Империи заключается в отречении и аресте Николая II, в зверском убийстве его и его семьи. Превращение этой трагедии в исторический анекдот – не просто ошибка. Это упущение нити, которая дана нам для понимания истории и применения этого понимания к современности.

Солоневич писал о Николае II: *«Он не был сильным человеком. У него не хватило сил, чтобы выкинуть из своего дворца Гришку Распутина и этим самым обречь на смерть своего единственного сына, и не хватило сил для того, чтобы стукнуть кулаком по столу и повесить несколько тысяч человек, - как это в свое время сделал Петр Великий («что ни зубец - висит стрелец»), не хватило сил для того, чтобы в страшные решающие дни конца февраля 1917 года вернуться на фронт, стать лично во главе любой дивизии - любая дивизия под личным водительством Царя пошла бы на что угодно - и от петербургской швали оставить только рожки да ножки. Да, сил не хватило. Но все-таки — Император Николай Второй был плохим монархом не потому, что он был плохим монархом, а потому, что мы были плохими монархистами. Он был для нас - слишком большим джентльменом». «Я не хочу впадать в елейный тон, в котором принято говорить о Николае Втором, - но все же я думаю, что если он не был самым сильным политиком последних десятилетий России - то самым умным и самым честным он все-таки был. Может быть, - слишком честным для политики. Что стоило ему - приказать повесить убийц Распутина? А из них никто, в сущности, никакому наказанию не подвергся». «Николая Второго - затравили. Затравила пресса, евреи, светские дамы, отчасти и Дума. Но на своем посту он держался до конца. До того момента, когда все его бросили, когда клевета о царице-шпионке и о царице любовнице Распутина прошла и по фронтам, и по тылам, оформилась на трибуне Государственной Думы...» «Можно сказать, что Ее Величество Сплетня одолела Его Величество Царя. Царь - заплатил своей жизнью. Россия заплатила двадцатью годами тягчайших страданий - но сплетня продолжает свое победное шествие».*

Травля продолжается и сегодня. Не только издевательским ритуалом с «екатеринбургскими останками» и открытием «новых екатеринбургских останков», но и прежним действием Сплетни о русской истории, самая отвратительная сторона которой – домыслы на счет личности и исторической миссии Николая II, канонизированного Церковью, но по-прежнему представленного в массовом сознании оскорбительными характеристиками. Это клеймо позора на нашем народе, который не разбирает грани между добром и злом, не отделяет преступника от жертвы, не видит разницы между трагедией и фарсом. Историческая память, таким образом, лишается созидательной функции и действует как проклятье, которым мы сводим свою собственную страну в могилу, свой собственный народ – к ничтожному, рабскому состоянию.

Еще совсем недавно так называемая Февральская революция представлялась в умах граждан как некий пролог Великого Октября. Это соответствовало коммунистическому догмату о «перерастании буржуазно-демократической революции в пролетарскую». Тем самым суть событий, произошедших весной 1917 года, оставалась неясной. На собственном опыте мы увидели, что эта же логика имеет обратный ход: в 1991 году «пролетарская» революция обратно переросла в «буржуазно-демократическую». И вроде бы после этого уже ничего не нужно – все стало на свои места.

До сих пор значительная часть населения России считает, что именно в октябре большевики «свергли царя», а потом «хорошие белые» сражались против «плохих красных». Или наоборот – «хорошие красные» против «плохих белых». В этом примитивизме русская история стирается и сводится к XX веку – выпавшим на долю народа испытаниям, которые во многом были предопределены именно Февралем.

Невежество по части русской истории подкрепляется оговорками высших должностных лиц, получивших образование в советский период и не обогативших свои познания чтением книг в последующие годы. Благодаря этим высказываниям и мутной продукции средств массовой информации, период между февралем и октябрем 1917 года стал представляться как хрупкий эксперимент построения идеального общества, грубо растоптанный сапогами большевиков. С этим периодом даже начали ассоциировать Россию после 1991 года, невольно подчеркнув, что предательство Февраля до сих пор не изжито и остается идейной основой для правящей группировки.

С трудом входит в общественное сознание понимание того, что в феврале 1917 года был совершен государственный переворот, организованный генералитетом, думскими депутатами, группой промышленников и агентами иностранных держав. Заговор готовился, и его руководители почти не скрывали своих целей, выдавая планируемый захват власти за проект демократических реформ, которые понадобились почему-то именно во время войны. В то время, когда русский народ бился в кровопролитных сражениях Первой мировой, наделенные властью и деньгами лица думали о том, как устранить Царя, который казался им лишней фигурой – примерно так же, как и декабристам, фантазировавшим за век до того о будущем государственном устройстве России. Им казалось, что никакой тайны власти не существует, и что их талантов достанет, чтобы удержать в руках Империю и довести войну до победы, которая уже была в руках – кампания 1916 года под непосредственным руководством Николая II подвела к неизбежному краху Германии и ее сателлитов летом 1917. Перехватить эту победу, а с ней и Империю – вот был замысел заговорщиков.

Вовсе не большевики, а поддержанные публикой либералы (среди которых оказались не только генералы, но и некоторые высшие иерархи Церкви) свергли Самодержавие – русскую власть, укорененную в веках и в тех принципах, которые делали величие России и соединяли народ и власть в национальный организм. Как только Удерживающий был устранен, власть рассыпалась: самозваное Временное Правительство, собранное из авантюристов всех мастей, не смогло справиться с элементарными задачами по поддержанию порядка в стране. Народ без Царя не признавал никакого начальства, никаких прав собственности, никаких авторитетов. Гражданская война не могла не

начаться, и в хаосе победу одержали самые жестокие, самые подлые, самые кровожадные. Власть упала им в руки, а вовсе не была завоевана.

Империя разлагалась изнутри революционной пропагандой и интеллигентскими поисками истины, которая разошлась бы с исторической правдой Отечества. Число «столыпинских галстуков», затянутых на шеях террористов и бунтовщиков, оказалось мизерным, к марксистам власть относилась достаточно лояльно, позволяя им распространять подрывную литературу, а в последние годы Империи – прямую порнографию, оскорбляющую Царя, его семью и приближенных. Либералы и вовсе были в моде и привычно фрондерствовали, подмывая устои собственного государства, по которому они потом плакали в эмиграции, зачастую так и не поняв собственных заблуждений.

Общество в России не успевало быть современным, политическая нация не успела созреть – от необсуждаемой, интуитивной лояльности Государю и господину мы не смогли перейти к осознанной и глубокой свободной лояльности к Отечеству и всему, что закреплено в его истории. Нам нужно было двадцать лет мира. Война обрушилась на Россию в 1914-м году именно поэтому. Прогноз развития Империи показывал, что к середине века она станет сверхдержавой, которую уже ни одна страна мира не сможет догнать.

М.Алексееев

Самым современным посреди несозревшей в нацию массы подданных оказался Николай II, который понимал трагизм ситуации и предчувствовал свою судьбу. При этом Государь оставался не только рыцарем Традиции, но и автором множества новаций в государственной жизни. Показательно, что именно его вмешательство переломило ход войны в 1916 году. Русское экономическое чудо должно было продолжиться в чуде русской победы. Но либеральная фронда, заговорщики-нигилисты из социалистических партий не дали этой победе состояться. Для них Учредительное собрание казалось важнее славы Отечества, Интернационал – важнее победы над врагом. И теперь в февралистских ориентирах власти мы видим то же самое!

Удивительно, но даже хроника «февральских дней» перевирается в угоду текущей политической конъюнктуре. Эти дни даются в пересказах отъявленных негодяев – тех самых заговорщиков, успевших сбежать от порожденного ими хаоса за рубеж, и там - на склоне лет - написавших мемуары, чтобы возвысить себя и свалить собственные грехи на преданного ими Императора. Другим источником являются газеты тех дней, вравшие самозабвенно – в том же стиле, что и современные СМИ. Многие владельцы и главные редакторы газет были включены в планы мятежников.

А.Гучокв

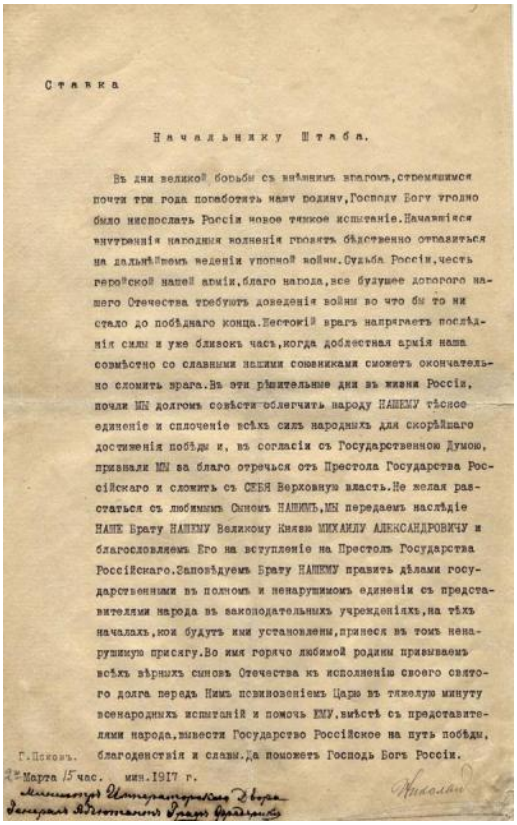
Своеобразное соглашение между нынешними правителями Российской Федерации и историками предлагает столь же простую схему: хорошие «белые» проиграли плохим «красным», и потому реставрация «белой» республики – это и есть восстановление России в ее прежнем статусе. Это, конечно, ложь. Настоящая Россия – это Россия самодержавная, а не республиканская. Ее государственная традиция может быть восстановлена только в том случае, если мятеж Февраля будет определен как тягчайшее преступление, а возникшие поле этого режимы – как заведомо нелегитимные. Восстановление

правовой непрерывности российской государственности – это стратегическая задача, если мы как народ собираемся жить в России вечно, а не до ближайшего кризиса.

Проблема восстановления единства истории также России требует снять вкусовщину в оценках событий XX века. Преступление Февраля не может быть ничем оправдано – оно надорвало нашу страну революциями, войнами и безумием бюрократии, не сдержанной ни традициями управления, ни общественными противовесами. Следствия этого преступления добивают Россию и теперь – замороченный лживыми публицистами народ до сих пор не знает своей истории, не ведает, кто в ней мученик и герой, а кто преступник и трус.

Иван Солоневич в статье о фальсификации истории «великого февраля» иронично писал: *«Есть такой рецепт производства артиллерийских орудий: нужно взять круглую дыру и облить ее сталью — получится орудие. Целый ряд исторических концепций фабрикуется именно по этому рецепту: берут совершеннейшую дыру и обливают ее враньем: получается история. Или исторический факт».* И далее: *«Самое занятное то, что в феврале 1917 года никакой революции в России не было вообще: был дворцовый заговор. Заговор был организован: а) земельной знатью, при участии или согласии некоторых членов династии — тут главную роль сыграл Родзянко; б) денежной знатью — А. Гучков и в) военной знатью — ген. М. Алексеев». «Правые не могут признаться в том, что страшная формулировка Государя Императора о предательстве и прочем относится именно к их среде, левым очень трудно признаваться в том, что февральская манна небесная, так неожиданно свалившаяся на них, исходила вовсе не от народного гнева, не от восстания масс и вообще не от какой "революции", а просто явилась результатом предательства, глупости и измены в среде правившего слоя».*

«Отречение» Государя Николая II от престола представляется общеизвестной истиной, поскольку этот факт был занесен в учебники и представлен как естественный результат Февральской революции 1917 года. Революция обозначена как результат «недееспособности царизма», а таковая оценка российской государственности сфабрикована путем сокрытия реальной истории. Скрыто «русское экономическое чудо», произошедшее в правление Николая II, скрыто стремительное развитие социального законодательства, скрыта эффективность имперской модели управления инородческой периферией. Поэтому Россия оказывается «отсталой», война - «империалистической» и преступной, режим – «тюрьмой народов», а Государь – «Николаем кровавым».



Ставка

Начальнику Штаба.

Въ дни великой борьбы съ внѣшнимъ врагомъ,стремящимся почти три года поработить нашу родину,Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе.Начавшіяся внутреннія народныя волненія грозятъ бѣдственно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.Судьба Россіи,честь геройской нашей арміи,благо народа,все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны во что бы то ни стало до побѣднаго конца.Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ,когда доблестная армія наша совмѣстно со славными нашими союзниками сможетъ окончательно сломить врага.Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи, почли Мы долгомъ совѣсти облегчить народу НАШЕМУ тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали Мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть.Не желая разстаться съ любимымъ Сыномъ НАШИМЪ,Мы передаемъ наслѣдіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на Престолъ Государства Россійскаго.Заповѣдуемъ Брату НАШЕМУ править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ,на тѣхъ началахъ,кои будутъ ими установлены,принеся въ томъ ненарушимую присягу.Во имя горячо любимой родины призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ Нимъ повиновеніемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытаній и помочь ЕМУ,вмѣстѣ съ представителями народа,вывести Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.Да поможетъ Господь Богъ Россіи.

Г.Псковъ. 2-е Марта 15 час. мин.1917 г.

Николай

То, что назвали "отречением"

В действительности, никакой «революции» в феврале 1917 не было. Был заговор узкой группы лиц, преследовавших разные цели и питавшихся различными иллюзиями. Результатом заговора стало образование самозваного Временного правительства и, что особенно важно для истории «отречения», - полная изоляция Верховного Главнокомандующего – Государя Императора. Все его контакты с внешним миром с момента изоляции (а отчасти и до того) были фальсифицированы или блокированы.

Заговорщики окрестили свои действия «революцией» постфактум. Они хотели, чтобы спровоцированный ими хаос был признан революцией, и называли этот хаос именно так. Они не управляли государством, а следовали хаосу, подавляя любые попытки навести порядок. Даже после изобличения большевиков в

получении денег и инструкций от немцев, после произведенных арестов в июле 1917, Временное правительство предпочло вновь предоставить мятежникам и изменникам «политические свободы» и возможность готовить вооруженное выступление.

Историки подчас судят о событиях по совершенно истеричным высказываниям, которые не имели ничего общего с действительностью. И впрямь, что можно понять из телеграмм одного заговорщика - председателя распущенной Думы Родзянко – другому заговорщику - генералу Рузскому, командующему Северо-Западным фронтом (в апреле 1917 отправлен в отставку, в 1918 убит большевиками):

«Народные страсти так разгорелись, что сдержать их вряд ли будет возможно, войска окончательно деморализованы; не только не слушают, но убивают своих офицеров, ненависть к Государыне Императрице дошла до крайних пределов; вынужден был, во избежание кровопролития, всех министров, кроме военного и морского, заключить в Петропавловскую крепость. Очень опасаюсь, что такая же участь постигнет и меня, так как агитация направлена на все, что более умеренно и ограничено в своих требованиях. Считаю нужным вас осведомить, что то, что предлагается вами, уже недостаточно и династический вопрос поставлен ребром».

М. Родзянко

«Еще раз повторяю, ненависть к династии дошла до крайних пределов… везде войска становятся на сторону Думы и народа, и грозное требование отречения в пользу сына при регентстве Михаила Александровича, становится определенным требованием».

«Повторяю Вам, что вишу на волоске, и власть ускользает из моих рук; анархия достигла таких размеров, что я вынужден сегодня ночью назначить Временное правительство».

Великому князю Михаилу он писал в том же духе: *«Теперь все запоздало. Успокоит страну только отречение от престола в пользу наследника при Вашем регентстве. Прошу Вас повлиять, чтобы это свершилось добровольно, и тогда сразу все успокоится. Я лично вишу на волоске и могу быть каждую минуту арестован и повешен».*

Всё это – сплошная дезинформация. Мы знаем, что никакого успокоения не предвиделось, и никакое регентство не планировалось. Требовался хаос, и о нем говорили на всех углах. Хаос был еще только локальным, захватывающим лишь центр Петрограда. Он был еще неустойчив, поскольку тысячи людей в государственном и военном аппарате управления занимались своим делом. И поэтому все успокаивалось само собой, даже в условиях непрерывных провокаций, когда большевистские боевики вели на улицах беспорядочную стрельбу. Чтобы состоялся полномасштабный хаос, а управление государством рухнуло, этот хаос надо было поселить в головы людей. Делали это думские горлодеры и множившие их фантазии газеты. Убийство одного офицера приводило к беспрерывным выступлением думцев в защиту офицеров. Что сообщало солдатам: убивают, и это сходит с рук! Криминальный, дезертирский элемент поднимал голову, а «демократические» соображения не позволяли репрессивным органам реагировать нужным образом.

В Петрограде в дни «революции» пострадало около 1300 человек, из них 53 офицера и 600 солдат. Точной цифры погибших офицеров нет. Ориентировочно это 5-6 человек. Масштаб террора был многократно больше в Кронштадте и Гельсингфорсе, где погибло 60 и 39 офицеров соответственно. Но Петроград был хаотизирован только в центральных районах. Общий масштаб волнений был незначителен. Уже 1 марта ситуация начала успокаиваться, а после «отречения» провокаторы-террористы исчезли в мгновенье ока. Следовательно, беспорядки были инспирированы и отложены до очередной

иностранной «инвестиции» в организацию хаоса. Не случайно толпа была натравлена на тюрьмы, где вместе с уголовниками выпустила на свободу иностранных агентов, а также на помещения контрразведки, где были разгромлены досье на иностранную агентуру (см. воспоминания Б.В.Никитина «Роковые годы»)

Из хаоса можно извлечь все, что угодно. Заговорщики, отброшенные развернувшейся смутой как грязная ветошь, лгали как только могли, чтобы обелить себя и унизить и испачкать Династию, на которую они посягнули.

Клевета следует за династией по сей день. Эмигрантские источники свидетельствовали, что Великий Князь Владимир Кириллович с красным бантом прибыл в Думу во главе Гвардейского экипажа. Кто придумал этот красный бант? Один из лидеров мятежа Родзянко, чьи воспоминания грешат не только романтическими фантазиями и превознесением своей роли в «спасении России», но и ложью о том, что будущий император в изгнании Кирилл I будто бы «всем сердцем присоединился к происходящему». Хладнокровный историк Сергей Мельгунов разоблачил эту ложь: «канва рассказа шита белыми нитками». Кирилл Владимирович приезжал на Дворцовую площадь, где без ясно поставленной задачи собирались войска. Он сообщил генералу Хабалову, что готов присоединиться к войскам с Гвардейским экипажем, если те будут действовать против мятежников, а если нет, то солдаты останутся в казармах. Великий князь прислал две наиболее надежные роты учебной команды.

Известно, что Кирилл Владимирович участвовал лишь в одном «проекте» того периода – подготовке манифеста о даровании Конституции. Великий князь Павел Александрович писал своему племеннику Кириллу 2 марта: «…мы должны быть начеку и всячески, всеми способами сохранить Ники престол. Если Ники подпишет манифест, нами утвержденный, о конституции, то ведь этим исчерпываются все требования народа и Временного правительства». Кирилл отвечал по поводу Михаила Александровича, которого тогда прочили в регенты: *«Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы работать ясно и единомышленно с нашим семейством, прячется и только сообщается секретно с Родзянко».* Современный комментатор излагает то же самое, меняя смысл на противоположный: *«Миша, несмотря на мои настойчивые просьбы, работает ясно и единомысленно с нашим семейством, он прячется и только сообщается секретно с Родзянкой».* И далее, якобы свидетельство «измены»: *«Я был в эти тяжелые дни совершенно один, чтобы нести всю ответственность перед Ники и Родиной, спасая положение, признавая новое правительство».* Фразу можно повернуть и так, и сяк. Но если не искажена первая часть записки, то она понимается однозначно: никакой измены не было.

«Красный бант» появился на груди Кирилла Владимировича, благодаря «свидетельствам» думского заговорщика Родзянко. Вероятно, ему казалось, что в эти дни все офицеры должны носить красные банты на форменной одежде. Ибо только это (якобы) и спасало их от солдатских расправ. Это ложь, многократно опровергнутая. Государыня Александра Федоровна тоже поверила в эту историю, написав со слов «друга» в письме, что Кирилл «ошалел, ходил в Думу с экипажем и стоит за них».

Считается, что еще до «отречения» – 1 марта - Кирилл Владимирович обратился к своему Гвардейскому экипажу, а также к начальникам Царскосельского гарнизона, с предложением присоединиться у Думе – казавшемуся единственным центру сопротивления хаосу. Если такое обращение существовало, это была ошибка. Но между ошибкой и изменой – дистанция огромного размера! Ни о каком отречении Государя великий князь не помышлял, монархии и династии не изменял. Другое дело, что он так легко поверил в отречение… При чудовищном хаосе, явленном мемуаристикой, можно предположить, что дата не соответствует действительности, и реально заявление великого князя было сделано уже после того, как речь об «отречении» облетела Петроград. На это указывает и записка, текст которой приведен выше.

Вполне возможно, что текст «отречения» был распространен среди некоторых лиц заранее. На это указывает полное бездействие Синода, а потом спешное решение синодалов от 2 марта (до «отречения») о «вхождении в сношение» с временным

комитетом Думы – группой самозванцев и изменников. Уже 4 марта Синод проходил под председательством назначенного Временным правительством обер-прокурора и торжественно возвестил о «новой эре в жизни Православной Церкви». 5 марта Синод постановил не провозглашать в церквях многолетие Царствующему Дому. Сразу после 3 марта в адрес Временного правительства из всех епархий посыпались телеграммы в знак признания и поддержки.

Информация эмигрантских лгунов противоположна фактам. И потому следует говорить о злонамеренном искажении истории. С какой целью? С единственной: недобитых членов династии необходимо всячески дискредитировать, уничтожить морально. И сделать Соборную клятву 1613 года неисполнимой для народа и не исполненной для Династии. Тем самым вина за нарушение присяги Государю Императору как бы снималась, а «революции» 1917 года становились следствием «недееспособности» самой Династии, что запутывало и скрывало следы заговора.

Отречения не было

Тайна лжи и беззакония имеет в XX веке отправную точку – так называемое «отречение». До февраля 1917 горда Россия шла «царским путем», и путь личного духовного спасения был делом частным. После устранения «удерживающего» Россия хранима Богом только для того, чтобы вернуться на «царский путь», для чего требуется коллективное покаяние за непротивление злу. Шанс на это сохраняется, и мы обязаны его использовать, понимая, что тайна беззакония действует уже не в отношении частных лиц, а в отношении России и русского народа, а многие из нас вольно или невольно втянуты в процесс уничтожения нашей страны и нашего народа.

Как же была создана иллюзия отречения Государя, которого в действительности не было? Как явно сфабрикованная бумажка с невнятной подписью (неизвестно чьей рукой) в уголочке листа «Николай» была выдана за Высочайший Манифест? Текст, где имеется фальсифицированная подпись Государя, - это телеграмма Генеральному Штабу. А текст, который по 8 копеек продавали на петроградских улицах, - это уже Манифест. Причем, оформленный, как положено для подобного рода документов, словами: «Мы Николай Второй,….» и так далее.

В.Шульгин

Сокрытие факта фальсификации было одной из задач, которую решали и большевики. Им нужно было представить, что в феврале 1917 года они подобрали «ничью» власть, что законного правителя у России на тот момент не было. Поэтому уже после Великой Отечественной войны из-за рубежа был извлечен совсем уже дряхлый «монархист» Василий Шульгин со своей версией «отречения», и с его участием изготовлен пропагандистский фильм «Перед судом истории». Где внимательный взгляд обнаруживает массу накладок. К примеру, в рассказе Шульгина о подписании «отречения» отсутствует важное лицо – тот, кто напечатал текст на пишущей машинке. «Отречение» возникает как из воздуха и исправляется чудесным образом без присутствия исполнителя. Фантазии Шульгина становятся чуть ли ни документом, хотя внимательный исследователь Сергей Мельгунов, проживший, а потом детально изучивший Февраль, неопровержимо доказал, что все мемуарные сочинения Шульгина – это плод его воображения, создающего иллюзию, а воспроизводящего реальные факты.

Современная власть также тщательно обходит вопрос об «отречении», поскольку прямо наследует свою «легитимность» от коммунистического режима, образовавшегося воровским образом. Если этот режим является просто следствием антигосударственного

мятежа, то он был незаконен. Следовательно, и очередная «экспроприация экспроприаторов» в 1991 году также была незаконной: вор у вора дубинку украл. Именно поэтому с такой поспешностью и массой нелепостей власть «разрешила» проблему «екатеринбургских останков», превратив всю процедуру научных экспертиз в фарс – фактически передав ее организацию заинтересованным лицам за рубежом. История, по задумке фальсификаторов, должна выглядеть примитивно: Царь отрекся, а большевики убили гражданина Романова. Преступление, таким образом, будет касаться только убийц, но не созданных в результате незаконного захвата власти органов управления, которые арестовали Царя, а потом отдали его в руки душегубов.

Внешне ситуация февраля-марта 1917 года выглядела так: в Петрограде начинаются волнения праздношатающихся солдат из запасных полков. Их никто не призывает к порядку, хаос нарастает. В думских кругах начинают говорить о необходимости «отречения». Гучков и Шульгин без всякой санкции каких-либо коллегиальных (самозваных) органов отправляются в Псков к Государю и на следующий день прибывают с текстом отречения. Тут же исполком Петросовета выносит решение об аресте отрекшегося Государя. И все это в течение недели!

Могли ли два думских завсегдатая добиться от Государя отречения? Могли ли истеричные телеграммы о беспорядках в Петрограде испугать Николая II, имевшего опыт подавления революции в масштабах страны? Да ни под каким видом! Можно с уверенностью сказать, что происходившее в Петрограде не имело к «отречению» никакого отношения. Просто два авантюриста исполнили необходимую сцену заготовленного спектакля. Кто-то же должен был привезти «отречение»!

Историк С. Мельгунов разоблачает Шульгина, который в эмиграции выступил в качестве мемуариста и ярого ненавистника революции. В действительности все его «мемуары» не имеют ничего общего с действительностью, а эмоциональные оценки событий противоречат его собственной позиции тех дней. Слывший ярым монархистом, Шульгин на самом деле за кулисами вел разговоры не только об отречении Государя, но и цареубийстве (дневниковая запись высланного Государем из столицы в.к. Николая Михайловича от 4 января 1917 года приводится в книге Мельгунова «Мартовские дни 1917 года»)!

Чтобы верно оценить свидетельства Гучкова и Шульгина об «отречении», нужно понимать, что это были за люди.

Шульгин хоть и слыл монархистом и националистом, по «делу Бейлиса» резко критиковал правительство, за что получил трехмесячный тюремный срок. В 1915 году с думской трибуны протестовал против ареста депутатов-большевиков. В последующем, уже после революции, Шульгин выступил как провокатор, подыгравший большевикам в грандиозной мистификации - чекистской операции «Трест» Ему было позволено в 1925 году нелегально посетить советскую Россию и беспрепятственно ее покинуть, после того как он «проинспектировал» созданную ГПУ «нелегальную организацию монархистов».. Шульгин был арестован в 1944 году в Югославии, но не расстрелян вместе с другими участниками «белого движения», а осужден на 25 лет. В 1956 году вышел на свободу, ему было позволено заниматься публицистикой и прославлять коммунистический режим.

Гучков – яростный противник участия великих князей в государственном управлении, один из организаторов думской кампании против Распутина, участник заговора против Николая II с целью совершения дворцового переворота. Молодые годы Гучкова связаны с путешествиями и авантюрами – службой на КВЖД младшим офицером (откуда он был уволен за дуэль), участием в войне на стороне буров против англичан (попал в плен к англичанам), сдачей в плен японцам под Мукденом под предлогом помощи раненым - в качестве уполномоченного Красного Креста (организация, часто прикрывающая агентов иностранных разведок). При этом банкир, предприниматель, один из создателей партии «октябристов» (опоры Столыпина в Думе), председатель III Думы (сложил полномочия для отбытия наказания за дуэль, а затем окончательно – в знак протеста против перерыва в заседаниях Думы, объявленного Государем). Став военным и морским министром Временного правительства, Гучков отменил титулование в

вооруженных силах, разрешил военнослужащим участвовать в политических союзах, в марте-апреле сменил военное руководство армией (заменил 8 командующих фронтами и армиями, половину командующих корпусами, значительную часть командующих дивизиями).

И вот такие «свидетели» все время говорят о «манифесте»! Протокол их беседы с Государем свидетельствует, что Николай II самолично писал этот документ, своей рукой делал правки в нем по рекомендации думцев. Однако автографов Государя подобного рода никто не видел. Понятно при этом, что существуй они в действительности, заговорщики торжественно потрясали бы ими над головой. Поэтому с большой вероятностью можно утверждать: имела место фальсификация. Какой манифест готовил и подписывал Государь, мы не знаем. Одно мы можем вывести наверняка: участники заговора многократно и многогранно искажали действительность и скрывали факты, подменяя их своими измышлениями и толкованиями.

Не было «отречения» - была фальсификация. В качестве выражения воли Государя были представлены газетные публикации и, будто бы, отсутствие со стороны Государя какого бы то ни было сопротивления. Поэт А.Блок, близкий к заговорщикам, солгал либо ляпнул по своей политической наивности: отрекся «как сдал эскадрон». Судьба воздала Блоку: как и большинство участников заговора, а потом и убийства Государя и его Семьи, он канул в начавшейся смуте.

Сомнения в подлинности факта отречения высказывались давно. Но лишь недавно, благодаря усилиям самодеятельного исследователя Андрея Разумова и историка Петра Мультатули, документы и обстоятельства отрешения Государя от власти стали общедоступными и были подвергнуты пристальному анализу. Сразу выявились признаки фальсификации: документ, претендующий на роль и достоинство царского Манифеста, направлен по странному адресу (Ставка. Начальнику штаба). Он представляет собой текст телеграммы с карандашной подписью Николая II в углу, причем росчерк Государя не соответствует обычному, повторенному в сотнях документов. Заверяющие документ записи от имени министра Двора на трех экземплярах документа полностью идентичны друг другу, (что невозможно: человек не в состоянии с такой точностью трижды воспроизвести запись от руки), и к тому же обведена чернилами по карандашу. Это ли не признак грубо сфабрикованной фальшивки!

Уже при появлении «манифеста» всем участвовавшим в заговоре лицам было совершенно ясно, что этот «акт» не имеет юридической силы.

Заговорщик генерал Данилов передает слова Шульгина 2 марта по поводу текста «отречения»: *«Несомненно, здесь юридическая неправильность. Но с точки зрения политической, которая должна сейчас превалировать, я должен высказаться в пользу принятого решения. При воцарении Царевича Алексея будет весьма трудно изолировать его от влияния отца и, главное, матери, столь ненавидимой в России». «При таких условиях останутся прежние влияния, и сам отход от власти родителей малолетнего Императора станет фиктивным: едва ли таким решением удовлетворится страна».* В этих словах достаточно очевиден политический смысл заговора: сделать власть вообще нелегитимной, обрушить всю властную систему в стране.

Постфактум заговорщики пытались представить «акт отречения» как некую уловку со стороны Государя. Давая такую оценку, они разоблачали сами себя. О полном понимании заговорщиками того, что они творили, говорят воспоминания депутата Думы Бубликова (Нью-Йорк, 1918) по поводу «акта отречения»: *«Во-первых, он составлен не по форме; не в виде манифеста, а в виде депеши нач. штаба в Ставку. При случае это кассационный повод. Во-вторых, в прямое нарушение основных законов империи Российской он содержит в себе не только отречение Императора за себя, на что он, конечно, имел право, но и за Наследника, на что он определенно никаких прав не имел. Цель этого беззакония очень проста. Права Наследника этим никак, по существу, не подрывались, ибо по бездетному и состоящему в морганатическом браке Михаилу, в пользу которого отрекся Николай, все равно автоматически имел право вступить на престол Алексей. Но зато на время беспорядков с него как бы снимался всякий одиум, как с отрекшегося от своих прав».*

Чтобы фальшивка была принята за достоверный документ, при посредстве тогдашних газет, принадлежность которых хорошо известна, была проведена кампания обработки сознания. После этого уже никого не интересовало, убедителен ли вид документа, адекватен ли его правовой статус. Последовавшая дезорганизация управления, развал тыла, а потом фронта, сняли вопрос о достоверности текста «отречения» на многие годы. А затем он был стерт из памяти народа большевистской пропагандой и советскими учебниками, со школьных лет вбивавшими в головы людей простенькую картинку: народ восстал и сверг Царя.

Освобождая истину от напластований лжи, мы видим, как разворачиваются перед нашим взором различные «проекты» разрушения России: германский (действия по разрушению противника изнутри, повлекшие за собой саморазрушение Германии – ноябрьскую революцию 1918), английский (попытка поставить у власти в России подконтрольного монарха – малолетнего Цесаревича Алексея или храброго в боях, но по общему убеждению неумного и не желающего царствовать Михаила Александровича), французский (учредить в России республику, управляемую на французский манер – тайными масонскими группировками), «кабалистический» (разрушение России до основания, истребление ее ведущих сословий). Каждый из этих «проектов» искал и находил в России своих исполнителей, щедро финансировал их, насаждая измену. Все они сопрягались между собой через лиц, стремившихся возвысить свою роль в истории за счет унижения России. И все эти проекты ничего бы не стоили, если бы не измена.

СМИ сегодня создали такую атмосферу в обществе, когда наличие заговора, войны темных сил против России представляется как домысел, как продукт воспаленного сознания. Доходит до того, что мир, окружающий Россию, представляется неопасным для нее, вероятность последовательной работы иностранных разведок и тайных негосударственных объединений против России кажется совершенно невероятной. Тем

самым искажается сама суть истории XX века, в которой мировая война против России не прекращалась. Не расшифровав тайные механизмы войны, в поворотные моменты истории мы окажемся вновь беззащитными. Не поняв, что Россия является пространством, за которое ведут тайную войну мировые силы зла, оспаривающие первенство покорения «самого непокорного народа», мы ничего не поймем в истории XX века и в реальности века XXI. Не обращая внимания на присутствие тайных сил, мы так и останемся в плену примитивной марксистской историософии. И у нас не возникнет желания знать ни о расстрельной команде «латышей» во главе с человеком с «черной как смоль бородой», убивших Царя и его Семью в 1918, ни на команде снайперов, которые «разогревали» ситуацию в 1993 и получили тогда определение «бейтаровцы». А ведь вмешательство подобных сил должно бы подвигнуть к мысли о том, что внешний абрис событий порой не имеет ничего общего с реальными процессами, разворачивающих курс страны в ключевые моменты истории.

К измене Вере, Царю и Отечеству не всегда вело увлечение нигилистическими политическими теориями или личная ненависть к условиям жизни в Российской Империи (закон некоторыми натурами ощущается как «гнет»). К измене могло привести наивное представление о том, что ситуация катастрофична, тогда как на фронтах положение было спокойным и стабильным, а погромы государственных учреждений коснулись лишь Петрограда, где нерешительность военной власти в отсутствие Государя позволило развиться отдельным беспорядкам в массовые), и что все дело можно поправить, лишь заменив «раздражающую многих» фигуру Николая II. Но планы внешне верхушечного, косметического изменения оказались идентичны планам злейших врагов России. Без Царя Россия начала рассыпаться, а вместо борьбы с внутренним и внешним врагом русские люди направили оружие на своих братьев.

Янкель Свердлов

Почему заговорщикам нужно было именно «отречение», а не свержение Государя? Им важно было сохранить внешние атрибуты самодержавия. Свержение означало бы открытое попрание закона, которое спровоцировало бы немедленное выступление сил, верных Государю. Но если «Сам отрекся», то против кого выступать? Ведь есть еще внешний враг. Лучшие люди России были и остались на фронте, ожидая восстановления власти по закону и не понимая, что «тайна беззакония в действии» - беззаконие уже свершилось. Именно на это и рассчитывали заговорщики.

Бесспорно, свержение привело бы к большим проблемам в определении международного статуса Временного правительства, к отсутствию какого-либо статуса у самозваных министров, а также к возбуждению как революционной стихии, так и опирающейся на закон реакции. «Отречение» создавало иллюзию легитимности перехода России в новое состояние. Но при этом «гражданин Романов» оказывался не частным лицом, а политическим «товаром», за который можно было поторговаться с заинтересованными сторонами: немцами или англичанами. Вывоз Государя и Семьи в Тобольск был совершен Керенским только ради того, чтобы не дать большевикам перехватить «товар» и переправить своим германским заказчикам. Планы большевиков по перевозу Семьи в Москву прямо свидетельствовали о реальности такой передачи, - в качестве отработки германских денег, а в дальнейшем - как способ усилить позиции при заключении Брестского мира. Государь сказал: «Я скорее соглашусь дать руку на отсечение!» Затем в действие вступил план сатанинской секты (по линии Янкель Шифф – Янкель Свердлов), предполагавшей обман большевистского руководства и ритуальное убийство Государя, его семьи и верных слуг.

Почему Николай II не смог опровергнуть своего «отречения»? Этот вопрос не столь таинственен, как может показаться. С момента ареста Царь был блокирован, вся его переписка фильтровалась, все его действия и слова обуславливались угрозой гибели семьи. Многие документы (включая дневниковые записи), скорее всего, полностью или частично фальсифицированы. В пользу этой догадки говорят многочисленные факты фальсификации со стороны большевиков и эмигрантских «свидетельств», последовательно разоблачаемые историками.

Даже если бы у Государя была возможность распространить свое воззвание к верным Престолу с призывом подавить мятеж, кто был бы адресатом его послания? Средства информации в то время отнюдь не были массовыми и общедоступными. Они принадлежали врагам России, а их аудиторией были в основном интеллигентские слои. Обращаться к беспочвенной интеллигенции было бессмысленно. Верхушка армии предала; и транслировать через неё правдивую информацию солдатским массам Царь явно не мог. Да что генералитет! К Временному правительству стремительно примкнули даже церковные верхи! Изменническое отречение от Государя и Соборной клятвы 1613 года не изжито до сих пор. Заговор разорвал живую связь между Государем и народом, он использовал тяготы войны и трудную проблему переходного периода от традиционного общества к национальному. Без Государя он был полностью дезориентирован и растерян.

Спрашивают: почему Николай II не предпринял превентивных шагов против революции? Но в действительности такие шаги были предприняты: была распущена Дума, отданы приказы по наведению порядка в столице, по направлению в Петроград фронтовых частей, сохранивших дисциплину. Получив сообщения о беспорядках в Петрограде, Государь сам направился в столицу, чтобы лично руководить наведением порядка. Но все его решения были дезавуированы заговорщиками. Командующий войсками, расквартированными в Петрограде, генерал Хабалов не предпринял решительных шагов по разгону бунтующих толп, военный министр Беляев и председатель Думы Родзянко дезинформировали Государя истеричными посланиями о крахе всякой власти, генералы Алексеев и Рузский не доставляли ему объективных данных и фальсифицировали телеграмму об отзыве войск, якобы, отправленную Царем генералу Иванову. Измена небольшого числа высших должностных лиц и готовность общества принять «отречение» сыграли решающую роль. Народ остался в стороне от всех этих событий. И безмолвствовал, потому что не имел ответа на «отречение», которого в принципе не допускал.

Якоб Шифф

Почему генералы, которые не могли не понимать значимости Царя для России, пошли на измену и соучаствовали в заговоре? Их поведение объясняется склонностью искать для себя иного – не милостивого, умного, честного, грамотного Государя, а жестокого Диктатора, у которого жаждущие не порядка, а самоуправства, генералы составили бы свиту. А монархию сделали бы формальной, на английский манер. Генералы наследовали настроения декабристов – участвовали в масонских ложах, мечтали о «слабом» царе и военной хунте над ним.

Словно в насмешку над генеральскими иллюзиями, привитыми им придворными сплетниками и иностранными посланниками, в диктаторы был предложен паяц – Керенский. А когда пришел настоящий, кровавый диктатор, его свиту составили палачи, обагренные кровью тех самых генералов, сквернопoдданных всех мастей, их врагов и врагов их врагов. Верховная власть досталась антиподу Николая II – Сталину, который вместе с соратниками пытался и Россию сделать её антиподом. До конца сделать это не

получилось. Но сатанисты торжествовали: они пролили моря русской крови, - причем русскими же руками, или руками естественных союзников русского народа.

Обманув и предав Царя, генералы и политики развернули русскую историю на путь чудовищных страданий: вместо заслуженной и уже просматривавшейся победы в войне 1917 года, Россия испила горькую чашу поражения и гражданской войны, а потом еще одну войну, которой не стряслось бы, будь Россия Царской. Вместо «русского чуда» - бурного экономического роста в течение всех лет правления Николая II, Россия получила ломающие народ через колено индустриализацию, коллективизацию, голод; вместо народного просвещения – «культурную революцию», заморочившую головы пропагандой. Все это, вместе взятое, отразилось в военной катастрофе начала Великой Отечественной: индустриализация создала железо, но не солдата; «культурная революция» научила читать большевистские агитки, но не создала прочных мотивов защиты Отечества; сталинизм приучил к страху, но уничтожил инициативу. Как сражаться за Родину, вспомнили, потеряв миллионы и сдав полстраны врагу. Символ измены народа, расплата за петроградскую бесовщину 1917 года – Пискаревское кладбище, где лежат уже не подданные Империи и жители Петербурга, а граждане СССР и жители Ленинграда.

Самое страшное, что фальсификации ведут нас к тому, чтобы мы признали приметы гибели чуть ли не геройством, прославляющим народ: чем больше жертв, тем больше славы. Чтобы мы отказались видеть вину, лежащую на изменниках и лжецах. Именно поэтому фальсификация русской истории XX века продолжается.

Вечный Февраль

Накануне краха Империи обстановка в тылу была вполне мирная, благополучная. Но практически все преданные России люди находились на фронтах, а власть не располагала для подавления беспорядков достаточными силами, которые имеются в мирное время. Февральская трагедия стала следствием цепи случайностей, нелепых поступков доброхотов, стремившихся к укреплению государства, но подорвавших его основу – самодержавие. Даже готовая во всем военная победа, скрупулезно рассчитанная и ожидавшаяся в наступлении лета 1917 года, была сорвана.

Масштабы выступлений публики в Петрограде в феврале 1917 года мы вполне можем оценить по событиям 1991 и 1993 гг. в Москве. Разница лишь в том, что война в 1917 году дала в поддержку публике роты новобранцев и запасных полков, которые, не желая воевать, начали убивать офицеров в казармах. В условиях военного времени оружие расползалось по рукам и оказалось в распоряжении возбужденной толпы. Февральский переворот оказался успешным лишь потому, что этого захотели «верхи» общества – изменники и предатели, которые в дальнейшем в большинстве своем были уничтожены большевиками или бежали из страны.

Предательство, обморочно охватившее все российское общество в феврале 1917 года, не осуждено и не преодолено в народном сознании до сих пор. Но предательство это не отпускает, не дает забыть себя. Оно заставляет воспроизводить себя раз за разом. Оно воспроизведено разрушением в 1976 году дома купца Ипатьева, в котором был расстрелян последний российский Император, и мистической связью этого акта с будущим президентом России Ельциным - разрушителем не только Ипатьевского дома (в бытность первым секретарем свердловского обкома КПСС), но и единого государства в 1991 году. В 1998 году именно Ельцин стал инициатором еще одного акта исторического предательства – надругательства над национальной историей в ритуальном захоронении «екатеринбургских останков». Накануне этого акта Ельцин посетил Ипатьевский монастырь, прослеживая путь династии Романовых (от Ипатьевского монастыря к Ипатьевскому дому) и намереваясь пресечь его окончательно.

Вытоптать память о династии Романовых, которой русские принесли свою клятву, превратить русских в беспамятных клятвопреступников – цель, достижение которой равносильно уничтожению России. Русские люди не могут допустить, чтобы наша история закончилась столь позорно – на посмешище всем врагам Империи!

Моральное уродство всенародного предательства собственной истории, предательство Отечества влекло за собой уродство общественного бытия, уродство воспитания и образования. В результате новый советский тип человека обрушил государственность, в которой сам же и вырос. Глубинная причина крушения СССР – в том, что с жизнью Государя Николая II была прервана традиция передачи власти, мистически предопределяющая жизнеспособность русской цивилизации.

Разумеется, с этим не хотят согласиться ни те, кто начинает отсчет истории с августа 1991 года, ни те, кто считает своим Отечеством только страну, образовавшуюся после октября 1917 года. И те и другие пытаются превратить историю России – в предысторию. Для этого приходится всячески принижать русскую традицию, олицетворенную в российской монархии. Приходится выискивать причины для того, чтобы вопрос о судьбе династии Романовых в русской истории и в современной России считать второстепенным. Именно поэтому проблема захоронения «екатеринбургских останков» (будто бы, обнаруженных под Екатеринбургом в тайном захоронении останков расстрелянной Августейшей семьи и ее верных слуг) стала поводом для фантастической лжи о личности Николая II и ситуации в предреволюционной России. Мол, если царь был не так уж хорош, то нечего носиться с его останками как с писаной торбой, нечего мучиться с идентификацией – захороним останки и избавимся от проблемы раз и навсегда.

Стремление развенчать русскую традицию – симптом космополитической ориентации в государственном строительстве. Развенчание идет как от люмпенского «простонародья» (нам все равно, что это будет за государство, лишь бы вволю было хлеба и зрелищ), либо от поверхностной образованности, полагающей, что история движется интересами социальных групп, классов, партий; а не борьбой Добра со Злом. Для укорененного в национальной традиции гражданина ответственность не ограничивается лишь настоящим и ближайшим будущим, для православного человека очевидно, что мы несем ответственность перед Богом, а значит – перед вечностью, включающей потомков и предков.

Наследие наших предков – это клятва верности династии Романовых в 1613 году: *«Заповедано, чтобы избранник Божий, Царь Михаил Федорович Романов был родоначальником Правителей на Руси из рода в род, с собственностью в Своих делах перед Единым Небесным Царем. И кто же пойдет против сего Соборного постановления – Царь ли, патриарх ли, и всяк человек, да проклянется таковой в сем веке и в будущем, отлучен бо будет он от Святой Троицы»*.

Так вот же, воскликнет радостно хулитель памяти Николая II, ведь Царь-то и пошел против Собора – отрекся от престола, а потому он, считаем, уже отлучен от Церкви! Не стоит торопиться. Взглянем на текст отречения и увидим, что Николай (напомним, находящийся под арестом, в полной изоляции и одиночестве) не отрекался от утвержденной грамоты Собора 1613 года: *«Мы признали за благо отречься от Престола Государства Российского и сложить с Себя Верховную власть. Не желая расстаться с Сыном Нашим, мы передаем наследие Наше Брату Нашему, Великому Князю Михаилу Александровичу и благословляем Его на вступление на Престол Государства Российского»*. Никакого отречения, собственно, и не было. Была телеграмма Государя в Генштаб, своеобразный «протокол о намерениях», подлинность которого под вопросом. В руках историков – некий печатный текст на страницу, где подпись Государя едва умещается и явно не соответствует его привычной подписи. Ни гербовой бумаги, ни каких-либо отметок по делопроизводству, никакой публичности – ничего, что действительно отражало бы готовность к процессу отречения и передаче власти по существующим законам.

Михаил Александрович, в пользу которого, якобы, отрекся от престола Николай II, подписал текст, начертанный не его рукой на каком-то клочке бумаги. Трудно сказать, его ли подпись стоит под кривыми строками. Но и в этих строках нет отречения, а лишь передача вопроса о форме правления Учредительному Собранию, которое должно быть избрано на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования. Николай II в своих

дневниках отреагировал на появление информации о манифесте Михаила: «Бог знает, кто надоумил его подписать такую гадость!».

Предательство дорого обошлось не только династии, но и самому русскому народу, преступившему клятву и отдавшему страну на растерзание заговорщикам, бунтовщикам и разбойникам. Все по анекдоту: «В 1913 году Россия стояла на краю пропасти. С тех пор она сделала большой шаг вперед». Действительно, в последние годы эпохи Романовых население Империи выросло наполовину, производство хлеба – вдвое, промышленность увеличила продукцию вдвое, постепенно разворачивалась политическая система и народное представительство, начался «золотой век» русской философии, построено 10 тысяч церквей и десятки монастырей... Это было настоящее русское чудо!

* * *

Разрешая для себя вопрос о событиях Февраля, мы разрешаем вопрос о своем будущем, о сущности России – какой ее нам Бог дал. О том, что есть Россия настоящая, и что должно стать для нас Россией уходящей. Из XX века в XXI мы шагнем только в тот момент, когда освободимся от капкана, в который попали, - от наших заблуждений относительно Империи, личности Государя Императора Николая II, сущности либерального заговора против России, причин распространения вируса «левачества» и социального паразитизма – как богатых, так и бедных… Множество вопросов увязано с «проблемой Февраля». Чтобы эти вопросы не стали для нас вечными (точнее – пожизненными), мы должны усвоить правду о Феврале.

В отношении российской государственности проводилась и проводится одна и та же политика: подчинения и порабощения народа, разграбления национального достояния. Одно из направлений этой деятельности - клевета на русских Императоров, дискредитация монархической формы правления, создание условий, при которых русские не могли бы воссоединиться со своей историей. Точно так же, как измена обволакивала Николая II, она проникает в высшие эшелоны власти и подбирается к живущим в изгнании членам Российского Императорского Дома. Исторический сюжет продолжается и, судя по многим признакам, он близок к завершению: жизненные силы народа иссякают, русская государственность увядает, русская история покрыта клеветой, русские богатства захвачены олигархией, русские люди унижены и превращены в рабов бюрократии.

Пинхус Войков

Большевики фальсифицировали историю собственной партии, придумали «революционный процесс», придали «всемирно-историческое значение» ничего не значащим событиям. Их последователи стойко придерживаются этой иллюзии, морочащей людям головы. Не случайно дело о расстреле Царской Семьи в Екатеринбурге фальсифицировалось многократно – и в 20-е годы, и в 60-е, и в 90-е. Причем послевоенные фальсификации связаны с именем А.Н.Яковлева – члена Политбюро, многие годы занимавшегося деятельностью по подрыву жизнеспособности нашего государства. С именем Яковлева связаны и другие фальсификации – секретных протоколов «пакта» Молотова-Риббентропа, «Катынского дела». Вероятно, мы узнаем еще немало подобных фальсификаций и их подоплеку – стремление нанести России максимальный ущерб.

История с «екатеринбургскими останками» демонстрирует, что нынешняя власть во многом следует «кабалистической» стратегии. Она стремится «закопать» тему злодеяния, закрыть историческую проблему, спрятать генетическую связь нынешних врагов России с внутрибольшевистской террористической фракцией, управлявшейся из-за океана. Множество примет фальсификации мы видим в организации экспертизы

«екатеринбургских останков», размещенных теперь как музейный экспонат в так и не переданном Церкви Петропавловском соборе, где не только водят экскурсии праздных иностранцев, но и проводят концерты светской музыки.

Продолжается осквернение не только фамильного склепа Династии. Всё так же замараны именами убийц улицы и площади русских городов. Городские власти Москвы в течение многих лет отказываются убрать с карты столичного метро имя Пинхуса Лазаревича Войкова, одного из участников и организаторов екатеринбургского злодеяния и сокрытия этого преступления. Это тот самый Войков, который торжествующе заявил по поводу убийства Царской Семьи: «Мир никогда не узнает, что мы с ними сделали». Названия других станций метро меняются с лёгкостью., А вот имя изувера мэр Москвы Лужков убирать не спешит. Так же стоек в этом вопросе его преемник. Чем же так мил Войков руководству Москвы, если оно многократно отказывалось удовлетворить требования общественности и даже депутатов Государственной Думы?

В России остаются прославленными злейшие ее враги – Ленин, Свердлов и другие. В последние годы под покровительством властей вновь началась реабилитация сталинизма. В то же время не прославлены российские Государи. Их имен нет на картах наших городов, им не возведены памятники, не отмечены места и даты их деяний. Власть продолжает лгать, а народ продолжает уже не жить, а умирать в полном неведении о своей истории.

У власти (а отчасти и у народа) образовалась привычка ко лжи. Поэтому создаются «версии истории», призванные забавлять публику. «Альтернативная история» совсем не безобидна, ибо полностью дезориентирует и без того не слишком просвещенных людей. Книжные магазины завалены сочинениями в стиле псевдо-документалистики, телевидение позволяет патентованным лжецам и врагам России (Сванизде, Млечин и другие) создавать свои видеофальшивки по поводу значимых событий отечественной истории. Ежедневной ложью наполнены средства массовой информации. От нас скрыты обстоятельства трагедии октября 1993 года, тайна гибели подлодки «Курск» и многое другое. От нас не удалось скрыть лживости так и не законченного «официального расследования» трагедии Беслана. Нас уже трудно разубедить в том, что выборы в России почти два десятка лет тотально фальсифицированы. Мы интуитивно чувствуем, где нам лгут. Но повседневная суета отодвигает наши размышления об этом на задний план. Понимаем ли мы, что забывая о судьбе Отечества, мы тем самым готовим себе новые страдания?

Политика нынешних «верхов» состоит в том, что русская история должна быть фальсифицирована, а чуждые русским имена и символы должны всё так же изгаживать Россию, как это было при большевиках. Этим у русских хотят отбить любовь к собственной стране, убедить в том, что настоящей России больше нет и не будет.

Поскольку все события, связанные с государственной властью, затрагивают право, то они прямо имеют последствия и для обычных людей. Если право нарушено, то незаконным может оказаться владение собственностью. Например, наследование этой собственности от вора. Незаконным может быть отправление властных полномочий, даже если они получены в результате выборов. Выборы могут проводиться по законам, которые установлены наследниками узурпаторов. Незаконно может быть даже само управление хозяйством и богатством страны и подчинение воли граждан со стороны властных органов. Потому что все это получено как наследство от мятежников, присвоивших себе полномочия незаконно, а значит, и передавших их в порядке наследования незаконно.

Можно сказать: все это дела давно минувших дней, они на нынешнюю жизнь никакого воздействия не оказывают. Так вот, оказывают! В религиозном смысле, мы поглощены собственным грехом, и считаем его либо делом естественным, либо собственное соучастие в коллективном помрачении совести – несущественным. От этого перекошено, изломано все общество, порочна в своей основе государственная власть, отсутствует традиция, которая может быть передана следующим поколениям. Все в беспорядке, а внешний порядок – только скрывает так бурлящий под покровом формальностей хаос.

Причина нарастания хаоса в государственных делах сегодня – неизжитое предательство Февраля 1917. Кое-как разобравшись с Октябрем, мы так и не дали ему должной оценки, потому что так и не смогли верно отнестись к Февралю. Мы увязли в Феврале и топчемся на исторической развилке, даже в своих мыслях не умея разрешить, казалось бы, простейший вопрос: за Империю или за тех, кто разрушил ее? Если так, то мы не разрешим в своем сознании и вопрос: за Россию или за ее разрушителей? Мы можем обманывать себя, уверяя, что мы однозначно за Россию. Но при этом будем поддерживать ее недругов, потому что Россия в наших представлениях будет какая-то «другая», а не та, какую ее нам Бог дал. У нас очень смутно понимание грани между Добром и Злом, когда дело касается России. Поэтому на дворе – вечный Февраль, и невозможно двинуться вперед, преодолев, наконец, разруху в своих собственных головах.

Февральский синдром поразил Россию, и уже двадцать лет нами управляют люди с февралистскими установками. Именно поэтому страна, имевшая все условия для мощного рывка развития, топчется на месте и рассыпается на глазах. В жизнь вступило поколение, не испытавшее на себе пропагандистской обработки коммунистической мега-машины. При этом сознание этого поколения остается чистым листом, в котором грязными кляксами расползаются примитивные идейки либерального эгоизма, обесценившего все русское. Еще пару десятилетий, и в сознании народа мы уже не найдем ни одного светлого места, а значит – наступит конец русской истории.

В узких рамках февралимза Россия не умещается, а потому ее будут обрезать и обрезать под февралистский проект. Пока не оставят нечто невзрачное, что смогут вписать в европейский полуостров и историю Запада, вычеркнув при этом все, что было в русской истории самобытного, суверенного, действительно величественного и достойного. Еще промедлим – и увидим своими глазами второй раздел России и испытаем на себе катастрофу, еще более ужасную и постыдную, чем катастрофа 90-х.

Весна русского возрождения наступит, только когда мы найдем в себе силы двинуть время вперед – вступим за исторический Февраль в эпоху расцвета, обратившись сначала мыслями, а потом в практике государственного строительства к опыту Российской Империи, от которой все наши духовные и материальные ценности, географическое пространство и пространство нашей истории.

Народники и террористы

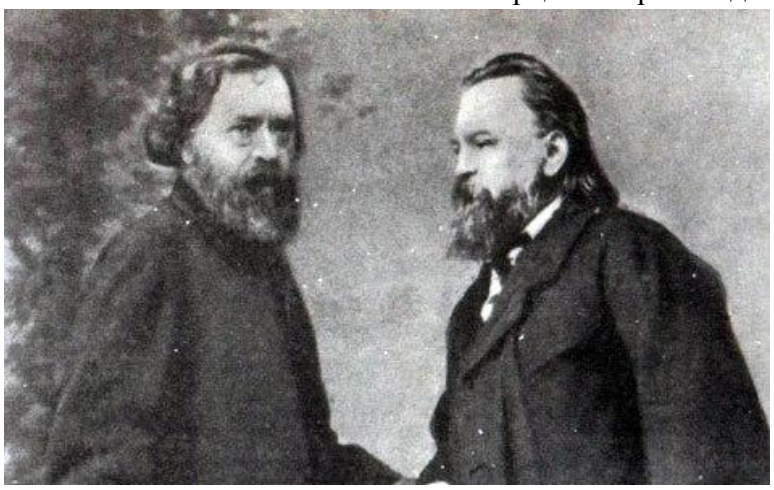
Революционное барство Герцена

Большевики, повторяя ленинское «декабристы разбудили Герцена» не ошибались лишь в одном: их предтечами были смутьяны всех времен – декабристы и Герцен включительно. Кто такой Герцен при всех усилиях коммунистической пропаганды, в советский период не знали даже образованные слои общества. Поскольку мало кому удавалось осилить его заунывно громадный труд «Былое и думы». А уж до публицистики и вовсе касались только специалисты. Поэтому Герцен в массовом сознании был тем, кого «разбудили» декабристы. Потом он, как следует из «теории» революционного движения в России, написанной большевиками, «развернул революционную агитацию». И тем самым породил «разночинцев» - целый слой революционно настроенной и полуобразованной интеллигенции, следующей двум принципам: нигилизм (отвержение России и ее традиций) и народовольчество (слезы над участью страдающего народа). Этот-то слой – кто бесплодными «хождениями в народ», а кто бомбами и породил следующий этап революции – марксистский.

Но мы вернемся к Герцену. Его фигура, его идеи и его судьба – прекрасная иллюстрация смутного состояния самосознания у дворянства середины XIX века, ведущего праздный образ жизни, а к концу века выродившегося в просто тунеядствующее сословие.

Частная жизнь Герцена во многом предопределила направленность его мыслей и общественной активности. Его фамилия – искусственная, появившаяся в результате незаконного брака его отца – русского аристократа – с немко1-лютеранко1. Отец стал для Герцена первым испытанием – вплоть до своей кончины он давал юноше множество примеров тяготы семейной дисциплины, в которой было очень мало любви. Отец с его давящими всех окружающих повадками, с его злой иронией, с его праздностью, с его формальной, неискренней религиозностью, с его равнодушием к русской истории – все это олицетворило образ государства Российского, которое Герцен искренне ненавидел всю свою жизнь.

Брак Герцена был столь же противозаконен, как и его рождение. Женился он на двоюродной сестре, чей статус при вздорной тетке, опекавшей незаконнорожденное дитя, был не менее тяжек. Свою Натали Герцен выкрал из дому, совершив стремительный набег из ссылки. Романтика этого события перечеркивается иной «романтикой», которую Герцен по какой-то причине (возможно, от непреодолимой склонности литературного описания) не стесняется вынести на страницы своего мемуара «Былое и думы». Он описывает свой роман с замужней женщиной, в деталях анализируя свое душевное состояние от сознания измены другой женщине - оставленной в Москве невесте. Потом Герцен зачем-то фиксирует, пусть и кратко, свою измену жене с дворовой девкой и «психологическую болезнь», связанную с последовавшим резким снижением самооценки. Вряд ли эти фрагменты сочинения Герцена подобны публичному покаянию. В них больше литературной страсти, чем душевного подвига.



Герцен и Огарев

Расплата за измены и родственный брак пришла к Герцену значительно позднее – в эмиграции. Его жена-сестра была соблазнена немецким поэтом, которого Герцен принял в своем доме и долго терпел сначала как друга, а потом как ненавистного соперника. Как в

наказание дети Герцена умирали в младенчестве, один из детей родился глухонемым, а потом вместе с матерью Герцена утонул во время шторма. После смерти жены Герцен перебрался в Лондон, где новой спутницей жизни стала жена его ближайшего друга Огарева. При этом дружеская связь не прервалась, а сам этот эпизод, в отличие от иных подобных, не был описан Герценом в мемуарах.

Политическая активность Герцена началась простым юношеским переживанием казни декабристов. Весь ужас образовался в душе будущего эмигранта только от полного незнания жизни и полного неведения того, что же представляли собой повешенные бунтовщики. Ненависть Герцена к Николаю I возникла позднее и потребовала переоценить юношеский максимализм, выставив его в более выгодном свете. Причина ненависти в том, что Герцен как зов к личной мести царю воспринял смерть своего новорожденного ребенка. Якобы, от испуга матери во время приезда жандарма, который громко гремел саблей. «*Мертвящая рука русского самодержавия замешалась и тут, - и тут задушила»*, – пишет Герцен. И прибавляет: *«Смерть малютки не прошла ей даром»*. Он мстил всю свою жизнь - как мог. И даже свою юношескую биографию переосмыслил как приготовление к мести.

Своей ненависти Герцен посвятил немало строк публицистики. А также свой фантастически циничный восторг от смерти Николая I: *«Не помня себя, бросился я с "Таймсом" в руках в столовую, я искал детей, домашних, чтоб сообщить им великую новость, и со слезами искренней радости на газах подал им газету...»* Друзья дома разделили эту радость: *«Ну, наконец-то, он умер!»* Герцен: *«Я велел подать шампанского», «знакомые приходили, уходили с сияющим лицом».*

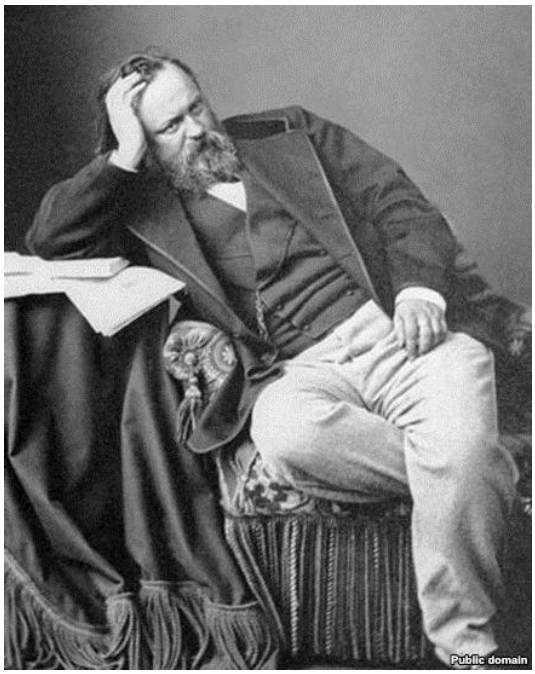
В своем сочинении Герцен переносит личное мстительное ликованье на окружающих иностранцев, которые вряд ли разделяли его восторг: «...я не видал ни одного человека, который бы не легче дышал, узнавши, что это бельмо снято с глаз человечества, и не радовался бы, что этот тяжелый тиран в ботфортах наконец зачислен по химии». И тут же переход к политическим проблемам: *«Сметь Николая удесятерила надежды и силы. Я тотчас написал напечатанное потом письмо к императору Александру».* Надежды на просвещенность нового императора быстро испарились – вместе с подавлением очередного польского восстания. Но в этот период герценский «Колокол» приобрел известность в России и даже благосклонно читался во дворце. Это были пять лет, в которые Герцен «развернул революционную агитацию», как писал Ленин. Объемы агитации были смехотворны – в лучший период тираж «Колокола» не превышал 2500 экземпляров.

Ненависть к царю затмевала сознание Герцена. Он писал о восстании декабристов: жаль, что картечь не расстреляла медного Петра. Ему хотелось символического наказания самодержавия за свою изломанную судьбу и беспросветную жизнь на чужбине. Он не замечал, что все его претензии к Николаю I – юношески пылки и несправедливы. Он не замечал, что его политические ссылки не имеют ничего общего с судьбой кандальников. Он не видел, что Государь лично вникает в ребячьи шалости вчерашних студентов, грозящие стать опасными крамолами, и останавливает зарвавшихся юнцов. Он не понял, что не имел никаких стеснений в службе Отечеству. В поисках понимания Герцен бежал за границу, где не нашел ничего, из того, что искал – ни революции, ни свободы, ни дружбы, ни любви. Но за границей он окончательно потерял Россию.

Всю свою жизнь Герцен расплачивался за неприспособленность к повседневному труду и за юношеские мечтания. У него было множество случаев найти себе поприще, службу. Обе его ссылки были всего лишь формой государственной работы – он был несвободен лишь в выборе места службы. Служба у образованного молодого человека шла успешно и в немалых чинах. Если бы только он научился смирять свою натуру, он сделал бы для русского народа, за который переживал остальную жизнь, немало полезного. О некоторых позитивных опытах службы он оставил след в своих воспоминаниях. Чем же должна была закончиться служба, если в ответ на благосклонность губернатора Герцен надерзил: *«Я, улыбаясь, заметил ему, что меня трудно испугать отставкой, что отставка - единственная цель моей службы, и*

прибавил, что пока горькая необходимость заставляет меня служить в Новгороде, я, вероятно, не буду иметь случая подавать своих мнений»?

И на что же променял Герцен службу Отечеству, что он так искал за границей, куда выехал без препятствий? Романтическую чепуху: *«Кто не слыхал "Марсельезы", петой тысячами голосов в том нервном раздражении и в том раздумье, которое необходимо является перед известной борьбой, тот вряд ли поймет потрясающее действие революционного псалма».*



Герцен сам многократно признавал ничтожность кружка своих единомышленников: *«Проповедовали мы везде, всегда... Что мы, собственно, проповедовали, трудно сказать. Идеи были смутны, мы проповедовали декабристов и французскую революцию, потом проповедовали сен-симонизм и ту же революцию, мы проповедовали конституцию и республику, чтение политических книг и сосредоточение сил в одном обществе. Но пуще всего проповедовали ненависть к всякому насилью, к всякому правительственному произволу». «Вся наша жизнь была посильным исполнением отроческой программы».*

Попытки философствования на «птичьем языке» с возрастом вызывали у Герцена самоиронию. *«Никто в те времена не отрекся бы от подобной фразы: "Конкресцирование абстрактных идей в сфере пластики представляет ту фазу самоищущего духа, в которой он, определяясь для себя, потенцируется из естественной имманентности в гармоническую сферу образного сознания в красоте". Замечательно, что тут русские слова, как на известном обеде генералов, о котором говорил Ермолов, звучат иностраннее латинских».*

Но, вновь очаровываясь философскими странностями, Герцен возвращается к истокам своей неприкаянности и ненужности в России. Для него *«философия Гегеля — алгебра революции, она необыкновенно освобождает человека и не оставляет камня на камне от мира христианского, от мира преданий, переживших себя».* Ничего толком не поняв в Гегеле, который вовсе не отрекался от христианства, Герцен признается в этом лишь косвенно, полагая, что гегелевская философия *«может с намерением, дурно формулирована»*.

В разительном противоречии с гегелевской философией, Герцен пытается определить свое политическое кредо, свою приверженность социализму: *«одна вещь узнана нами и не искоренится из сознания грядущих поколений, это - то, что разумное и свободное развитие русского народного быта совпадает с стремлениями западного социализма»; «...либерализм, последовательно проведенный, непременно поставит человека лицом к лицу с социальным вопросом».* Весь этот небогатый запас произвольных умозаключений пришлось отбросить в эмиграции, столкнувшись с реалиями революционного движения и отвратительными картинами склок меж никому не нужными революционерами.

О русских Герцен судить не хотел, поскольку его читали в основном на Западе. Но все же русских он не оставляет без оценок, которые то и дело проскальзывают в его сочинениях. Вроде того: *«Англичанин ест много и жирно, немец много и скверно, француз немного, но с энтузиазмом; англичанин сильно пьет пиво и все прочее, немец пьет тоже пиво, да еще пиво за все прочее; но ни англичанин, ни француз, ни немец не находятся в такой полной зависимости от желудочных привычек, как русский. Это связывает их по рукам и ногам. Остаться без обеда... как можно... лучше днем опоздать, лучше того-то совсем не видать...»*. Откуда дворянский сын набрался этой чепухи?

В русских образах содержится все небрежение Герцена к русским: *«Регент ничем не отличался, кроме музыкальных способностей,— это был откормленный, крупитчатый, туповато-красивый, румяный малый из дворовых — его манера говорить прикартавливая, несколько заспанные глаза напоминали мне целый ряд, — как в зеркале, когда гадаешь,— Сашек, Сенек, Алешек, Мирошек. И секретарь был тоже чисто русский продукт, но более резкий представитель своего типа. Человек лет за сорок, с небритым подбородком, испитым лицом, в засаленном сертуке, весь — снаружи и внутри — нечистый и замаранный, с небольшими плутовскими глазами и с тем особенным запахом русских пьяниц, составленным из вечно поддерживаемого перегорелого сивушного букета с оттенком лука и гвоздики, для прикрытия. Все черты его лица ободряли, внушали доверие всякому скверному предложению — в его сердце оно нашло бы, наверное, отголосок и оценку, а если выгодно, и помощь. Это был первообраз русского чиновника, мироеда, подьячего, коштана»*. Мы видим, что все русское у Герцена – это образы ненавистных ему мелких чиновников, которых он искренне ненавидел со всей бесплодной надменностью аристократа, так и не нашедшего себе дела в России.

Про помещиков, к которым относился и он сам, Герцен пишет: *«Конечно, небольшая кучка образованных помещиков не дерутся с утра до ночи со своими людьми, не секут всякий день, да и то между ними бывают "Пеночкины", остальные недалеко уши еще от Салтычихи и американских плантаторов»*.

Тут приостановимся. Пеночкин – это литературный персонаж, тургеневский тип помещика-чистоплюя («Бурмистр» из «Записок охотника»), с холодным равнодушием отдавшего своих крестьян управляющему-садисту. У него «дом построен по плану французского архитектора, люди одеты по-английски, обеды задает он отличные», «руки и ногти в большой опрятности содержит», «выписывает французские книги, рисунки и газеты», «даже кучера подчинились его влиянию и каждый день не только вытирают хомуты и армяки чистят, но и самим себе лицо моют». Собственно, Герцен сам принадлежал к такому же типу помещика-тунеядца, предпочитавшего переживать свои «тургеневские» страсти и революционные фантазии.

Что касается пресловутой Салтычихи, чье имя помнят даже те, кто забыл все о русской истории имперского периода, - то это пример целиком и полностью пропагандистский. Зверства Салтычихи были не типичными, а исключительными. Ведь невозможно судить о России по отдельному случаю изуверства. Даже теперь, когда таковых многократно больше, чем полтора века назад. Салтычиха, издевавшаяся над крестьянами, была изобличена, арестована, осуждена. Но до сих пор, вспоминая о ней, клеймят не этот случай зверства, а царскую Россию, которая подобные зверства решительно пресекала.

Русским Герцен готов был простить только слабости, только отчаянную ненависть к собственной жизни: *«Русская слабость пить с горя - совсем не так дурна, как говорят. Тяжелый сон лучше тяжелой бессонницы, и головная боль утром с похмелья лучше мертвящей печали натощак»*. Самому Герцену пьянство заменяли мысли о революции.

Славяне, под которыми Герцен подразумевал не только русских, но и все родственные народы, о которых он имеет хоть какое-то представление, могут – по его представлениям - самостоятельно только дремать: *«Одна мощная мысль Запада, к которой примыкает вся длинная история его, в состоянии оплодотворить зародыши, дремлющие в патриархальном быту славян»*.

Русские, по мысли философствующего барина, вообще ни к чему не способны. То же думают и сейчас «пикейные жилеты» - интеллигенствующие русофобы. Образцы глубокомыслия им дал Герцен:

«Восприимчивый характер славян, их женственность, недостаток самодеятельности и большая способность усвоения и пластицизма делают их по преимуществу народом, нуждающимся в других народах, они не вполне довлеют себе. Оставленные на себя, славяне легко «убаюкиваются своими песнями», как заметил один византийский летописец, «и дремлют». Возбужденные другими, они идут до крайних следствий; нет народа, который глубже и полнее усваивал бы себе мысль других народов,

оставаясь самим собою. Того упорного непониманья друг друга, которое существует теперь, как за тысячу лет, между народами германскими и романскими, между ими и славянами нет. В этой симпатичной, легко усвояющей, воспринимающей натуре лежит необходимость отдаваться и быть увлекаемым.

Чтобы сложиться в княжество, России были нужны варяги.

Чтобы сделаться государством — монголы.

Европеизм развил из царства московского колоссальную империю петербургскую».

«Но при всей своей восприимчивости не оказали ли славяне везде полнейшую неспособность к развитию современного европейского, государственного чина, постоянно впадая или в отчаяннейший деспотизм, или в безвыходное неустройство?»

На эти взгляды Салтыков-Щедрин написал карикатуру – свою «Историю одного города».

Разумеется, Герцен готов был признать некий исторический динамизм только там, где он надеялся найти революционное движение и восстание масс против традиционных порядков, выстаивавшихся в Европе веками. Но покатавшись по Европе и насмотревшись на мещанскую революцию во Франции, наговорившись с революционерами, Герцев оставил в своих записках самые уничижительные характеристики всем европейским народам, которые он мог наблюдать лично. Успокоился он только в Лондоне. Успокоился на русофобии – отчаянной ненависти к России, которую он разделял с поляками и прочими эмигрантскими кругами, чьи отвратительные повадки Герцен также живописал в своих мемуарах.

Большевики искали в Герцене и его круге своих единомышленников. Они стремились не прослыть беспочвенной, случайно занесенной в Россию болезнью. Они доказывали, что являются продолжением векового революционного движения. Именно этим в советский период обусловлены колоссальные тиражи почти никем не читанных книг Герцена, название в его честь улиц, больниц и площадей.

Будет ли в русской истории прощение за эту неблаговидную роль, навязанную, впрочем, а не выбранную? Перед русским массовым сознанием вряд ли. Но в порядке личного прощения – вполне возможно. Хотя бы за очерк изломанных и отвратительных революционных типов – европейских и русских. Или за русский язык, которым Герцен столь блестяще владел, иногда употребляя его во благо: *«Жесток человек, и одни долгие испытания укрощают его; жесток в своем неведении ребенок, жесток юноша, гордый своей чистотой, жесток поп, гордый своей святостью, и доктринер, гордый своей наукой,— все мы беспощадны и всего беспощаднее, когда мы правы. Сердце обыкновенно растворяется и становится мягким вслед за глубокими рубцами, за обожженными крыльями, за сознанными падениями; вслед за испугом, который обдает человека холодом, когда он один, без свидетелей начинает догадываться — какой он слабый и дрянной человек. Сердце становится кротче; обтирая пот ужаса, стыда, боясь свидетеля, он ищет себе оправдании — и находит их другому. Роль судьи, палача с той минуты поселяет в нем отвращение».*

Достоевский в «Дневнике писателя» описывает противоречивую личность Герцена, называя его «продукт нашего барства», который «родился эмигрантом». Достоевский признает в нем блестящего писателя, остроумца, собеседника, но в то же время – и русского барича, который должен был стать социалистом *«безо всякой нужды и цели, а из одного только “логического течения идей” и от сердечной пустоты на родине».* И тем самым отречься от своего народа: *«Герцену как будто сама история предназначила выразить собою в самом ярком типе этот разрыв с народом огромного большинства образованного нашего сословия. В этом смысле это тип исторический. Отделясь от народа, они естественно потеряли и Бога. Беспокойные из них стали атеистами; вялые и спокойные — индифферентными. К русскому народу они питали лишь одно презрение, воображая и веруя в то же время, что любят его и желают ему всего лучшего. Они любили его отрицательно, воображая вместо него какой-то идеальный народ,— каким бы должен быть, по их понятиям, русский народ».*

В каком-то смысле образ Герцена иллюстрирует и беспочвенность советской

интеллигенции, которая также - без всякой нужды и цели - сыграла вместе с коммунистической бюрократией в «русскую рулетку», порушив и разорив собственную страну. Образ Герцена витал над экзальтированными толпами, толкавшими во власть нигилистов на рубеже 80-90-х гг. XX века.

Белинский - образец демократа

Демократия, если она исходит из древних представлений о «демосе» и «кратосе», является благом для любого народа. Но когда «демос» - это изобретение французской революционной мысли, когда «кратос» - это вожделенная мечта бюрократа, тогда демократия становится только ширмой для скрытых властных кругов, утверждающих рабство. Демократия хороша, да демократы плохи. От демократов демократия вырождается во французскую фантазию и практику революционного брожения мысли, доходящей до пожелания гибели собственного Отечества.

Белинский – тень из школьного учебника литературы, объявленная основателем русской литературной критики. Наискучнейшая для русского самосознания фигура – брюзгливый поноситель лучших литературных образцов, ставший известным именно в связи с этими поношениями, особенно приглянувшимися большевикам, чтобы убрать из великой русской литературы (или хотя бы опорочить) все то, что говорило о них самих как о наследниках замыслов вредоносных смутьянов. О них русская литература свидетельствовала без всякой симпатии. За это Белинский ненавидел ее, а его последователи образовали целую профессию «литературного критика», которому положено было обличать литературу за недостаточную революционность.

Литературная критика Белинского вряд ли сегодня может кого-то привлекать. Тем не менее, именно эта критика стала основой для советского литературоведения, ибо в ней не было и тени сочувствия к России. Ядовитость строк Белинского многих привлекала, но многих же и отталкивала. Она шла от болезненности физической, перешедшей в духовную болезнь. За физическую немощь ему сочувствовали, за ярость обличения ближайших своих друзей ему было присвоено звание «неистовый Виссарион». В «Былом и думах» Герцен правдиво добавляет к этому простенький факт, который также объясняет перехлест эмоций у Белинского: он - сын мелкого чиновника, исключенный из Московского университета «за слабые способности». Обида и чувство неполноценности перед своими более образованными товарищами делали из Белинского страстного обличителя. Герцен также публикует некоторые письма Белинского, в которых тот жалуется, что совершенно угнетен необходимостью постоянной работы и мечтает сбросить с себя тяжесть повседневного журнального труда. В этом их общее – страсть к праздности, в которой свободно развивается собственная «натура». Но состоятельному Герцену повседневно трудиться не было нужды, а Белинский обязан был преодолевать свою склонность к свободной жизни, наливаясь при этом желчью, выискивая поводы для вспышек гнева.

Портрет Белинского Герцен пытается нарисовать позитивным, а выходит нечто совершенно неприглядное, гадкое. Да и как можно создать позитивный образ человеку, подлейшим образом публично оскорбившему Гоголя за его «Выбранные места…», человеку, назвавшему Гоголя *«проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов»,* а также позволявшему себе писать, что *«в громозвучных стихах Ломоносова нет ничего русского»*, утверждавшему вред для России от молитвы и проповеди, а всю историю России оценившему как

потерянную «в грязи и навозе» и подлежащую замене вместе с учением церкви хламом западной цивилизации - идеями гуманизма, здравого смысла и справедливости?

Об атмосфере недолгой дружбы Герцена и Белинского говорит эпизод, описанный в «Былом и думах» в незаметном примечании о поэтическом опыте Герцена: *«В 1839 или 40 году я дал обе тетрадки Белинскому и спокойно ждал похвал. Но Белинский на другой день прислал мне их с запиской, в которой писал: "Вели, пожалуйста, переписать сплошь, не отмечая стихов, я тогда с охотой прочту, а теперь мне все мешает мысль, что это стихи". Убил Белинский обе попытки драматических сцен. Долг красен платежами. В 1841 Белинский поместил в "Отечественных записках" длинный разговор о литературе. "Как тебе нравится моя последняя статья?"— спросил он меня, обедая, en petit comite <в тесной компании (фр.).> у Дюссо. "Очень,— отвечал я,— все, что ты говоришь, превосходно, но скажи, пожалуйста, как же ты мог биться два часа говорить с этим человеком, не догадавшись с первого слова, что он дурак?"— "И в самом деле так,— сказал, помирая со смеху, Белинский,— ну, брат, зарезал! Ведь совершенный дурак!"»*

Белинский, как видно, получал наслаждение, оскорбляя лучшие чувства, а простить «шпильку» в свой адрес мог, только переправив острие своего презрения к людям на кого-то другого.

Никакие дружеские связи не меняли склонности Белинского оскорблять и унижать ближнего. *«Белинский, страстный в своей нетерпимости, шел дальше и горько упрекал нас. "Я жид по натуре,— писал он мне из Петербурга,— и с филистимлянами за одним столом есть не могу... Грановский хочет знать, читал ли я его статью в «Москвитянине»? Нет, и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видеться с друзьями в неприличных местах, ни назначать им там свидания"».*

Самовлюбленность революционной прослойки середины XIX века не позволяла ей любить все человечество или даже только свой народ. Она любила свои идеи, а народ, эти идеи не понимавший, презирала. Причем, не только русский.

Белинский писал Герцену: *« Въехавши в крымские степи, мы увидели три новые для нас нации: крымских баранов, крымских верблюдов и крымских татар. Я думаю, что это разные виды одного и того же рода, разные колена одного племени; так много общего в их физиономии. Если они говорят и не одним языком, то тем не менее хорошо понимают друг друга, А смотрят решительными славянофилами. Но увы! в лице татар даже и настоящее, коренное, восточное патриархальное славянофильство поколебалось от влияния лукавого Запада. Татары большею частию носят на голове длинные волоса, а бороду бреют! Только бараны и верблюды упорно держатся святых праотеческих обычаев времен Кошихина — своего мнения не имеют, буйной воли и буйного разума боятся пуще чумы и бесконечно уважают старшего в роде, то есть татарина, позволяя ему вести себя куда угодно и не позволяя себе спросить его, почему, будучи ничем не умнее их, гоняет он их с места на место».*

Петр Чаадаев

Ранний Белинский не был злобным клеветником России. Герцен вспоминает:

«- Знаете ли, что с вашей точки зрения, - сказал я ему, думая поразить его моим революционным ультиматумом, - вы можете доказать, что чудовищное самодержавие, под которым мы живем, разумно и должно существовать.

— Без всякого сомнения,— отвечал Белинский и прочел мне "Бородинскую годовщину" Пушкина».

Всем известные вдохновенные строки Пушкина дышали патриотизмом и были вызовом европейским недругам России, грозящим ей войной в связи с польскими событиями.

Болезненность организма и атмосфера ненависти к России, окружавшая его, сделали свое дело. Белинский стал тем, что мы сегодня назвали бы русофобом. Белинский *«был в злейшей чахотке, а все*

еще полон святой энергии и святого негодования, все еще полон своей мучительной, "злой" любви к России». Такую «любовь» мы сегодня видим повседневно со стороны мучителей Отечества.

Злоба Белинского в словах фантастична, оскорбительна. При обсуждении реакции на вздорное, полное ненависти к России письма Петра Чаадаева (писанное им вовсе не в юношеской экзальтации, а скорее в престарелом безумии), Герцен представляет такую сцену:

«— Что за обидчивость такая! Палками бьют — не обижаемся, в Сибирь посылают — не обижаемся, а тут Чаадаев, видите, зацепил народную честь — не смей говорить; речь — дерзость, лакей никогда не должен говорить! Отчего же в странах больше образованных, где, кажется, чувствительность тоже должна быть развитее, чем в Костроме да Калуге,— не обижаются словами?

— В образованных странах,— сказал с неподражаемым самодовольством магистр,— есть тюрьмы, в которые запирают безумных, оскорбляющих то, что целый народ чтит... и прекрасно делают.

Белинский вырос, он был страшен, велик в эту минуту. Скрестив на больной груди руки и глядя прямо на магистра, он ответил глухим голосом:

— А в еще более образованных странах бывает гильотина, которой казнят тех, которые находят это прекрасным».

Понятно, почему Белинский был для большевиков целой литературной эпохой. Ненависть к России и готовность к террору против всех, кому Россия дорога, - это и есть наследие «революционных демократов», тип которых большевистские историографы и литературоведы вывели постфактум.

При всей наглости, несдержанности, грубости, Белинский, как отмечает Герцен, был крайне застенчив. Когда у него не было повода для скандала или вокруг не было сочувственной аудитории, он вел себя совсем иначе, чем в моменты, когда позволял себе неистовые вспышки: *«К. уговорил его ехать к одной даме; по мере приближения к ее дому Белинский все становился мрачнее, спрашивал, нельзя ли ехать в другой день, говорил о головной боли. К., зная его, не принимал никаких отговорок. Когда они приехали, Белинский, сходя с саней, пустился было бежать, но К. поймал его за шинель и повел представлять даме».* В другой раз, чувствуя неловкость своего положения в чужой компании, Белинский случайно перевернул стол с посудой, стеснявший его, и в поднявшейся суматохе сбежал.

Вот жуткий портрет беса, наказанного за свою ненависть к Богу: *«Без возражений, без раздражения он не хорошо говорил, но когда он чувствовал себя уязвленным, когда касались до его дорогих убеждений, когда у него начинали дрожать мышцы щек и голос прерываться, тут надобно было его видеть: он бросался на противника барсом, он рвал его па части, делал его смешным, делал его жалким и по дороге с необычайной силой, с необычайной поэзией развивал свою мысль. Спор оканчивался очень часто кровью, которая у больного лилась из горла; бледный, задыхающийся, с глазами, остановленными на том, с кем говорил, он дрожащей рукой поднимал платок ко рту и останавливался, глубоко огорченный, уничтоженный своей физической слабостью».*

Все гневные характеристики лондонской эмиграции, которые потом давал Герцен, в своих типажах напоминают разноликие карикатуры на Белинского – и жалкие, и подлые; и скандальные, и робкие.

Достоевский дал в «Дневнике писателя» убийственную характеристику Белинского, разместив его в своих воспоминаниях среди «старых людей»:

«Белинский был по преимуществу не рефлективная личность, а именно беззаветно восторженная, всегда, во всю его жизнь. (...) Выше всего ценя разум, науку и реализм, он в то же время понимал глубже всех, что одни разум, наука и реализм могут создать лишь муравейник, а не социальную «гармонию», в которой бы можно было ужиться человеку. Он знал, что основа всему — начала нравственные. В новые нравственные основы социализма (который, однако, не указал до сих пор ни единой, кроме гнусных извращений природы и здравого смысла) он верил до безумия и безо всякой рефлексии;

тут был один лишь восторг. Но, как социалисту, ему прежде всего следовало низложить христианство; он знал, что революция непременно должна начинать с атеизма. Ему надо было низложить ту религию, из которой вышли нравственные основания отрицаемого им общества. Семейство, собственность, нравственную ответственность личности он отрицал радикально. (Замечу, что он был тоже хорошим мужем и отцом, как и Герцен). Без сомнения, он понимал, что, отрицая нравственную ответственность личности, он тем самым отрицает и свободу ее; но он верил всем существом своим (гораздо слепее Герцена, который, кажется, под конец усумнился), что социализм не только не разрушает свободу личности, а, напротив, восстановляет ее в неслыханном величии, но на новых и уже адамантовых основаниях».

Достоевский приводит характерные высказывания Белинского:

«— Да знаете ли вы,— взвизгивал он раз вечером (он иногда как-то взвизгивал, если очень горячился), обращаясь ко мне,— знаете ли вы, что нельзя насчитывать грехи человеку и обременять его долгами и подставными ланитами, когда общество так подло устроено, что человеку невозможно не делать злодейств, когда он экономически приведен к злодейству, и что нелепо и жестоко требовать с человека того, чего уже по законам природы не может он выполнить, если б даже хотел... (...)

— Мне даже умилительно смотреть на него,— прервал вдруг свои яростные восклицания Белинский, обращаясь к своему другу и указывая на меня,— каждый-то раз, когда я вот так помяну Христа, у него всё лицо изменяется, точно заплакать хочет... Да поверьте же, наивный вы человек,— набросился он опять на меня,— поверьте же, что ваш Христос, если бы родился в наше время, был бы самым незаметным и обыкновенным человеком; так и стушевался бы при нынешней науке и при нынешних двигателях человечества».

Как и Герцен, Белинский был переполнен выхолощенной ученостью – преклонением перед иностранными авторитетами. Достоевский писал, что для Белинского особенным авторитетом были малоизвестные или быстро забытые французы Жорж Занд, Кабет, Пьер Леру и Прудон, а также Фейербах. *«Белинский, не могший всю жизнь научиться ни одному иностранному языку, произносил: Фиербах».*

Белинский умер от туберкулеза, нескольких дней не дожив до 37 лет. Возможно, короткой жизнью он не успел наделать глупостей, которые прослеживал в нем Достоевский: *«Белинский, может быть, кончил бы эмиграцией, если бы прожил дольше и если бы удалось ему эмигрировать, и скитался бы теперь маленьким и восторженным старичком с прежнею теплою верой, не допускающей ни малейших сомнений, где-нибудь по конгрессам Германии и Швейцарии или примкнул бы адъютантом к какой-нибудь немецкой т-те Гёгг, на побегушках по какому-нибудь женскому вопросу».*

Такая судьба ожидала революционеров круга Герцена и подобных ему, а также февралистов 1917 года, бежавших из страны, которую они хотели перестроить по рецептам Белинского.

Бакунин – слава и позор революционеров

Третий тип революционера – наряду с праздным барином и сошедшим с ума публицистом – является нам в лице Бакунина.

Будущему певцу революционных бурь, сгинувшему в самом их начале, поэту Александру Блоку очень нравились слова Герцена о Бакунине, которые он, вероятно, относил и к себе: «*Меня, если б знали во всех изгибах, поставили бы, может, на одну доску с Бакуниным, т.е. талант и дрянной характер»*. При всем почитании, собственная блоковская характеристика Бакунина убийственна. Бакунин, по его словам, *«вопил на всю Европу, или "ревел, как белуга", грандиозно и безобразно, чисто по-русски. Сидела в нем какая-то пьяная бесшабашность русских кабаков: способный к деятельности самой кипучей, к предприятиям, которые могут привидеться разве во сне или за чтением Купера, - Бакунин был вместе с тем ленивый и сырой человек - вечно в поту, с огромным телом, с львиной гривой, с припухшими веками, похожими на собачьи, как часто бывает у русских дворян. В нем уживалась доброта и крайне неудобная в общежитии широта отношений к денежной собственности друзей - с глубоким и холодным эгоизмом».*

В своем объемном сочинении «Былое и думы» Герцен не забывает напомнить читателю, что Бакунин был препровожден в армию отцом, который, вероятно, надеялся приобщить эту пылкую натуру к дисциплине. Не вышло. Бакунин *«одичал, сделался нелюдимом, не исполнял службы и дни целые лежал в тулупе на своей постели».* Пока не получил отставки. В Москве, попав в руки «революционным демократам», он получил от них применение – друзья заразили его философией. *«Бакунин по Канту и Фихте выучился по-немецки и потом принялся за Гегеля, которого методу и логику он усвоил в совершенстве — и кому ни проповедовал ее потом! Нам и Белинскому, дамам и Прудону».* Свои фантазии Бакунин дополнил фантазийно воспринятыми фантазиями немецких философов. Чтобы потом отречься от всего, «излечившись от метафизики».

Герцен рассказывает два страшных эпизода из авантюрной жизни Бакунина. Во время восстания в Германии, Букунин участвовал в организации обороны Дрездена и советовал выставить на городские стены против прусской артиллерии «Мадонну» Рафаэля и картины Мурильо. Мол, пруссаки - люди ученые, не станут стрелять. В другой раз Бакунин стал случайным свидетелем волнений в каком-то германском местечке. Узнав, что крестьяне не умеют добраться до своего обидчика, укрывшегося в замке, Бакунин между делом научил, как поджечь замок и спокойно продолжил свой путь, не дожидаясь развязки.

Вероятно, Герцен был единственным русским, кто до отъезда Бакунина за границу сохранил с ним дружеские отношения. Притом что только Герцен был способен выдавать Бакунину бессрочные и безвозвратные кредиты и не поминать о них. И прощать за впечатляющие подлости. Герцен был единственным, кто провожал Бакунина на чужбину. Потому что всем его друзьям отвратительна была сцена, в которой Бакунин оскорбил своего приятеля публициста Каткова и тут же вызвал его на дуэль. А потом, испугавшись, попросил отложить ее и перенести за рубеж. Дуэль так и не состоялась. Огарев самым кратким образом оценил Бакунина: подлец. Позднее Огарев вновь сойдется с Бакуниным на почве «нечаевщины» - проповеди террора, от которой они также солидарно потом откажутся.

Белинский несколько ранее и мягче говорил о Бакунине в позитивных тонах, но также видел *«чудовищное самолюбие, мелкость в отношении к друзьям, ребячество, леность, недостаток задушевности и нежности, высокое мнение о себе насчет других, желание покорять, властвовать, охоту говорить другим правду и отвращение слушать*

ее от других». Вряд ли эту характеристику Бакунин искупил своими страданиями в тюрьмах и участием в революционных боях.

Каким отношением Бакунин платил Герцену? О нем говорит бакунинская характеристика немецкого поэта и политического авантюриста Георга Гервега – соблазнителя жены его друга Герцена: «*человек чистый, истинно благородный, с душою широкою, что редко бывает у немца»*. Так характеризовать бесспорного подлеца мог лишь человек, совершенно не разбиравшийся в людях и с полностью зачерствелой душой, обращенной лишь в собственным идеям.

Бакунина Герцен называет *«Колумб без Америки и корабля»*. Нерастраченные силы так и не нашли своего применения: *«В этом человеке лежал зародыш колоссальной деятельности, на которую не было запроса. Бакунин носил в себе возможность сделаться агитатором, трибуном, проповедником, главой партии, секты, иересиархом, бойцом. Поставьте его куда хотите, только в крайний край, - анабаптистом, якобинцем, товарищем Анахарсиса Клоца, другом Гракха Бабефа, - и он увлекал бы массы и потрясал бы судьбами народов».* И в то же время, это человек, *«тратящий силы на вздор»,* и инфантил – в свои пятьдесят все тот же *«кочующий студент с Маросейки».* Ответная характеристика Бакунина в «Исповеди»: *«Он - человек добрый, благородный, живой, остроумный, несколько болтун и эпикуреец»*.

Бакунин страстно готовил разные заговоры, шпионские проекты, навязывая их наивным своим почитателям, случайно подвернувшимся под руку. Попав после австрийского ареста в русскую тюрьму, он с готовностью исполнил просьбу царя – написал объемистую покаянную «Исповедь». Потом, после милостивой отправки в Сибирь, где ему была, как ране Герцену, найдена достойная служба, а также создана атмосфера правительственного благоволения, он пытался, как и в Европе, стать учителем всех и проповедником своих идей, дополненных почитанием и поддержкой всесильного губернатора Н.Н.Муравьева-Амурского. Но Бакунин не приобрел сторонников или друзей, а напротив, нажил яростных критиков из числа местных «прогрессистов» и околодекабристской публики. Взаимные оскорбления дошли до Лондона, где Герцену были представлены материалы против Бакунина. Тот отказался их публиковать в своем журнале: «*Правда - мне мать, но и Бакунин мне – Бакунин»*.

Бакунина угнетало, что он получал деньги от золотопромышленника, к которому он был определен на службу, не выполняя никакой работы. Поэтому он письменно объявил, что считает все полученные деньги долгом и вернет его. Занять было не у кого, и Бакунин пишет письмо Каткову, которого странным образом продолжает считать своим приятелем. Катков же не считал Бакунина приятелем, не дал денег и так охарактеризовал «простоту» сибирского ссыльного: *«Благородный рыцарь, он хотел подаянием уплатить подаяния, из чужих карманов восстановить свою репутацию во мнении откупщика. Мы не могли ему быть полезны, и письмо его осталось втуне».*

Бакунин не вытерпел холодности общества, двусмысленной роли при губернаторе, финансовых затруднений и сбежал в Японию, а потом в Америку, бросив в Иркутске свою жену. Из Америки путь бунтаря-анархиста лежал снова в Европу – к прежним бесплодным буйствам. Россия, служба, семья – все ему было немило без свободы оглашать свои живодерские идеи и собирать вокруг себя хоть несколько десятков зачарованных слушателей.

Герцен резко выступал протии бакунинского бунтарства: *«Дикие призывы к тому, чтоб закрыть книгу, оставить науки и идти на какой-то бессмысленный бой разрушения, принадлежат к самой неистовой демагогии и самой вредной»*. О Бакунине Герцен передает очень верное мнение одного из европейских буянов: «*В первый день революции это просто клад, а на другой день надобно расстрелять».* Именно по этому рецепту большевистская партия расправлялась с буревестниками революции, героями гражданской войны, ленинской гвардией. Бакунину повезло родиться в более гуманную эпоху и умереть своей смертью, пусть и в ссоре со всем миром революционеров.

Народники в эмиграции

Революция создает о самой себе политические мифы, позволяющее не быть беспочвенной в глазах своих временных попутчиков и в глазах потомков. Но ничего нет более жалкого и постыдного, чем революция, потерпевшая поражение и удалившаяся в эмиграцию.

Александр Герцен, сам принадлежавший к этой среде, оказался одним из самых честных и остроумных. Его писательский талант изобличал то, чем сам он упивался в качестве политического деятеля. Его уничижительные характеристики – это проблески русского таланта, побледневшего и утратившего почву на чужбине. Скептическое отношение к «братьям по несчастью» позволяло Герцену не растранжирить свое достояние и чувствовать себя выше эмигрантских дрязг, постоянно возникающих от недостатка денег на самое необходимое.

Для Герцена революционеры в эмиграции были шумным сборищем с невиданными амбициями и очевидной неспособностью к прагматическому действию, направленному на воплощение своих идей. *«Как для Николая шагистика была главным в военном деле,— так для них все эти банкеты, демонстрации, протестации, сборы, тосты, знамена — главное в революции»*. Эмиграция замирает в своих воззрениях, представляя по слухам, что мечта о возвращении в новую Россию вот-вот сбудется. Революционная эмиграция еще более мертвеет в своих надеждах и совершенно не способна воспринимать жизнь покинутой страны такой, какой она есть. «*В их числе есть люди добрые, храбрые, искренно преданные и готовые стать под пулю, но большей частию очень недальние и чрезвычайные педанты. Неподвижные консерваторы во всем революционном, они останавливаются на какой-нибудь программе и не идут вперед». «Толкуя всю жизнь о небольшом числе политических мыслей, они об них знают, так сказать, их риторическую сторону, их священническое облачение, то есть те общие места, которые последовательно проявляются одни и те же, a tour de role,— как уточки в известной детской игрушке, в газетных статьях, в банкетных речах и в парламентских выходках».*

Революционное мышление – удел не просто отвергнутых, но отвергнутых по заслугам. Революционные круги впитывают отброс общества, считающий себя средоточием гениальности, которую подавляют «мещанство» (о котором с такой неприязнью писал Герцен) и власть. *«Сверх людей наивных, революционных доктринеров, в эту среду естественно втекают непризнанные артисты, несчастные литераторы, студенты, не окончившие курса, но окончившие ученье, адвокаты без процессов, артисты без таланта, люди с большим самолюбием, но с малыми способностями, с огромными притязаниями, но без выдержки и силы на труд. Внешнее руководство, которое гуртом пасет в обыкновенные времена стада человеческие, слабеет во времена переворотов, люди, оставленные сами на себя, не знают, что им делать. Легкость, с которой, и то только по-видимому, всплывают знаменитости в революционные времена,— поражает молодое поколение, и оно бросается в пустую агитацию; она приучает их к сильным потрясениям и отучает от работы. Жизнь в кофейных и клубах увлекательна, полна движения, льстит самолюбию и вовсе не стесняет. Опоздать нельзя, трудиться не нужно, что не сделано сегодня, можно сделать завтра, можно и вовсе не делать».*

Выделяя «накипевшую закраину» в революционном движении, Герцен лукавит, пытается оправдать ничтожность своих соратников, очевидную ему практически в любой фигуре (исключая разве что Гарибальди). Он так характеризует этот слой: *«Это бессменные трибуны кофейных и клубов; они постоянно недовольны всем и хлопочут обо всем, все сообщают, даже то, чего не было, а то, что было, - является у них, как горы в рельефных картах, возведенное в квадрат и куб. Глаз до того к ним привыкает, что невольно ищет их при всяком уличном шуме, при всякой демонстрации, на всяком банкете».*

Эмиграция – лишь способ спасти жизнь или свободу. Ее политическое значение ничтожно, ее идеология – это проживание непрожитого прошлого. Так было в русской эмиграции после революции. Но она проживала великое прошлое и сохранила великую

мечту о России. Революционная эмиграция времен Герцена проживала только свое ничтожество. *«С одной стороны люди простые, инстинктом и сердцем понявшие дело революции и приносящие ему наибольшую жертву, которую человек может принести,— добровольную нищету, составляют небольшую кучку праведников. С другой — эти худо прикрытые затаенные самолюбия, для которых революция была служба, position sociale, и которые сорвались в эмиграцию, не достигнув места; потом всякие фанатики, мономаны всех мономаний, сумасшедшие всех сумасшествий; в силу этого нервного, натянутого, раздраженного состояния...»*

Вся эта человеческая помойка слилась на глазах Герцена в лондонские трущобы. *«Каков должен быть хаос понятий, воззрений у этих образцов всех нравственных формаций и реформаций, всех протестов, всех утопий, всех отчаяний, всех надежд, встречающихся в закоулках, харчевнях и питейных домах Лестер-сквера и его проселочных переулков. (...) Там.. сидят эти чужие, эти гости, за джином с горячей водой, с холодной водой и совсем без воды, с горьким портером в кружке и с еще больше горькими словами на губах, поджидая революции, к которой они больше не способны, и денег от родных, которых никогда не получат».* И это там, где признавался только труд, где выжить можно было либо богатею, либо труженику. *«В Лондоне надобно работать в самом деле, работать безостановочно, как локомотив, правильно, как машина., если человек отошел на день, на его месте стоят двое других, если человек занемог - его считают мертвым - все, от кого ему надобно получить работу, и здоровым - все, кому надобно получить от него деньги».*

А что мог сам Герцен дать революционным эмигрантам? «Колокол» - издание, просуществовавшее всего несколько лет и вошедшее в ряд подобных же малотиражных и пустых журналов, которые лишь обманывали их авторов приобщением хоть к какому-то делу. «Колокол» выходит от 1 до 4 раз в месяц и тиражом от 2500 (в лучшие годы, когда он был допущен в Россию) до 500 экземпляров. Писать дерзкие фельетоны о власти и комментировать эмигрантские дрязги – вот и все, на что был способен «Колокол». Тем не менее, именно такое издание стало источником информации о России для Маркса и Энгельса. Можно представить себе, насколько заблуждались основоположники научного коммунизма, насколько они были дезинформированы!

No. 186. THE BELL. JUNE 15, 1864.

REGISTERED AT THE GENERAL POST-OFFICE FOR TRANSMISSION BEYOND THE UNITED KINGDOM.

КОЛОКОЛЪ

VIVOS VOCO!

ЛИСТЪ 186.

15 Іюня 1864.

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКІЙ.

ПОЛОЖЕНІЕ О ГУБЕРНСКИХЪ И УѢЗДНЫХЪ ЗЕМСКИХЪ УЧРЕЖДЕНІЯХЪ.

III.

Настолько же ничтожным было революционное движение за пределами спонтанных взрывов народного бунта. Когда Герцену некий посланник из «Земли и воли» сообщил, что в Петербурге у них несколько сот человек, а по провинциям три тысячи, Герцен был крайне раздражен этим враньем. И все-таки неприкаянным революционерам хотелось верить, что бунт возглавит некая интеллигентская группа. Поэтому авантюрист Нечаев смог обмануть Бакунина и Огарева, которые распечатали неприкосновенный фонд, оставленный им через Герцена одним экзальтированным беженцем из России, следовавшим к своей безвестности куда-то на Мальдивы. Нечаев промотал этот фонд так же легко, как врали посланники революции из России и всех других стран.

Герцен заметил в революционной эмиграции важную деталь. Силой обстоятельств она должна была превращаться в источник ненависти к Родине. В отношении России здесь сказывался «польский вопрос», превращавший польских националистов в важный аргумент европейской политики. Но все прочие «вопросы» на чужбине стирались сами собой. «*Борьба за независимость всегда вызывает горячее сочувствие, но она не может стать своим делом для чужих. Только те интересы принадлежат всем, которые по сущности своей не национальны, как, например, интересы католицизма и*

протестантизма, революции и реакции, экономизма и социализма». Революционер на чужбине должен был терять национальную принадлежность, должен был становиться интернационалистом, поборником некоей общечеловеческой идеи, отвергающей самобытность страны, из которой он прибыл. Напротив, утверждение самобытности превращало бы революционера в двойного изгоя – изгоя из изгойского круга эмигрантов. Отчасти так произошло с самим Герценом, и только возможность брать у него безвозвратно деньги и тешить себя иллюзорным делом, пописывая статейки в «Колоколе», не позволяли эмигрантским кругам так уж однозначно рвать отношения с революционным барином.

Невероятный догматизм людей, считавших себя чуть ли не самым динамичным общественным слоем в своих государствах, не мог не поражать Герцена, более свободного в своих воззрениях и не привязанного к эмигрантским партиям. *«Они, как придворные версальские часы, показывают один час, час, в который умер король... и их, как версальские часы, забыли перевести со времени смерти Людовика XV. Они показывают одно событие, одну кончину какого-нибудь события. Об нем они говорят, об нем думают, к нему возвращаются. Встречая тех же людей, те же группы месяцев через пять-шесть, года через два-три, становится страшно — те же споры продолжаются, те же личности и упреки, только морщин, нарезанных нищетою, лишениями, — больше; сертуки, пальто — вытерлись; больше седых волос, и все вместе старее, костлявее, сумрачнее... а речи все те же и те же!»*

«Французская эмиграция, как и все другие, увезла с собой в изгнание и ревниво сохранила все раздоры, все партии. Сумрачная среда чужой и неприязненной страны, не скрывавшей, что она хранит свое право убежища не для ищущих его - а из уважения к себе, - раздражала нервы. Партии эти составлялись так, как у нас выдумываются министерства или главные управления, так, как иногда компонисты придумывают в операх партии для Гризи и Лаблаша не потому, чтоб эти партии были необходимы, а потому, что Гризи или Лаблаша надобно было употребить...»

Пошлость эмиграции измотала Герцена: *«А ведь я не посторонним пришел в Европу. Посторонним я сделался. Я очень вынослив, но выбился, наконец, из сил. ...Говорил я не как посторонний, не для упрека; говорил оттого, что сердце было полно, оттого, что общее непониманье выводило из терпенья. Что я раньше отрезвел, это мне ничего не облегчило».*

Особенно тяжко воспринял Герцен новую волну эмиграции, взгляды которой олицетворял Чернышевский и петрашевцы. Надежды, что это волна смоет прежние дрязги, не оправдалась. «*Круг этот составляли люди молодые даровитые, чрезвычайно умные и чрезвычайно образованные, но нервные, болезненные и поломанные». «Окруженные дрянными и мелкими людьми, гордые вниманием полиции и сознанием своего превосходства при самом выходе из школы, они слишком дорого оценили свой отрицательный подвиг или, лучше, свой подвиг в возможности. Отсюда — безмерное самолюбие. Не то здоровое, молодое самолюбие, идущее мужу в полной силе и в полной деятельности, не то, которое в былые времена заставляло людей совершать чудеса отваги, выносить цепи и смерть из желания славы, но, напротив, самолюбие болезненное, мешающее всякому делу огромностью притязаний, раздражительное, обидчивое, самонадеянное до дерзости и в то же время неуверенное в себе».*

Герцену не дано было понять, что он имел дело не с определенным типом революционера, а с революционером вообще. Черты, которые он считал болезненными и преходящими, были сущностными. Но Герцен предпочитал болезнь революционности свалить на систему воспитания современной ему России: *«Вся система казенного воспитания состояла в внушении религии слепого повиновения, ведущей к власти, как к своей награде. Молодые чувства, лучистые по натуре, были грубо оттесняемы внутрь, заменяемы честолюбием и ревнивым, завистливым соревнованием. Что не погибло, вышло больное, сумасшедшее... Вместе с жгучим самолюбием прививалась какая-то обескураженность, сознание бессилия, усталь перед работой. Молодые люди становились ипохондриками, подозрительными, усталыми, не имея двадцати лет от*

роду. Они все были заражены страстью самонаблюдения, самоисследования, самообвинения, они тщательно поверяли свои психические явления и любили бесконечные исповеди и рассказы о нервных событиях своей жизни».

В эмиграции разрушительная энергия революции обращалась на самих революционеров, изводящих друг друга. Герцен писал: *«Я не мог привыкнуть к этому недостатку пощады, к этой смелости языка, не останавливающегося ни перед чем!»*

То, чем сам Герцен сам грешил в отношении Государства Российского, обрушивалось теперь на него самого: *«У этих нервных людей, чрезвычайно обидчивых, содрогавшихся, как мимоза, при всяком чуть неловком прикосновении, была с своей стороны, непостижимая жесткость слова. Вообще, когда дело шло об отместке, выражения не мерились,— страшный эстетический недостаток, выражающий глубокое презрение к лицу и оскорбительную снисходительность к себе». «...они не считали нужным себя сдерживать; для пустой и мимолетной мести, для одержания верха в споре не щадили ничего, и я часто с ужасом и удивлением видел, как они (...) бросали без малейшей жалости драгоценнейшие жемчужины в едкий раствор и плакали потом. С переменой нервного тока начинаются раскаяния, вымаливание прощенья у поруганного кумира. Небрезгливые, они выливали нечистоты в тот же сосуд, из которого пили». «При малейшем поводе они давали бесчеловечный отпор и обращались грубо со всем близким. Иронией они не меньше губили и портили в жизни, чем немцы приторной сентиментальностью».*

Все, что осталось цельного в этих личностях – это ненависть к государству и его экономической неправде, как они ее понимали. А они ее никак не понимали, потому то не желали ни о чем думать. *«Люди эти, очень молодые, покончили с идеями, с образованьем; теоретические вопросы их не занимали отчасти оттого, что они у них еще не возникали, отчасти оттого, что у них дело шло о приложении». «Наукой или делами они занимались мало — даже мало читали и не следили правильно за газетами. Поглощенные воспоминаниями и ожиданиями, они не любили выходить в другие области; а нам недоставало воздуха в этой спертой атмосфере. Мы, избаловавшись другими размерами,— задыхались!»*

И вот эти люди, выдающие свои хаотические мнения о России за общие мнения всей России о самой себе, представляющие себя знатоками России и едва мельком знакомые только с какой-нибудь ничтожной группой говорунов, не слушавших друг друга, в эмиграции стали хамами, потрясшими воображение прежних добровольных изгнанников, которые и сами за словом в карман не лезли, но все же знали грани приличия. *«Болезненное и очень бесцеремонное самолюбие давно закусило удила».* Эти «нигилисты нового поколения» как бы сказали своим предшественникам: *«Вы лицемеры,— мы будем циниками; вы были нравственны на словах,— мы будем на словах злодеями; вы были учтивы с высшими и грубы с низшими,— мы будем грубы со всеми; вы кланяетесь, не уважая,— мы будем толкаться, не извиняясь; у вас чувство достоинства было в одном приличии и внешней чести,— мы за честь себе доставим попрание всех приличий и презрение всех points d'honneur'ов».*

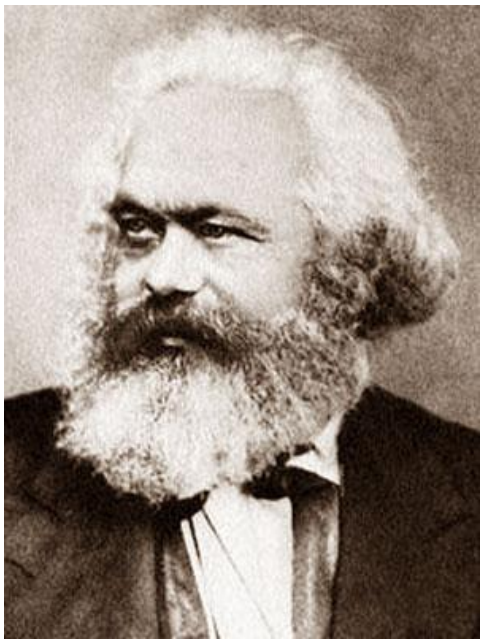
И Герцен дает им уничижительную характеристику, которую в значительной мере должен был бы отнести и к своему поколению революционеров: *«Нагота не скрыла, а раскрыла, кто они. Она раскрыла, что их систематическая неотесанность, их грубая и дерзкая речь не имеет ничего общего с неоскорбительной и простодушной грубостью крестьянина и очень много с приемами подьяческого круга, торгового прилавка и лакейской помещичьего дома. Народ их так же мало счел за своих, как славянофилов в мурмолках. Для него они остались чужим, низшим слоем враждебного стана, исхудалыми баричами, строкулистами без места, немцами из русских».*

Герцен не увидел, что в этой новой волне эмиграции отразилась вскормленная его же усилиями нечаевщина, которая уже не вдавалась ни в какие теории, а утверждала свою ненависть револьвером, кинжалом и удавкой. Революция стала из течения мысли и барского каприза уголовщиной, увлечением экзальтированных невежд, бесовщиной.

Герцен и Маркс

Взглянув на эмигрантское месиво типажей разного рода смутьянов, которые по ничтожности своей рядом не могли бы стать даже с весьма непривлекательными фигурами Герцена, Белинского и Бакунина, мы можем проследить еще один канал смутьянства – через смычку между революционной эмиграцией и европейскими революционерами. При том, что мутные иди европейских потрясателей всегда находили в русских мозгах свою почву, очные ставки с изобретателями подрывных идей вовсе не были радостными и плодотворными. Мы проследим, как это было на примере Герцена и Маркса – по виду наиболее приличных из всей этой неприличной среды.

Суждения Герцена о Марксе в советских изданиях вымарывали. И лишь в краткую эпоху «гласности и перестройки» мемуары Герцена оказались полными, чтобы по ним понять все презрение, всю брезгливость, которые испытывал Герцен к Марксу. Взаимная нелюбовь остановила их возможное знакомство в Лондоне, а поводом для раздора послужили отношения к личности и деятельности Бакунина.



Если Бакунин всю свою революционную деятельность свел к игре в заговоры, то Маркс, если не всю свою деятельность сводил к разоблачению шпионства, то в значительной степени был занят этим и этим же сплачивал вокруг себя узкую группу почитавших его как кумира. По утверждению Герцена, именно Маркс, очень хорошо знавший Бакунина, выдал его за русского шпиона в своей «Новой Рейнской газете». Эта клевета чуть не стоила Бакунину жизни, поскольку выползла на свет в тот момент, когда Бакунин ждал приговора в саксонской тюрьме – за участие в народном восстании. Впоследствии Маркс отрекся от своего авторства в обвинении Бакунина. Герцен не поверил в его искренность: *«даже английский издатель, несравненно менее церемонный, не смел бы свалить дела на сотрудников».* Тем более что марксисты (или «марксиды», как их называет Герцен) вновь повторили свою клевету, когда Бакунин уже находился в Алексеевском равелине.

Клеветничество Маркса Герцен считал следствием германского патриотизма, дошедшего до надменности и подозрительности. Оттого марксисты привечали в своих кругах тех, кто не уставал говорить о шпионах, не стесняясь клеветнических измышлений. *«Человек, думавший и открыто говоривший, что от Гизо и Дерби до Эспартеро, Кобдена и Маццини — всё русские агенты,— был клад для шайки непризнанных немецких государственных людей, окружавших — неузнанного гения первой величины — Маркса. Они из своего неудачного патриотизма и страшных притязаний сделали какую-то Hochschule клеветы и заподозревания всех людей, выступавших на сцену с большим успехом, чем они сами».*

Ненависть Маркса к Герцену была *«чисто платоническая, так сказать, безличная - меня приносили в жертву фатерланду - из патриотизма».* При формировании очередного международного комитета из разношерстных групп эмигрантов Маркс выступил против присутствия в комитете Герцена. Аргумент Маркса в передаче Герцена был таков: *«На это Маркс сказал, что он меня лично не знает, что он не имеет никакого частного обвинения, но находит достаточным, что я русский, и притом русский, который во всем, что писал, поддерживает Россию, - что наконец, если комитет не исключит меня, то он, Маркс, со всеми своими будет принужден выйти».* Заносчивость Маркса упорно следовала за нежеланием знать взгляды Герцена, а только их интерпретировать: *«Я не хочу никогда и нигде фигурировать рядом с Герценом, так как не придерживаюсь мнения, будто старая Европа должна быть обновлена русской*

кровью». Герцен, конечно, по-своему любил Россию, но не более чем Маркс любил Германию, и был таким же интернационалистом. Разница проявляется в последователях – большевики чтили имя, но забыли все русское в Герцене, а марксизм они взяли на вооружение вместе со всем его русофобским пафосом.

За интриги и грубости Герцен оценивал Маркса и его единомышленников крайне негативно, размещая их в низах той пирамиды эмигранских кругов, где у основания доминировали самые извращенные и подлые типы. Описывая эти круги, Герцен писал: *«От серной шайки, как сами немцы называют марксидов, естественно и недалеко перейти к последним подонкам, к мутной гуще, которая оседает от континентальных толчков и потрясений на британских берегах и пуще всего в Лондоне»*.

Весьма вероятно, что подобные характеристики Герцен сформулировал под влиянием личных отношений к немецкому поэту Гервегу, которого приютило в Лондоне семейство Маркса. Но на Герцена также могла повлиять и склочная, выходящая за рамки приличия полемика Маркса со своими противниками в эмигрантской среде. Нападки Маркса на Герцена могут быть объяснены только условиями жестокой борьбы в Интернационале, где царила обстановка нетерпимости, очернявшая всякого, кто хотя бы был знаком с Бакуниным или Прудоном.

Русофобия фонтанировали из «марксидов» еще смелее, чем из российских «революционных демократов». Вот слова Энгельса в полемике с Бакуниным: «*На сентиментальные фразы о братстве, обращаемые к нам от имени самых контрреволюционных наций Европы, мы отвечаем: ненависть к русским была и продолжает еще быть у немцев их первой революционной страстью, со времени революции к этому прибавилась ненависть к чехам и хорватам, и только при помощи самого решительного терроризма против этих славянских народов можем мы совместно с поляками и мадьярами оградить революцию от опасности. Мы знаем теперь, где сконцентрированы враги революции: в России и в славянских областях Австрии; и никакие фразы и указания на неопределенное демократическое будущее этих стран не помешают нам относиться к нашим врагам, как к врагам»* (Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 6, с. 305-306).

В работе Энгельса «О германцах и славянах», написанной по наущению Маркса, сохранилась лживая характеристика Герцена как панслависта (то есть, в современной терминологии – русского империалиста), а также личный выпад: *«явное невежество, ошибки, беззастенчивая чванливость и плагиаты из Гакстгаузена»*. Позднее Маркс оценит Герцена столь же грубо: *«социал-дилетант»*. Вся эта ругань так и не привела к открытой полемике.

За нещепетильностью взаимных оценок и надменностью позиции, не вдававшейся в суть претензий оппонентов, скрывалось главное: общая неправота конкурирующих группировок, мыслящих только ненавистью к всей истории человечества, которую они хотели сломать. И только большевики, устроив всероссийский погром, придумали что-то общее между всеми этими людьми, которые грызлись между собой, подличали и злобно мечтали о том радостном моменте, когда могучие государства начнут рассыпаться в прах.

Что поколебало Империю

Главным достижением народовольцев стало убийство Государя Александра II, за которым последовал скорый судебный процесс и казнь основных организаторов этого злодеяния. В короткий промежуток времени русская общественность в своих суждениях и эмоциях отразила процесс страшного вызревания целого отряда нигилистов, дошедших до крайней фазы амбициозности. Интеллектуально эти люди связываются с Герценым, Бакуниным, Лавровым и другими безвестными «теоретиками» народовольческой смуты. В действительности взгляды этого слоя были крайне смутными, а теоретические разработки «крестьянского социализма» никогда не были всерьез востребованы или даже мало-мальски интересны народовольцам.

Народовольцы говорили, что переворот нужен ради снятия гнета государства и свободного развития народа – сообразно его воле и наклонностям, а наклонности эти, как

ожидалось, имеют в основе социалистические принципы. Разумеется, никаких таких принципов в народе не существовало, и не хотел народ жить неприкаянным, прокладывая себе путь к благополучию в бурях политических страстей. Тем самым народ и не угодил народникам. Чтобы понудить народ к свободному выбору своего пути, народовольцы в конце концов дошли до идеи цареубийства – обезглавить государство, полагали они, стоит именно для того, чтобы народ снова отказался от тех табу, которые делали Империю несокрушимой. Устоявшееся престолонаследие превращало самодержцев в бесспорных правителей, а потому в народном взгляде – в бесспорных же Помазанников Божиих. Убийство царя означало, что «все позволено», что «Бога нет». И тогда вместо Воли Божией, вместо богоданной власти народ должен был начать управляться сам собой – посредством интеллигенции.

Установки народовольцев позднее были подхвачены большевиками: земля – народу (крестьянам), фабрики – рабочим. Интеллигенции доставались все преимущества водителей общества, использующих политические свободы и всеобщее и равное избирательное право и народное представительство. Ничего народного в народовольцах не было.

Проблема Империи состояла в нелояльности того общества, которое вырастало из традиционного строя жизни, постепенно разрушая его. Привычка к лояльности могла быть заменена только свободным патриотическим чувством, подкрепленным рациональным самоопределением – национальным единством. Но пока общество пополнялось «дряннейшими людишками» - они захватывали внимание публики и претендовали на определение всей общественной дискуссии. Наглость этого порожденного разбойничьими ухватками слоя вчерашних сельских бузотеров создавала им ореол мучеников.

Бакунин писал, выступая в защиту душегубства: «*Разбой - одна из почетнейших форм русской народной жизни. Он был со времени основания московского государства отчаянным протестом народа против гнусного общественного порядка... Разбойник - это герой, защитник, мститель народный, непримиримый враг государства и всего общественного и гражданского строя, установленного государством...*».

Если мода на «страдание от начальства» в лице гоголевского Чичикова была очевидно карикатурной, то конец XIX века подобные карикатурные персонажи уже воспринимались всерьез. Пострадавший «за правду», разжалованный, сосланный становились диковинными субъектами на уездных посиделках «лучших людей» (о чем так живо написал Достоевский в своих «Бесах»). Русская натура всегда склонна сочувствовать схваченным разбойникам. Их душегубство, будучи пресеченным, кажется русскому человеку уже неопасным. Остается только сожаление о горькой судьбе кандальника.

Другой элемент русской натуры – ощущение в разбойниках некоего «благородства», в чем было немало воспоминаний о разного рода самозванцах, а также о дворянских мятежах. Участие в политике поднимало статус разнородной публики, претендующей быть «солью соли земли» - новыми «сливками общества». И власть также считала схваченных народовольцев скорее военнопленными, чем уголовниками. Кроме того, у народовольцев возникала публичная трибуна в судебном разбирательстве, а власть не имела такой трибуны.

Как только сельский душегуб, подстерегавший барина на большой дороге с кистенем и за обиду подпаливавший его усадьбу, обратился в образованного (или недообразованного) разночинца, его преступная натура мстила не столько непосредственному обидчику, а его начальству и в целом – общественному устройству, власти, государству. И уже одно то, что вся злоба как бы теряла признаки личной корысти и мести, превращало ее в модное общественное поветрие.

Либеральная интеллигенция не столько сочувствовала самим террористам, сколько радовалась любой неудаче Империи, которая казалась им тесной и душной в сравнении с Европой, где либералы бывали преимущественно на курортах. Обличение собственного Отечества становилось правилом даже у крупнейших литераторов. Лев Толстой, предавшись этой моде, вопрошал: *«Как же после этого не быть 1-му марта?»*. В своих

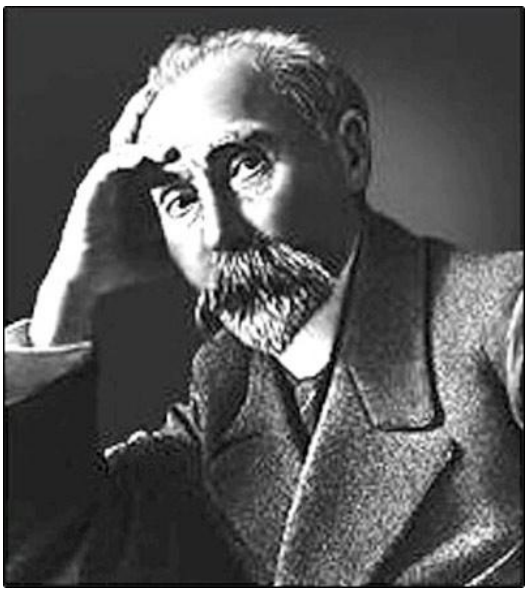
письмах он признавался в чувстве мучительного негодования во время «Процесса 20-ти». После освобождения Николая Морозова из тюрьмы, он был принят Львом Толстым и состоял с ним в уважительной переписке.

Из зарубежья русским либералам вторил Виктор Гюго, оправдывающий душегубов: *«Цивилизация должна вмешаться! Сейчас перед нами безграничная тьма, среди этого мрака 10 человеческих существ; из них две женщины (две женщины!) обречены на смерть, а десять других должен поглотить русский склеп - Сибирь. Зачем? К чему эта виселица? К чему эта тюрьма?... Милосердия!... Пусть русское правительство поостережется... Ему ничего не угрожает со стороны какой-либо политической силы. Но оно должно опасаться первого встречного, каждого прохожего, любого голоса, требующего милосердия!»*

Позднее Блок писал: «*Как человек, я содрогнусь при известии об убийстве любого из вреднейших государственных животных, будь то Плеве, Трепов или Игнатьев. Но, однако <...>, так чудовищно неравенство положений, что я сейчас не осужу террора. Как я могу осудить террор, когда я ясно вижу: <...> 1. Революционеры <...> убивают как истинные герои <...> без малейшей корысти, малейшей надежды на спасение от пыток, каторги и казни, 2. Правительство, старчески позевывая, равнодушным манием жирных пальцев, чавкая азефовскими губами, посылает своих несчастных агентов, ни в чем не повинных и падающих в обморок офицериков <...>, бледнолицых солдат и геморроидальных "чинов гражданского ведомства" — посылает "расстрелять", "повесить", "присутствовать при исполнении смертного приговора"».*

Между правительством и народовольцами велась самая настоящая война. Первоначально мягкие меры не могли не обостряться ввиду циничности преступлений. Участники народовольческой организации, страстно желавшие подвигов и быстрых видимых результатов, преисполнялись также жаждой мести.

Начиная с 1873 за «хождение в народ» жандармы начали задерживать подозрительных лиц. И, поскольку никаких критериев толком выработано не было, задержали множество ни к каким революционным брожениям не причастных. Из 770 человек выделили начала треть. Но и этого было достаточно, чтобы дело затянулось. За три с половиной года следствия 43 из содержащихся в казематах подозреваемых умерло, 12 – покончили с собой, 38 – сошли с ума. В 1877 на суд были вынесены дела по 193 лицам. Общее же число прошедших через арест достигла четырех тысяч, многие из которых были отправлены в административную ссылку. Главными обвиняемыми стали С. Ф. Ковалик, П. И. Войнаральский, Д. М. Рогачёв и И. Н. Мышкин, которые были приговорены к 10 годам каторги за пропаганду революционных идей. Мышкин позднее получил дополнительный срок за побег, затем приговорен к смертной казни за нападение на надзирателя.



Плеханов

Репрессии против заговорщиков все больше обозляли их и довели, наконец, до мысли о цареубийстве. Возможность такой мысли возникала из практики жизни высших должностных лиц Империи, которые не заводили себе охраны, не делали тайны из своих поездок и не подозревали заговорщиков в каждом служащем. Кажущееся сегодня невиданным легкомыслием было обычаем доверять обществу, в котором крамола не могла доходить до такого откровенного душегубства, которое возникло в новом социальном слое разночинцев, жаждавших публичности любой ценой, славы Герострата и Брута.

В 1876 г. организация «Земля и воля» провела демонстрацию у Казанского собора в Петербурге, в которой приняли участие в основном студенты — первую в России. Под красным флагом здесь выступил Г.Плеханов: *«Да здравствует социальная революция, да здравствует "Земля и воля"!»* Около 30 демонстрантов было арестовано, 14 отправлено в ссылку, 4 – на каторгу.

24 января 1878 года Вера Засулич стреляла в московского градоначальника Ф.Ф.Трепова, мстя за розги, предписанные одному из наглых арестантов из студентов. 31 марта суд присяжных неожиданно оправдал Засулич, и она смогла скрыться за границей. Присяжные сочли справедливым абсурдный довод защиты о том, что выстрел из револьвера в упор мог и не преследовать цели убийства. С тех пор в отношении народовольцев суд присяжных не практиковался, и их дела рассматривались исключительно Особым присутствием Сената.

После оправдания Засулич появилось множество тех, кто последовал ее примеру, будучи уверенным в моральном одобрении со стороны общества, которое в процессе Засулич олицетворялось коллегией присяжных.

23 февраля 1878 г. в Киеве стреляли в товарища прокурора окружного суда М.М.Котляревского, который был ранен. 25 мая в Киеве революционерами был убит начальник одесского жандармского управления Г. Э. Гейкинг. В августе С.Кравчинский в Петербурге зарезал кинжалом шефа жандармов Н.В.Мезенцова, рассчитавшись таким образом за казнь одесского народника И.Ковальского, оказавшего вооруженное сопротивление при аресте.

Алексей Михайлов

В феврале 1879 г. Г.Гольденберг убил харьковского генерал-губернатора князя Д.Н.Кропоткина. (Позднее Гольденберг порывался участвовать в покушении на Александра II вместе с А.Соловьевым, но отказался от этого ввиду предполагаемой опасности распространения репрессий на евреев. И все-таки оказался на скамье подсудимых в «процессе 20-ти», путая «исторические» показания народовольцев своими экзальтированными выдумками). 13 марта в Санкт-Петербурге Л.Мирский покушался на нового шефа жандармов А.Р. Дрентельна, но промахнулся, стреляя наскаку с седла в окно генеральской кареты. 2 апреля Александр Соловьев совершил покушение на Александра II. Государь не пострадал, а Соловьев был схвачен и по приговору суда повешен. После этого в Санкт-Петербурге в течение короткого времени были арестованы сотни активистов и пособников народовольцев.

Алексей Михайлов, член Исполкома «Народной воли» свидетельствует о Соловьеве: это была *«натура чрезвычайно глубокая, ищущая великого дела, дела, которое зараз подвинуло бы значительно вперед к счастью судьбу народа. Он видел возможность такого шага вперед в цареубийстве».* Его сподвижник Николай Морозов в программной статье писал: *«3—4 удачных политических убийства заставили наше правительство вводить военные законы, увеличивать жандармские дивизионы, расставлять казаков по улицам, назначать урядников по деревням — одним словом, выкидывать такие salto mortale самодержавия, к каким не принудили его ни годы пропаганды, ни века недовольства во всей России, ни волнения молодежи, ни проклятия тысяч жертв, замученных и на каторге и в ссылке... Вот почему мы признаем политическое убийство за одно из главных средств борьбы с деспотизмом».*

Николай Морозов

Надо сказать, что многие народники не желали иметь ничего общего с террористами. Намерение Соловьева, пребывшего «на цареубийство», вызвали резкое неприятие и даже намерение некоторых народников остановить его силой. Григорий Плеханов резко негативно отнесся к публикациям Морозова, призывавшим к террору. Но в народническом движении верх взяла террористическая «Народная воля», выделившаяся из общей организации «Земля и воля». Народнический «Черный передел» быстро потерял популярность и был разгромлен полицией. Только идея террора помогала народовольцам пополнять свою организацию, угадавшую тайную страсть разночинцев.

Осенью 1879 года были предприняты попытки устроить крушение поезда по возвращению царя из Крыма. Под Москвой взорван путь под поездом сопровождения, погибло много невинных людей.

В ответ на волну террора правительственным решением были созданы шесть военных генерал-губернаторств, генерал-губернаторы получили диктаторские полномочия. Западные губернии были объявлены на военном положении, начали действовать военные суды. По их распоряжению за 1879 были казнены 16, высланы 575 человек. Деятельность народовольцев в провинции была полностью прекращена. Этих мер оказалось недостаточно. 26 августа 1879 Исполнительный комитет «Народной воли» утвердил постановление о цареубийстве. 5 февраля 1880 года был организован взрыв в Зимнем дворце, повлекший десятки невинных жертв. 1 марта 1881 года Александр II был смертельно ранен взрывом бомбы.

После смерти Александра II были проведены массовые задержания и аресты народовольцев. Казнены непосредственные организаторы цареубийства А. Желябов, С.Перовская, Н. Кибальчич, Т. Михайлов, Г. Гельфман, Н. Рысаков. Позднее «Процесс 20-ти» привлек к ответственности еще одну группу соучастников цареубийства – теоретиков и практиков террора.

Казнь цареубийц из террористической организации «Народная воля» 3 марта 1881 года не прекратила войны «народовольцев» против Империи. Каждый из десятков мелких кружков этой организации готов был превратиться в новое гнездо смутьянов. Полиция разыскивала их всюду, стремясь оправдаться за то, что не сберегла Александра II от бомбометателей.

10 марта 1881 года члены Исполнительного комитета в связи с казнью цареубийц направили новому императору свои требования. В письме, автором которого был Лев Тихомиров, сказано: «*Кровавая трагедия, разыгравшаяся на Екатерининском канале, не была случайностью и ни для кого не стала неожиданностью. После всего произошедшего в течение последнего десятилетия она являлась совершенно неизбежной…*» Народовольцы как будто даже на мгновение посочувствовали Империи и признали, что власть не была пассивной в борьбе с революцией: «*правительство покойного императора нельзя обвинить в бездействии. У нас вешали правого и виноватого, тюрьмы и отдаленные губернии переполнялись ссыльными. Целые десятки так называемых "вожаков" переловлены, перевешаны».*

Народовольцы вновь требовали политической амнистии и народного представительства со свободными выборами народных депутатов и свободной агитацией. В письме даже прозвучали примиренческие нотки: *«Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в вас сознания своих обязанностей. Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей,*

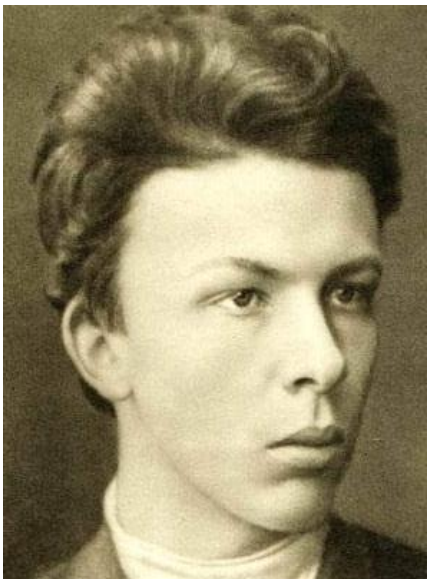
лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от вас».

Но примирения между Империей и революцией не могло быть. 3 декабря 1882 г. была создана секретная полиция, а затем – тайное общество «Священная дружина». Полицейская служба на прежних основаниях не могла противодействовать идеологизированным террористическим группам. Защита империи также должна была формироваться не основе осознанной преданности принципам самодержавия.

В марте 1882 году состоялся «процесс 20-ти» над группой лиц, причастных к подготовке цареубийства, где вновь пространным образом были изложены основные догмы террористов. На этот раз главарем и главным оратором выступал Алексей Михайлова, которого не было среди цареубийц только потому, что он был арестован за три месяца до этой трагедии. Михайлов – сын землемера, недоучившийся студент, отдавший себя исключительно революционной деятельности. Михайлов оказывал поддержку замыслам Соловьева, стрелявшего в Государя 2 апреля 1879 года, готовил подрыв железнодорожного полотна под поездом Императора 19 ноября того же года, разрабатывал другие планы цареубийства.

Михайлов на следствии охотно давал подробные показания (чтобы «способствовать восстановлению исторической истины»), но отказывался называть фамилии соучастников и рассказывать о действиях, которые не были бы известны следствию из других источников. Главное в его показаниях и выступлениях – попытка морального оправдания террора и цареубийства. Он высокопарно представлял своих единомышленников: *«Большинство дышало страстью отважного и последнего боя. Многие наперерыв предлагали свои услуги на самые опасные роли. То был момент самых глубоких и высоких чувств, дающих десяткам людей силу бороться с обладателями десятков миллионов подданных, миллионов штыков и верных слуг. Но тут уже сталкивались не человек с человеком, не слабый с сильным, а воплощенная идея с материальной силой. В таких случаях совокупность физических сил и их громадность теряют всякое значение; идея их разделяет, парализует своей неуловимостью, приводит к индивидуальному их содержанию. Люди "Народной Воли", как самая их идея, не знают страха и преград. Весна и лето воздвигли десятки виселиц и нагнали ужас на общество. Но у тех, для устрашения которых они ставились, исчезло и малейшее подобие этого чувства: они освободились от всего личного и материального, примеры геройски-спокойной смерти товарищей переродили их».*

В качестве причин, подвигнувших народовольцев к цареубийству, Михайлов назвал приговор по «делу 193», который для многих был мягок – к каторге были приговорены лишь 28 человек (от 3 до 10 лет), остальным как максимум досталась ссылка и высылка.



Александр Ульянов

Успехом тайной полиции была перевербовка одного из главарей «Народной воли» С.Дегаева. В начале 1883 г. ему был устроен фиктивный побег. К середине 1883 его сотрудничество с полицией позволило разгромить террористически группы. Но в конце 1883 Дегаев был разоблачен и, спасая свою жизнь от мести народовольцев, заманил в ловушку шефа тайной полиции Г. П. Судейкина, который был зверски убит.

Империя быстро создала сеть тайных агентов и научилась склонять арестованных народовольцев к раскаянию. Был использован метод народовольцев – внедрение к противнику провокаторов. Не оставались в долгу и народовольцы. Еще на «процессе 20-ти» под судом оказался Николай Клеточников – мелкий провинциальный чиновник, нашедший свое призвание в том, чтобы пробиться на службу в III Отделение и изнутри разваливать работу этого «отвратительного

учреждения».

В 1884 году полицией были захвачены списки организации, адреса и пороли народовольцев. Аресты прошли в 32 городах, к дознанию были привлечены свыше 400 человек. Следствие закончилось только в 1887 г., когда на скамье подсудимых оказался 21 народоволец. Тогда же была схвачена «террористическая фракция» народовольцев, намеревавшаяся на Невском проспекте бросить в Александра III разрывные снаряды. Злодеяние не состоялось, террористы были арестованы. Одним из активистов этой разношерстной группы был 20-летний А.Ульянов, брат будущего вождя большевистской партии. Большинству из 15 приговоренных к смертной казни было оказано снисхождение. Государь не воспользовался своим правом отклонения предложений о смягчении участи осужденных: в Военно-судебном уставе с 1885 году было введено положение о том, что суд сам не может смягчить наказание и обязан выходить с соответствующим предложением к царю. Казнены 5 человек, включая Ульянова.

Избавление от виселицы, впрочем, мало помогало народовольцам. «Высшая психика» интеллигенции не выдерживала прямых следствий политической борьбы – тюремного заключения. Значительная часть арестованных после убийства Государя в тюрьме сошла с ума, покончила жизнь самоубийством или бросалась на надзирателей с целью получить смертный приговор. Большинство приговоренных к пожизненным срокам не выдержало заключения в Алексеевском равелине. В том числе здесь умерли и осужденные по «Процессу 20-ти» Михайлов, Клеточников и другие. Среди немногих выживших оказался Николай Морозов – своеобразный рекордсмен тюремной жизни, оставивший в заключении 28 лет свой жизни.

Морозов спасся от собственной же «высшей психики» только увлечением науками. Во время заточения и после тюрьмы его уже мало занимала собственно революционная деятельность. Он стремился разработать свои научные идеи и издать то, что было написано за время сидения за решеткой. Им были сформулированы несколько продуктивных гипотез в химии и астрономии. А вот семитомный труд «Христос», написанный в заключении, получил своего читателя только в наши дни. В Морозове увидели предтечу ревизионистов истории Фоменко и Носовского, засыпавших Россию своими псевдонаучными опровержениями всех исторических хроник.

В редких случаях «высшая психика» давала миру имена действительно выдающихся личностей. Помимо Николая Морозова, нам более других известны Лев Тихомиров, впоследствии ставший крупнейшим теоретиком самодержавной государственности, и Григорий Плеханов, превратившийся в марксистского идеолога европейского типа. Остальные народовольцы проявили себя как праздные смутьяны, злобники-публицисты и террористы.

Экзальтированные натуры не могли стерпеть пребывания в каменной клетке – пережить несвободу и крайне скудное содержание. Но самое страшным наказанием для народовольцев было полное забвение их «подвигов» - даже их большевистские последователи сочли индивидуальный террор методом бесполезным для целей социального переворота, а идеи народовольцев – просто глупостью.

Размах народовольческой организации многократно преувеличен историками. Если «хождением в народ» безо всякой системы и организации были почти всегда случайно захвачены несколько тысяч человек, то политической деятельностью, быстро сошедшей к террору, одновременно занимались не более нескольких десятков человек. Об этом с достаточной откровенностью свидетельствовал в своих мемуарах один из соучастников подготовки цареубийства Николай Морозов. Ничтожны были тиражи революционных газет и прокламаций. Так, в 1878—1879 гг. вышли только пять номеров газеты «Земля и воля» тиражом по 1,5—3 тысячи экземпляров.

Возникает вопрос: как же эти жалкие кучки экзальтированных разночинцев могли поколебать могучую Империю? Домыслы о развитии производительных сил, будто бы порождавших кризис производственных отношений, а с ним – и революционное движение, будет поверхностным и совершенно неверным. Разумнее увидеть, что в России начало возникать новое многосословное общество. Мода на образование при достаточно

высоком достатке множества «кухаркиных детей», стремившихся в «чистое общество», пополняли его маргиналами, получившими общее название «интеллигенция».

Страсти, бушевавшие в этом слое, достаточно описаны в русской литературе. Но более всего выразил брожение, распространявшееся от интеллигенции Ф.М.Достоевский в своем романе «Бесы». Достоевский, подбирая определение для бесов революции, назвал лидеров «передовыми», вокруг которых обретается просто «сволочь», «дряннейшие людишки», «сор».

Открывают пути заговору и террору поначалу безобидные умники, склонные к бесплодным дискуссиям. Их словоблудье подхватывают заразившиеся зарубежным вольнодумством – им надо все оспорить, все осудить и очернить. Наконец, «передовыми» становятся чиновники, играющие в «современность», а потом и просто уступающие инициативу «сволочи». Эти уже безо всякого признака мысли, но с одним только беспокойством и нетерпением. И вот «*дряннейшие людишки получили вдруг перевес, стали громко критиковать все священное, тогда как прежде и рта не смели раскрыть, а первейшие люди, до тех пор так благополучно державшие верх, стали вдруг их слушать, а сами молчать; а иные так позорнейшим образом подхихикивать».* И все эти *«скорбно, но надменно улыбающиеся жидишки, хохотуны, заезжие путешественники, поэты с направлением из столицы, поэты взамен направления и таланта в поддевках и смазных сапогах, майоры и полковники, смеющиеся над бессмысленностию своего звания и за лишний рубль готовые тотчас же снять свою шпагу и улизнуть в писаря на железную дорогу; генералы, перебежавшие в адвокаты; развитые посредники, развивающиеся купчики, бесчисленные семинаристы, женщины, изображающие собою женский вопрос, - все это вдруг у нас взяло полный верх и над кем же? Над клубом, над почтенными сановниками, над генералами на деревянных ногах, над строжайшим и неприступнейшим нашим дамскими обществом.*

Образцом для народовольцев были Соединенные Штаты и Швейцария, о которых народники-разночинцы знали лишь понаслышке. Но и этого было достаточно, чтобы расценивать США как страну, где *«свобода личности дает возможность честной идейной борьбы, где свободная народная воля определяет не только закон, но и личность правителей».*

Вовсе не исчерпанность позитивных сдвигов реформы 1861 году и не развитие капитализма пошатнули Империю. Крестьянство не так страдало от выкупных платежей и неурожаев, как думают. Именно поэтому крестьяне с полным непониманием относились к «барским забавам» - попыткам народнической агитации. Рабочие же еще не имели массовости, чтобы серьезно влиять на обстановку в Империи. Этот социальный слой еще только складывался, отношения работников и работодателей в промышленности еще только должны были сформироваться. Империи всерьез не повредили даже польские восстания и русско-турецкая война.

Сергей Нечаев

Главной тревогой Империи в последнюю четверть XIX века был политический террор и распространение в образованной публике (включая государственную службу) диких идей народоправства. Причиной разрастания революционного движения была праздность интеллигенции, превращавшейся во внутреннего врага, с которым Империя поначалу не знала иного средства борьбы, кроме виселицы и каземата.

Как ни отрекались народовольцы от «нечаевщины», именно в «Катехизисе революционера» (1869), написанном С.Нечаевым, изложена главная идея их деятельности: *«У революционера нет ни своих интересов, ни дел, ни чувств, ни привязанностей, ни собственности, ни даже имени. Всё в нем поглощено единым исключительным интересом, единою мыслью,*

единою страстью — революцией. Он ... разорвал всякую связь с гражданским порядком и со всем образованным миром, со всеми законами и приличиями ... этого мира. Он презирает общественное мнение. Он презирает и ненавидит ... нынешнюю общественную нравственность. Нравственно для него всё, что способствует торжеству революции. Безнравственно и преступно всё, что мешает ему. Все ... чувства родства, дружбы, любви, благодарности и даже самой чести должны быть задавлены в нем единою холодною страстью революционного дела... У товарищества нет другой цели, кроме полнейшего освобождения и счастья народа, т.е. чернорабочего люда. Но ... товарищество всеми силами и средствами будет способствовать к развитию тех бед и тех зол, которые должны вывести, наконец, народ из терпения и понудить его к поголовному восстанию».

Как только в «Народной воле» победила линия террора (как тогда выражались, *«революционная борьба по методу Вильгельма Телля и Шарлоты Корде»*), всякая интеллектуальная работа и проповедь социализма в крестьянской среде отошли на второй план. Николай Морозов писал: *«... подбирали мы себя совсем не спрашивая, каких кто убеждений, а исключительно по нравственным качествам и по готовности жертвовать собой против деспотизма. За все время существования "Земли и воли" и "Народной воли", я не помню даже ни одного разговора в нашей среде о социализме...»*. Какая-нибудь декларация принимались, к примеру, потому, что «она трогательно написана». Программу «Народной воли» (которая была написана «как-то вечером» Львом Тихомировым) приняли, но забыли на следующий же день о ее содержании. Документы порой разительно противоречили один другому. А письмо, направленное после убийства Государя, было настолько несообразно всей деятельности народовольцев, что Александру III не поверил в его подлинность.

В Программе Исполнительного комитета «Народной воли» было отмечено, что народовольцы по своим убеждениям - социалисты и народники, но в отличие от своих предшественников народовольцы считали, что сначала необходимо совершить демократический государственный переворот, и только после этого проводить социалистические преобразования. Но Морозов пишет совершенно иное. Он припоминает, что только террор казался единственно действенным способом борьбы. *«Всякое другое средство борьбы представлялось мне безнадежным среди окружавшего нас произвола и насилия и всякая другая цель нецелесообразной, так как уже в то время я пришел к убеждению в психической неподготовленности полуграмотных масс современного мне поколения к социалистическому строю, требующему от населения высшей психики, чем существующая теперь, и надеялся только на интеллигентскую, а не демократическую республику».* В программе народовольцев народ должен был осуществить лишь содействие перевороту и тем самым склонить на его сторону общественное мнение Европы.

«Интеллигентская республика» - диктатура заговорщиков. Именно в этой форме образовалась затем и Республика Советов в 1917, и «новая демократическая Россия» в 1991. В обоих случаях заговор и переворот не предполагали никакого «проекта России». «Психическая неготовность» масс, зафиксированная Морозовым, указывала на колоссальный разрыв между интеллигентской страстью к общественным сдвигам и спокойной размеренностью жизни подавляющего большинства подданных исполинской Империи. Интеллигенция жаждала публичных дискуссий, межпартийных дрязг, народного представительства и отчетности «верхов» Империи перед народными трибунами. А народ просто хотел благополучия и справедливости, ожидая ее от «верхов», ведущих непростые реформы и ограждающих страну от внешних недругов.

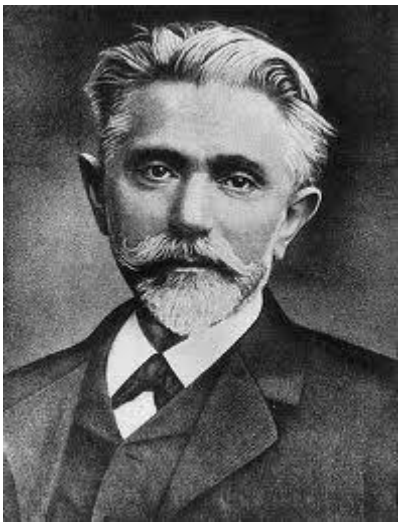
Образованные слои хотели трибуны для своих «заветных мыслей», наиболее экзальтированные «образованцы» пришли к тому, что это возможно только в случае крушения Империи. А поскольку никаких предпосылок к тому не просматривалось, и все теоретические изыски не находили своего подтверждения в жизни, то ничего, кроме террора, смутьяны придумать не могли. Империя, в которой даже Император не утруждал себя мерами безопасности, столкнулась с террором как с новым для себя явлением. И

террор был подавлен. Империя пошатнулась, но не дрогнула. Пока террор, заговор, мировая война и козни зарубежных врагов не соединились вместе, она была нерушима. И не существовало никакой закономерности, которая вела бы к краху одного из сильнейших государств мира.

Идеи разорителей

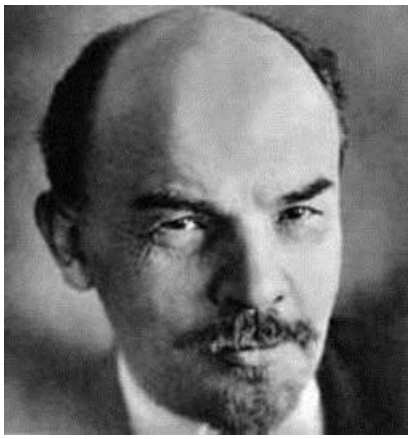
Революция 1917 года в России опиралась на широкое распространение «левых» идей в интеллигентских слоях. Именно в этих слоях идеи либеральной демократии соседствовали с народовольчеством, поставленным на фундамент марксизма. Поэтому от идей Февральского переворота эти слои, пропитанные нигилизмом по отношению к собственному государству, легко перешли к идеям пролетарской революции. Своими смутными идеями они заразили Россию.

Марксизм как доктрина опирается на ряд положений, которые неискушенному наблюдателю могут показаться настолько абсурдными, что трудно будет объяснить его невероятную популярность в XX веке.



Август Бебель

Возьмем вопрос о государстве. Здесь с самого родового пароксизма марксистской теории мы имеем такой пассаж: *«Когда государство, наконец-то, действительно становится представителем всего общества, тогда оно само себя делает излишним… Первый акт, в котором государство выступает действительно как представитель всего общества – взятие во владение средств производства от имени общества – является в то же время последним актом его как государства»*. Развивая эту концепцию Август Бебель утверждал: *«…являясь необходимой организацией общества, покоящегося на классовом господстве, государство теряет всякий смысл и возможность своего существования как только с уничтожением частной собственности ликвидируются классовые противоречия».* Еще более решительно накануне величайших потрясений в истории России высказывался величайший потрясатель В.И.Ульянов (Ленин): *«…пролетарское государство сейчас же после его победы начнет отмирать, ибо в обществе без классовых противоречий государство не нужно и не возможно».*Первый Конгресс Коминтерна подтвердил эту установку: *«По мере того, как будет сломлено сопротивление буржуазии, она будет экспроприирована и постепенно превратится в работающий слой общества, исчезнет и диктатура пролетариата, умрет государство, а с ним и деление общества на классы».*



В.Ульянов-Ленин

От политики «отмены государства» коммунисты в России никогда не отказывались, даже когда вводили самую жесточайшую бюрократию. Именно поэтому форма советской государственности СССР была извращена до предела – государство упразднено в своих традиционных формах и рождено в формах извращенных, в которых правит партия, партийная номенклатура, безответственная перед народом и спаянная внутренней корпоративной дисциплиной. Сталин, доведший ленинские тезисы до практического воплощения говорил в 1926 году: *«Мы не либералы. Для нас интересы партии выше формального демократизма. …для нас, большевиков, формальный демократизм – пустышка. А реальные интересы партии – все».*

Отмена государственности ни у российских коммунистов, ни у каких-либо иных не получилась, в силу очевидности и быстродействия разрушительного потенциала этого идеологического «открытия». Но другое открытие – интернационализм – было укоренено в философских иллюзиях человечества более основательно, а отрицание нации не

приводило к столь быстрым губительным последствиям для системы власти. Поэтому интернационализм более глубоко въелся в поры советского общества и официальной доктрины коммунистической власти.

Марксистская традиция отношения к нации, получившая свое завершение в работах Сталина, рассматривала нацию как продукт капитализма (так же как род, племя — рабовладельческого строя, народность — рабовладения или феодализма). Социализму должна была соответствовать некая новая общность и взаимопоглощение всех наций в будущем. Русские рассматривались уже не как нация, а как носитель «языка межнационального общения» (некоего новояза) и русскоязычной «советской культуры». Русские становились как бы ядром ассимиляции культур, теряя собственно «русскость», сливаясь с безнациональными русскоязычными «советскими людьми».

Реальный марксизм, реализованный в советскую коммунистическую идеологию, не отрицал нации, но даже способствовал их укреплению, а в некоторых случаях — и обособлению (например, в Средней Азии). Из этих «кирпичей» строилось межнациональное братство, которое должно было интегрироваться вокруг ценностей коммунистической идеологии. Именно поэтому со времен первой союзной Конституции 1922 г. с 4 до 15 увеличилось число «союзных республик», в полтора раза (до 38 в 1989) увеличилось число автономий. Причем, в результате выделения из РСФСР пяти автономий территория национально-территориальных образований поглотила вдвое большую территорию, которая превысила половину территории Российских земель (в границах РСФСР 1989 г.).

Таким образом, оба ключевых положения марксистской доктрины – антигосударственность и интернационализм – обернулись для русских последовательным уничтожением традиционных основ русского государства, обеспечивающих его историческую устойчивость, а также уничтожением всего национально-русского (включая уступку территорий, преимущественное развитие этнической периферии, выращивание местной этнократии и т.д.).

Ленин в Горках

Порой критиков марксистской доктрины упрекают в том, что они не так трактуют тезис о том, что «кухарка будет управлять государством». Недвусмысленные разъяснения на этот счет дал Ленин: «*Мы не утописты. Мы не «мечтаем» о том, как бы сразу обойтись без всякого управления, без всякого подчинения… Нет, мы хотим социалистической революции с такими людьми, как теперь, которые без подчинения, без контроля, без «надсмотрщиков и бухгалтеров» не обойдутся. Но подчиняться надо вооруженному авангарду всех эксплуатируемых и трудящихся – пролетариату. Специфическое «начальствование» государственных чиновников можно и должно тотчас же, с сегодня на завтра начать заменять простыми функциями «надсмотрщиков и бухгалтеров», функциями, которые уже теперь вполне доступны уровню развития горожан вообще и вполне выполнимы за «заработную плату рабочего». «Все дело в том, чтобы они (горожане) работали поровну, правильно соблюдая меру работы и получали поровну. Учет этого, контроль за этим упрощен капитализмом до*

чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных, операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики выдачи соответствующих расписок».

Таким образом, управленческая доктрина российских большевиков покоилась на представлении о возможности организации производства без выделения особого слоя профессиональных управленцев. Именно поэтому впоследствии проблемами управления в СССР занимались преимущественно неподготовленные к этому воспитанники партийных школ. Именно поэтому разросся неэффективный бюрократический аппарат, который сводил управление к «наблюдению и записи».

Фактически Ленин именно такую программу и закладывал в основание большевистской доктрины: *«Рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне, заменят его новым* (бюрократическим же аппаратом – А.С), *состоящим из тех же самых рабочих и служащих, против превращения коих в бюрократов* (то есть, профессионалов прежних времен – А.С.) *будут тотчас приняты меры, подробно разработанные Марксом и Энгельсом: 1) не только выборность, но и сменяемость в любое время; 2) плата не выше платы рабочего; 3) переход немедленный к тому, чтобы все исполняли функции контроля и надзора, чтобы все на время становились «бюрократами» и чтобы поэтому никто не мог стать "бюрократом"». «При социализме все будут управлять по очереди и быстро привыкнут к тому, чтобы никто не управлял».*

Получилось-таки, что все советское общество обюрократилось насквозь и насквозь было пронизано непрофессионализмом по видимости выборных, а в реальности – контролируемых партийной верхушкой недоучек и профанов, которых контролировали такие же недоучки и профаны, загонявшие страну как лошадь, которую нещадно хлещет конокрад, уходящий от погони.

Большевики рассчитывали на вчерашний день человечества, фактически отказываясь от специализации труда в тех отраслях, где должны были работать квалифицированные кадры. Это касалось и армии, и правоохранительных органов. Ленин еще в 1905 году писал: *«Уничтожим совершенно постоянное войско. Пусть армия сольется с вооруженным народом, пусть солдаты понесут в народ свои военные знания, пусть исчезнет казарма и заменится свободной военной школой. ...Опыт Западной Европы показал всю реакционность постоянного войска. Военная наука доказала полную осуществимость народной милиции, которая может стать на высоту военных задач и в оборонительной и в наступательной войне».* В «военной программе пролетарской революции» Ленин указывал: *«Мы можем требовать выбора офицеров армии народом»* и далее многократно повторял этот тезис в других статьях.

Технология выборов для большевиков была такой же «святой коровой», как и для «демократов». И те, и другие видели в выборах высшее проявление справедливости, не замечая возможностей перерождения любой избирательной системы. Слепота лидера большевиков доходила до того, что он предлагал вводить выборность учителей школ населением с правом отзыва «нежелательных учителей» и при полном *«устранении центральной власти от всякого вмешательства в установление школьных программ».* Предполагалось даже всерьез реализовать пункт коммунистического Манифеста о воспитании детей в интернатах-коммунах. А нарком просвещения Луначарский объявил об отмене оценок и аттестатов с заменой их справками о прослушивании курсов.

Ключевое направление марксистской доктрины - последовательный антипатриотизм. Хорошо известен тезис Манифеста Маркса и Энгельса: «У пролетария нет отечества». В 1908 году в статье «Уроки Коммуны» Ленин высказался еще более определенно: *«В соединенье противоречивых задач – патриотизма и социализма – была роковая ошибка французских социалистов».* Тезис Манифеста был вообще для Ленина одним из самых любимых. Он повторял его многократно. В работе «Пролетариат и война» он объявил само понятие Отечества «устарелым». И в политической практике этот теоретический тезис выразился в предательском лозунге «поражения своего

правительства в войне», возникшем во время русско-японской войны 1905 года и широко использованном в пропаганде большевиков с 1914 года (тогда дело дошло даже до более циничного лозунга – о превращении империалистической войны в гражданскую).

Предательство национальных интересов покоилось не теоретическом базисе об отмирании государства, мировой революции и отсутствия Отечества у рабочих. Ленин без обиняков писал о том, что в эпоху Брестского мира *«Советская власть поставила всемирную диктатуру пролетариата и всемирную революцию выше всяких национальных жертв, как бы тяжелы они ни были»*. И современные «демократы» (сплошь – выходцы из КПСС) точно также поставили интересы всемирной демократии выше национальных жертв.

Отказ от патриотизма был следствием марксистской догмы об отказе от морали. Маркс с Энгельсом предлагали «стряхнуть с себя истинно германскую добропорядочность» когда дело шло, чтобы загребать жар руками других партий; Ленин требовал *«умолчания и сокрытия правды, лишь бы проникнуть в профсоюзы, остаться в них, вести в них во что бы то ни стало коммунистическую работу»*, а председатель исполкому Коминтерна Г.Димитров требовал *«добиваться выборных постов в фашистских массовых организациях в целях связи с массой, и раз и навсегда освободиться от предрассудка, будто такой род деятельности – неподобающий и недостойный для революционного рабочего»*.

Исходная теоретическая несостоятельность марксизма доказывалась многократно. Но нас интересует более прогностическая сила той формы марксизма, которая была привита на нашу национальную почву. Хронологически прогнозы-обещания выглядят так:

1919 год. Ленин: *«Большинство из присутствующих, не преступивших 30-35 летний возраст, увидят расцвет коммунизма от которого мы пока еще далеки»*.

1920 год. Ленин: *«Тому поколению, представителям которого теперь около 50 лет, нельзя рассчитывать, что они увидят коммунистическое общество. До тех пор все это поколение помрет. А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество…»*.

1934 год. М.И.Калинин: *«Нас вдохновляет глубокое убеждение, что победа коммунизма во всем мире будет казаться нам обеспеченной в ближайший период. Я думаю, что мы доживем до этого момента. Близость мировой революции нам доказывает анализ состояния международного положения»*.

1939 год. Н.А.Вознесенский*: «Путь, который прошли народы Советского Союза от капиталистического рабства до победы социализма, потребовал два десятилетия.*

Всё говорит за то, что для перехода от социализма к коммунизму потребуется более короткий срок. Придет время, когда товарищ Сталин скажет: коммунизм – это уже не завтра, коммунизм – это сегодня».

1957 год. Н.С.Хрущев: *«Не только наши потомки, а мы с вами, товарищи, наше поколение советских людей будет жить при коммунизме»*. А.И.Микоян: *«Без тени фантазии и утопических мечтаний Программа* [КПСС] *рисует конкретный путь, по которому советский народ пойдет к коммунизму».* М.А.Суслов: *«Цели и задачи, поставленные в новой Программе, своими грандиозными масштабами поражает человеческое воображение. Но наша Программа совершенно реальна, и она будет выполнена с тем же успехом, с каким были выполнены первые две Программы партии»*. Б.Н.Пономарев: «*Программа воспринята сердцем и умом всей партии, всего советского народа, и в этом верный залог того, что она будет выполнена за предстоящее двадцатилетие, что коммунизм в нашей стране будет построен»*.

Запланированное к 1980 году построение коммунизма никто не отменял. Сменивший Хрущева Брежнев постарался просто забыть это обещание. Вместо него возник «застой» – период, погубивший СССР.

В Коммунистическом манифесте объявлено, что буржуазия неспособно дать рабу даже рабского уровня существования, и это есть свидетельство того, что производительные силы переросли частную собственность, буржуазную форму их использования. А потому надо ожидать всемирной революции – по крайней мере *«во всех цивилизованных странах»*, ибо остается *«один только выбор: между голодной смертью и социализмом»* (Ф.Энгельс. «Положение рабочего класса в Англии»). Все оказалось «с точностью до наоборот». Социализм получил исторический шанс как раз в промышленно развивающихся странах, где традиции социального партнерства еще не сложились, не выработалась трудовая мораль промышленного рабочего-горожанина. А через несколько десятилетий выяснилось, что капитализм вовсе не страдает дряхлостью - лидерам КПСС пришлось признать, что у капитализма «есть еще немалые резервы» (XXV Съезд КПСС), а потом и вовсе объявить, что дряхлость и застой наблюдаются как раз в оплоте мирового социализма СССР (XXVII Съезд). Последней теоретической уверткой последних российских марксистов (которые исчезли почти мгновенно – вместе с официальной доктриной) было утверждение, что социализм построен-таки в Швеции и ФРГ.

Провалилось и марксистское представление об одновариантности развития: *«Страна промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину ее собственного будущего».* Оказалось, что человечество образует «мир миров», мир цивилизаций. И только российские «демократы», подцепив марксистский метод, говорили о том, что России надо брать пример с других стран, идущих «магистральной дорогой человечества».

Приведенные выше высказывания не были частным мнением лиц, которым они принадлежали. Это была основа для многолетней пропаганды марксистско-ленинской идеологии. И она была ложной. Более того - лживой. Ибо коммунисты никакого коммунизма строить не собирались. По крайней мере того коммунизма, который был утопической программой Маркса. Но и никакого другого коммунизма (может быть, исключая «сны Веры Павловны» в известном сочинении Чернышевского) в России никто и никогда не декларировал. То есть, вся политика коммунистической партии была именно ложью, а не заблуждением, а марксистская доктрина – ошибочной или зловредной во всей своих основополагающих идеях.

Может быть единственным существенным вкладом марксизма в науку об обществе является развитие теории отчуждения, точнее ее приложение к политэкономии. Кратко эта теория сводится к тому, что присвоение природы вынуждает создавать между природой и человеком цепь посредников – производительные силы, которые функционируют в силу производственных отношений (новой социальной «природы»), отчуждающих человека от им же созданных производительных сил. В результате присвоение природы оказывается ее отчуждением и наоборот. Эти вполне ясные теоретические положения были дополнены Марксом самым яростным экстремизмом, который может предложить политическая

философия – требованием свергнуть всю предшествующую философию и без остатка разрушить общественный строй - по крайней мере, в промышленно передовых странах. (В этом смысле слова Интернационала «весь мир насилья мы разрушим» относился не к одному только «миру насилья», а именно ко «всему миру».)

Производственные отношения характеризуются тем, что не могут быть присвоены непосредственно, требуя конкретной социально-экономической формы, в которой отношений собственности являются ключевым звеном. И такая форма в современном Марксу обществе характеризовалась, прежде всего, частной собственностью на средства производства. Отношения собственности, превратившись в субъект, присваивали людей, а не люди присваивали свои производительные силы, как собственность. Поэтому раннекапиталистическая форма собственности оказывалась неустранимым посредником между людьми и производительными силами. Казалось, что ослабить рабство людей у ими самими созданных отношений можно только самым радикальным образом – уничтожить эти отношения, уничтожить частную собственность.

Марксизм говорил о том, что исторические формы производственных отношений есть ни что иное, как цепь новых и новых производственных отношений, которые поочередно выступает как новый способ присвоить предмет природы в качестве своей личной собственности. Как пишут авторы книги «После коммунизма», насилие - это способ присвоить чужую личную собственность; закон - способ превратить неупорядоченный грабеж в контролируемую производительную силу; право - способ поставить закон на службу противоречивым интересам класса собственников; деньги - способ приобрести право; капитал - способ произвести деньги. Но здесь цепочка посредников обрывается, поскольку уникальность капитала как производственного отношения состоит в том, что он есть самовоспроизводящееся отношение, есть способ произвести самого себя. Именно поэтому капитал является последней формой отчуждения, на которой сосредоточил свое внимание Маркс.

Все это вполне пригодно для того, чтобы строить вполне реформистскую политическую теорию. Но Маркс пошел иным путем. Не имея возможности видеть пути последовательного снятия отчуждающих свойств с капитала (например, правовых в антитрестовском законодательстве или экологических норм, защищающих нацию как целое), он потребовал, чтобы последний тип отношений был ликвидирован разом и полностью. Марксизм считает, что эту задачу выполнит пролетарская революция, которая осуществит переход к такой системе, где отчуждение будет снято и имманентное развитие производительных сил прекращено, а производственные отношения начнут сознательно регулироваться и потеряют господствующее над человеком положение. Именно такое положение дел, утверждают марксисты, соответствует истинной природе человека. Поэтому освобождение человека от гнета отчужденных производственных отношений есть одновременно и возвращение человеку отчужденной человеческой сущности.

Поскольку частная форма собственности не дает возможности для глобального регулирования производственных отношений (что Ленин поставил под сомнение в своей концепции империализма, которая должна была свидетельствовать о последней дряхлости капиталистических отношений), марксизм ставит задачу ее уничтожения, а значит – овладения неким субъектом всеми доселе частными формами производственных отношений. И хотя под субъектом понимается все человечество и каждый частный человек, реалистичный взгляд говорит о том, что первоначально таким субъектом должна становиться корпорация. Речь идет об обобществлении производительных сил объединившимися индивидами, а такое объединение, как бы ни тешили себя марксисты мечтами о мировой революции, не может быть сразу всеобъемлющим. Поэтому логично возникает не только синдикализм, как попытка создать отдельное коммунистическое предприятие (возможное в мало-мальски заметных масштабах лишь в условиях развала государственности, чего и требует анархизм), но и большевизм – насильственное превращение одного из национальных организмов, потерявшего в силу какой-либо случайности иммунитет против революции, и коммунистический механизм - огромный цех с укладом производства не сложнее передовых образцов XIX века.

Не желая никакой частичности, марксисты требовали сразу всего, полагая, что предпосылки к обобществлению производства созрели во всемирном масштабе. Проблемы управления казались до смешного простыми. Поэтому Ленин говорил о простоте учета и контроля, с которым мог справиться любой грамотный рабочий. Казалось, что систему можно одним усилием – через взятие политической власти у одряхлевшей (как казалось) буржуазии – избавить от конкурентных страстей и кризисов, заменив стихию рынка сознательных управлением. Масштаб этой задачи вынуждал придавать коммунизму особое значение, а именно – соизмеримость со всей предшествующей историей.

Из этого заносчивого экстремизма, из этой гордыни открывателей всеобщих законов истории возникает идеологический абсурд, который говорит о том, что коммунизм занимается не совершенствованием производственных отношений, а их уничтожением, не развитием отношений собственности, а их упразднением, не утверждением всесилия пролетариата, а его ликвидацией. И это логично, если считать, что отношения складываются помимо воли людей и отчуждены от них. Уничтожение этих отношений означает превращение производительных сил в искусственную природу, которой каждый человек пользуется по своему усмотрению, но в целом его усмотрение удовлетворяется системой планирования. Все производственные отношения вытесняются из отношений человеческих и становятся отношениями деталей механизма, служащего людям. Человеческие же отношения теряют свои производственные характеристики. Средства производства воспроизводятся и развиваются совокупным разумом человечества, а развитие человека перестает опосредоваться производством. И здесь человеческий дух должен освободиться от плотских производственных интересов и зависимостей. Налицо типичный политический миф, опыт последовательного построения которого, вероятно, впервые различим именно в марксизме.

В своем предисловии «К критике гегелевской философии права» Маркс прямо пишет об этом: *«Подобно тому, как древние народы переживали свою предысторию в воображении, в мифологии, то мы, немцы, переживаем нашу будущую историю в мыслях, в философии. Мы – философские современники нынешнего века, не будучи его историческими современниками».* Политический миф Маркса по отношению к религии носит характер замещающего контр-мифа: *«Критика религии завершается учением, что человек – высшее существо для человека, завершается, следовательно, категорическим императивом, повелевающим ниспровергнуть все отношения, в которых человек является униженным, порабощенным, беспомощным, презренным существом…».*

Этот миф требует уничтожения всего современного мира, не считаясь со средствами. Маркс объявляет ту же войну, что позднее объявил Ленин: *«Война немецким порядкам! Непременно война! Эти порядки находятся ниже уровня истории, они ниже всякой критики, но они остаются объектом критики, подобно тому, как преступник, находящийся ниже уровня человечности, остается объектом палача. В борьбе с ними критика является не стараться разума, она – разум страсти. Она – не анатомический нож, она – оружие. Ее объект есть враг, которого она хочет не опровергнуть, а уничтожить».* Маркс сравнивает критику с рукопашным боем, где главное нанести удар, *«не дать немцам ни минуты для самообмана и покорности».* Он пишет: *«Надо сделать действительный гнет еще более гнетущим, присоединяя к нему сознание гнета; позор еще более позорным, разглашая его».* Он считает, что *«надо заставить народ ужаснуться себя самого, чтобы вдохнуть в него отвагу».* И этот мессианский пафос венчается манифестом ультра-революционизма, обещающего человечеству светлое будущее после эпохи тотального разрушения: *«никакое рабство не может быть уничтожено без того, чтобы не было уничтожено всякое рабство».*

В рамках теории отчуждения решается вопрос о политической несовместимости ценностей свободы и равенства. Во всем виновата, будто бы, сила отчуждения, расталкивающая их по антагонистическим полюсам. Преодоление отчуждения сначала сблизит, а потом и ликвидирует антагонизмы. Тогда необходимость станет не естественной, а осознанной, и в этом смысле перейдет в свободу. А в промежуточных

стадиях мы имеем постепенное освоение человеком «царства необходимости» и превращение его в «царство свободы».

Беда марксизма в том, что его практическая реализация досталась группе стран, которые никак не соответствовали представлениям Маркса и Энгельса о наиболее благоприятных предпосылках для преодоления отчуждения. Напротив, там, где отчуждение было наиболее жестоким, где, действительно, рабу не было обеспечено даже рабское существование (разумеется, в представлении самого раба), произошел «разрыв цепи» и попытка сознательного регулирования производственных отношений. В результате реальное производство было присвоено не всей совокупностью человеческих индивидов, а партийными функционерами, построившими для себя индивидуальные «коммунизмы» или клановое «царство свободы». Для остального населения это было еще более условное снятие отчуждения и полувековой наркоз, не позволявший почувствовать всю глубину установленного большевиками отчуждения.

Отчуждение не осознавалось до тех пор, пока действовала система пропаганды и насилия. Как только пропагандистский пресс утратил свою силу, как только советские люди получили достаточную информацию о «рабстве» в другой общественной системе, они тут же поняли, что коммунистический режим как раз и не дает своим рабам даже рабского существования (на уровне современных представлений о рабском существовании). И тогда советский режим рухнул, чтобы предоставить возможность вызревшим в его недрах эгоизмам возможность частным порядком присваивать отчужденные отношения.

Марксистский пролетариат как субъект снятия отчуждения оказался иллюзией. Реальный пролетариат показал несостоятельность как субъект политики. И хотя коммунисты использовали плодотворность такого снятия, показав определенную эффективность в подвиге индустриализации и оборонного производства в мировой войне, этот вызов получил ответ во всем остальном мире в целом спектре действительных и суррогатных механизмов снятия. С одной стороны – всеми формами корпоративного владения собственностью и государством, с другой – созданием потребительского общества и широчайшим развитием символьной политики, дающей человеку ощущение государства и общественного строя как своего, как истинно справедливого и окончательно закрепленного. Одна ложь сменила другую, образовалась ложь более изощренная, сломавшая в 1991 году военную и экономическую мощь СССР.

Марксизм является уникальным для истории примером философского экстремизма, полагающего сложившиеся условия общественной жизни неизменными, а все половинчатые меры против нестерпимой жизни угнетенных слоев общества – очередной формой их закабаления. История буквально в течение нескольких десятилетий дала принципиально иную социальную среду, и Фридрих Энгельс в своих письмах уже признавал особую роль случайности в истории. Фактически это означало, что марксистская методология к концу XIX века дала сбой, а в XX веке была уже старой философской рухлядью, которая только и сгодилась, чтобы совратить увязшую в беспочвенности русскую разночинную интеллигенцию и развратить измученные войной массы крестьянства, еще не укрепившегося в национальном самосознании.

Проклятье революции

Известно, что единственный из заговорщиков-февралистов, о ком Николай II сказал, что не может его простить, был генерал Рузский. Именно благодаря Государю были покрыты его просчеты в руководстве войсками, повлекшие за собой тяжелые потери, именно Государь вернул его к командованию фронтом после болезни, именно Государь приблизил его к себе. Рузский ответил черной неблагодарностью. Хотя впоследствии пытался представить себя слепым исполнителем воли генерала Алексеева, который был главой заговора генералов. В действительности, Рузский был одним из главных действующих лиц драмы, финалом которой стало крушение Империи.

Потеряв все высокие посты почти сразу за «отречением» Николая II, Рузский решил, что сможет провести остаток лет на Юге России и гарантирует свою безопасность

полным отстранением от дел. Но судьба распорядилась иначе. Рузский попал в число заложников, которых большевики арестовали в ответ на набеги отрядов полковника Шкуро (будущего казачьего «коллаборациониста» в период Великой Отечественной войны) на Кисловодск и Ессентуки. При обысках заложники были ограблены: у них были отняты все ценные вещи, включая награды. Вместе с другими заложниками, Рузский подвергся унижением в концлагере г. Пятигорска, где генерал мел полы и мыл посуду. А красноармейцы, увешанные императорскими орденами заложников, орали ему «смирно». В октябре 1918 заложники, включая генерала Рузского, были зверски казнены на пятигорском кладбище.

Следственная комиссия «белых» установила, что все они были ночью изрублены саблями. При этом неумелые рубаки наносили жертвам от пяти ударов и более. Часть из них погибла от удушения землей. Казненный священник к утру сумел полуживым выбраться из могилы и попросил у кладбищенских сторожей воды. Те предпочли забросать его землей.

По показаниям свидетелей генерал Рузский перед смертью сказал: «Я — генерал Рузский (произнеся свою фамилию, как слово "русский") и помните, что за мою смерть вам отомстят русские». На вопрос, признает ли он революцию, он ответил, что видит «один великий разбой». Рубили его пять раз. Главарь изуверов большевик Атарбеков (Атарбекян) позднее хвастался, что убил генерала своим кинжалом. Это был отъявленный садист, которого позднее за массовые казни в Астрахани привлекли к ответственности. Но на сторону изувера стали Сталин, Орджоникидзе и Камо.

Генерал Рузский

Труп Рузского при эксгумации места массовой казни заложников не был опознан.

* * *

Есть масштабная историческая тайна - отчего пала Российская Империя? Ответ на этот вопрос будет звучать в каждую историческую эпоху по-своему, и поиск ответа на этот вопрос беспрерывен. Это то же, что и поиск смысла русской истории, поиск русской идеи. Он никогда не заканчивается.

Отчего погибла Российская Империя? На этот вопрос отвечают либо томами исторических исследований, либо каким-то отдельным особенно приглянувшимся доводом, либо простым и ясным: «Божиим попущением за отступление от веры». После этих ответов следует еще больше вопросов, среди которых главный: почему на месте империи Белого Царя возникла империя Красного Тирана? Почему Империя все же до конца не умерла, а скрылась под названием Советский Союз? Почему после разрушения СССР из-под этой оболочки освободилась не Империя, а коррупционная «вертикаль», дополненная дезориентированной «горизонталью» народа, лишенного исторического самосознания? Ушла ли Империя навеки? Если да, то почему мы все еще говорим о ней, почему немало тех, кто мечтает об Империи и проклинает разрушившую ее революцию?

В советскую эпоху мы имели простейшую схему Ленина об истоках и предтечах революционного движения в России – «декабристы разбудили Герцена, Герцен ударил в свой «Колокол», развернул революционную агитацию…». Эта схема не выдерживает критики. «Колокол» имел популярность в русском обществе в краткий период с 1857 по 1862. Три десятка лет, отделившие «Колокол» от декабристов, - это целое поколение, которое никак с декабризмом не связано. Ни идеями, ни социальными настроениями. Не

так примитивна история, как она представлялась большевистскими, а потом советскими пропагандистами!

Историческая эпоха Империи закончилась не по воле партии рабочего класса и не в силу «железного» исторического закона, менявшего формации, как это означено в марксистской доктрине. Страна должна была возродиться и пойти вперед с новой силой, переступив из аграрно-традиционного общества в индустриально-современное. Она могла обойтись без революции и гражданской войны, могла не порушить национальной традиции, могла изжить вирус нигилизма. Могла, но не справилась.

Система была хрупкой в переходный период от народа к нации - к тому естественному «ежедневному плебисциту», который осознанно причисляет человека к общегосударственной политической общности. Столыпин тогда говорил: дайте нам 20 лет спокойствия, и Россия будет величайшей страной мира. Действительно, русский народ вошел в XX век вторым по численности после китайцев, Россия - как пятая по мощности экономика. Понятно, что это была величайшая держава с великолепными перспективами. Что осталось от нее теперь, мы знаем. Следующая эпоха оказалась сравнительно недолгой, ее стержень – менее прочным, чем имперский. «Ежедневный плебисцит» в советский период так и не возник, советская нация не состоялась, проблема национального строительства была отодвинута на неопределенный срок или решалась негодными методами – утверждением противоестественной «новой исторической общности советского народа».

Приготовление к национальному строительству имело в России один из неконтролируемых властью симптомов – нарастание праздных слоев общества, среди которых было не только освобожденное от службы дворянство, но и новые образованные слои, созданные университетами, но не поглощенные службой и не приставленные к делу. В николаевскую эпоху они принуждались к службе даже в порядке наказания за крамольные мысли и пропаганду революции. Офицеров отправляли служить на неспокойный Кавказ, гражданских – в сибирские и северорусские губернии. В эпоху Александра этот слой невероятно разросся и в одной из своих составляющих создал народовольческий террор. Все это не слой революционеров, предопределенный каким-то историческим процессом, не продукт классового антагонизма, не результат социальных противоречий. Это был слой тех, кого Достоевский называл «праздномысленные риторы». У них не было никакой программы, никакого видения будущей России – только неприятие над собой какой-либо государственной воли, закона и порядка. Это достаточно хорошо видно из сочинений Герцена («Былое и думы») или народовольцев (мемуары Н.Морозова, к примеру). Был узкий слой ничтожеств, который взят большевиками в свои предтечи только для того, чтобы самим не выглядеть такими же ничтожествами, без какой-либо причины объявившимися на русской земле.

После прихода к власти большевиков государственное управление окончательно рухнуло, промышленность прекратила свое существование, городской пролетариат, на который опирались сторонники Ленина и Троцкого, оказался на грани голода. Город не производил больше ничего, кроме революции, а крестьяне вовсе не собирались даром кормить ее. И тогда, вместо восстановления промышленного производства, была объявлена война селу: туда отправились вооруженные продотряды, убивая всех, кто пытался противиться изъятию хлеба – в большинстве случаев «под метелку». Село поднялось, и советская власть, так быстро выросшая на развалинах февралистских структур, получила от крестьян гражданскую войну. Увы, февралисты, так ничего и поняв в происходящем, предпочли вместо союза с крестьянством, насилие над ним: мстили не большевикам, а народу, который к революции не имел никакого отношения. И тогда народ стал воевать по обе стороны фронта. Таким образом, гражданская война была войной русского народа как против «красных», так и против «февралистов». Увы, у него не было вождей, которые вернули бы народ на путь его тысячелетнего развития. Народ бился сам с собой за чужие и чуждые ему интересы.

Память о революции – это не просто следствие передачи исторической информации. В советские времена была идеология. Постановочные кадры штурма

Зимнего были символическим достоянием режима, наряду с другими символами – бородачами-основоположниками марксизма, красными звездами над Кремлем, мавзолеем и проч. Многие эти символы, уже без трепета и любопытства воспринимаемые молодыми поколениями, все еще напоминают: проклятье революции действует. Официальная идеология не обращается к символам революционной эпохи, пафосу ее лозунгов и идеологии, но красные звезды все еще над Кремлем, мумия Ленина – на Красной площади, ее именем названы проспекты почти в каждом российском городе.

Грех измены будет преследовать наш народ позором и нищетой. Вздорные представления о революции начала XX века оборачиваются вздорными представлениями о настоящем и будущем России в XXI веке. Поэтому у либеральных «реформ» будет не меньше жертв, чем у гражданской войны. Мы в год теряем в численности населения столько же, сколько теряли в братоубийственной бойне. Только гражданская война кончилась в три года, а самоуничтожение нашего народа продолжается более двух десятков лет - при «демократах», начавшись тихо и незаметно еще в 70-е годы XX века.

* * *

Под русской революцией часто понимают миллионы русских мужиков с винтовками, которые прогнали или перебили «мироедов» - прежние имущие слои. Одним это кажется прогрессивным достижением, следствием прозрения масс; другим – страшным русским бунтом, затмением русского самосознания. Но помимо мужиков с винтовками революцию наводняют иные типажи – вчерашние студенты, праздные сынки дворян, не приставленные к делу и не желающие каждодневно трудиться «разночинцы». Именно из этого слоя выделилась «ленинская гвардия», впоследствии перебитая иной волной революции – поднявшимся народом, который, чтобы ни говорили, из Второй мировой войны вышел победителем. Революция ослепила русский народ, но это все еще был исполин – незрячий, но могучий творец исторических судеб. Пока жива была в нем память о себе самом, он продолжал побеждать – наощупь, с огромными потерями. Пока живы были поколения, родившиеся в русских избах под образами православных святых, они побеждали. Но после великой Победы 1945 года эти поколения сошли на нет, а на смену им объявились воспитанники революции – ее выдумок о России, ее чудовищной неправды об Империи, ее заносчивости в насаждении новых «истин», которые стали замещением традиционных ценностей, исконной русской веры. Кухаркины дети социалистической революции до сих пор управляют нашей страной, до сих пор не знают цены русской традиции, опыта русской истории. Пока народ тих, они насаждают полицейщину; когда народ взбаламучен – они возглавляют погромные толпы.

Современные русские, даже те, кто исправно ходит в церковь, все еще остаются «проклятьем заклейменным» народом «голодных и рабов». В нашем народе доминируют чувства недокормленности и несвободы. Они делают народ вялым, покорным бесстыдной бюрократии. Народ не творит свою историю, а ждет шанса, когда власть пошатнется, когда во все горло закричат новые революционные мессии. Вот тогда народ вновь встрепенется для бессмысленного и на этот раз уж совсем распоследнего бунта за шаг до небытия. В этом смысле революция продолжается до своего полного изживания.

Что же снимет проклятие революции, вернет России достойное бытие, связанное с ее тысячелетней историей? Может ли произойти такое «восстание масс», которое не разрушит, а восстановит связь времен? За каким вождем пойдут русские в свой, быть может последний, поход? До каких пор «верхи» будут не в состоянии управлять страной или понимать под управлением только грабеж? До каких пор «низы» будут отказываться признавать нормальной ту жизнь, которой они живут повседневно, и при этом будут раболепно сносить беспощадные реформы?

Урок триумфа и трагедии революции состоит в том, что революцию, как преступление, необходимо избегать, а революцию как трансформацию, как становление новых социальных связей, восоздание традиций в современности нужно приветствовать. Переходную эпоху надо уметь переживать без глубоких потрясений и подрыва

жизнеспособности нации и государства. Можно было бы представить себе индустриализацию без чудовищного рабства и жесточайших репрессий. Можно представить переход к рыночным отношениям в экономике без распада страны и разграбления национального достояния. Можно представить себе обновление России без слома традиций, а с тем, чтобы они оживились. Консервативный подход к истории и политике как раз состоит не в том, чтобы «подморозить Россию» (К.Леонтьев), а в том, чтобы ее оживить. Для этого требуется воссоединение с собственной историей и избавление от политических мифов гражданской войны – противостояния «красных» и «белых», социалистов и либералов. Для возрождения России нам показана национализация всех политических сил, обращение их к традиционным ценностям русской цивилизации и задачам национального строительства.

Ленин и его революция

Большевистская революция во главе с Лениным (реально в Петрограде ее осуществлял Троцкий) произошла почти незаметно. Массовые беспорядки закончились разгромом всех учреждений, которые некому было защищать. Наконец, добрались до Зимнего Дворца, который пьяные матросы разграбили, заодно арестовав подвернувшихся под руку напуганных господ. Антонов-Овсеенко распознал в них министров Временного правительства и снискал себе славу ниспровергателя прежней власти. Впрочем, до тех пор, пока его самого не ниспровергли, расстреляв как врага народа и революции. Жертвы «штурма Зимнего» - это упившиеся до смерти в винных подвалах хамы. Вот и вся революция.

В.Антонов-Овсеенко

Если проследить по «Запискам Суханова», которые очень не понравились Ленину, что на самом деле представляли собой Советы в Питере, да и по всей стране, то становится совершенно очевидно, что это были самозванцы. Съездом Советов объявили толпу, которая набилась в Смольный с улиц – в основном солдат, изменивши присяге и организовавших беспорядки – лишь бы не ехать на фронт.

Провозгласив «революция свершилась», большевики констатировали только одно: Временное правительство сидит в Петропавловке, и приказы фронту и тылу отдавать некому. Германская агентура выполнила свое задание: Россия, готовая к победоносному завершению войны, из этой войны выведена. А чтобы она туда обратно не вошла, пришлось разгромить Учредительное Собрание (избранное по общей воле большевиков и февралистов), а также расстрелять демонстрации в его защиту. Еще в июне 1917 министров-капиталистов Временного правительства большевики клеймили за расстрелы демонстраций, а уже в январе 1918 большевики сами расстреляли 60-тысячное шествие.

Арест Временного правительства

Иногда приходится слышать о «бескровной революции». Этот тезис почерпнут из советских учебников, где говорится о «триумфальном шествии Советской власти» - якобы, бескровном переходе власти от прежних администраций к Советам. В реальности ничего подобного не было. Там, где Советы брали власть, они присваивали ее силой оружия. А чиновники Временного правительства им эту власть легко уступали, потому что у них власть тоже была ворованная. Воры экспроприировали украденное у других воров. Но вот когда народ понял, что и те, и эти воры, - началась гражданская война.

Народ воевал с большевиками и бился отчаянно. Свидетельство тому – миллионные жертвы гражданской войны и скорбный мартиролог стертых с лица земли сословий. Не только священства и дворянства, но и крестьянства, которое расстреливали из пулеметов за любые признаки недовольства. Подавлено более тысячи крупных крестьянских восстаний по всей стране. «Антоновщину», охватившую несколько губерний, большевики душили ядовитыми газами (Тухачевский «реабилитировался» за провальное наступление на Варшаву).

Воевали с большевиками и рабочие. Рабочие восстания в 1918 году охватили весь Урал. Ижевские рабочие вооружили армию Колчака произведенными ими винтовками. Во время боев на Урале на сторону ижевцев перешел Петроградский рабочий полк. И только нерусский интернационал, собранный Троцким из безжалостных садистов, смог сломить сопротивление русских рабочих. Прорвав кольцо блокады вокруг Ижевска, рабочие вместе с семьями ушли на восток – вместе с Колчаком. У Колчака был сформирован целый рабочий стрелковый корпус – из мастеровой элиты сибирских заводов. Именно рабочие били и разбили дивизию Чапаева, именно они шли в «психическую атаку», прославленную в советском фильме «Чапаев». Именно они бились до конца с «красными» - до последних сражений под Волочаевкой.

Как ни странно, в сопротивлении большевикам слабее всего выступило дворянство, которое, казалось бы, должно было сопротивляться уже потому, что становилось жертвой «красного террора». Между тем, половина русского офицерства, включая генералов Генерального Штаба, перешла на сторону большевиков. Точные и кропотливые подсчеты, учитывающие перебежчиков, показали, что 41% генштабистов были за «красных», за «белых» - 46%, остальные – в основном в армиях украинских сепаратистов.

Генерал Каледин

Русское офицерство не отозвалось на призыв генерала Алексея Каледина собраться на Дону и, по большей части, было расстреляно или вынуждено – под страхом казни родных и близких – служить «красным». Каледин, увы, не подходил на роль «белого» вождя, и поэтому не пользовался доверием. Он первоначально не принял Временного правительства, и был им отстранен от командования армией, но уже в августе 1917 рапортовал Временному правительству о поддержке казачества, которое было, якобы, лишено свободы при царях, а теперь приветствует обретение свободы. Этим он предал арестованного Временным Правительством Императора, стал клятвопреступником, как и подавляющее большинство лидеров «белого» движения. Приход к власти большевиков он встретил неприязненно, но все время боялся «пролить первую кровь». Когда выяснилось, что казачий Дон выступает за большевиков, а в распоряжении Каледина всего полторы сотни штыков, он покончил с собой.

Не смогли взять на себя организацию «белых» и другие изменники Императору – генералы Алексеев (главный организатор заговора генералов в феврале 1917) и Корнилов (арестовавший Императорскую семью). Созданная ими Добровольческая армия совершила поход на Кубань, в котором русское офицерство показало чудеса мужества в боях против многократно превосходившего его врага. Но также и беспримерное зверство. В этом походе генерал Алексеев скончался, заболев тифом. А генерал Корнилов, предприняв авантюрный штурм Екатеринодара, был убит шальной гранатой. Момент, когда не успевшие закрепиться во власти большевики могли быть сметены, оказался упущенным. Изменники, сколь бы ни выказывали они героизма и мужества, не смогли восстановить того, что разрушили своими руками. Россией завладел Ленин.

* * *

Как известно, Ленин «проспал» революцию. Или, точнее, то, что потом выдали за революцию. Беснующиеся толпы дезертиров при поддержке думских изменников и прямых агентов иностранных спецслужб и тайных обществ создали иллюзию революции. После чего страну ожидали крах и братоубийственная резня.

А в апреле 1917 в Петрограде царила эйфория. Ленин, заторопившийся в русскую столицу, обнаружил на вокзале толпу с транспарантами и оркестром. Которая, конечно же, никого не встречала. Просто соратники Ленина, доставленные в «пломбированном вагоне» с территории врага и назначенные на роль ниспровергателей российской государственности и организаторов военного поражения России, использовали случай. Ленина через толпу потащили к угнанному английскому броневику и заставили выступать. Он сказал несколько бессвязных фраз и выкрикнул лозунг: «Да здравствует социалистическая революция!» А потом поехал во дворец Кшесинской, захваченный большевиками, где изложил свои «Апрельские тезисы», которые Плеханов охарактеризовал как «бред». В отличие от Ленина Плеханов редко бросался подобного рода характеристиками. И Плеханов не был врагом своего Отечества. В отличие от Ленина.

Черчилль позднее писал, что Ленин был ввезён в Россию, «как чумная бацилла».

Предложенное Лениным в тезисах действительно было бредом человека, охваченного маниакальной страстью к разрушению. В условиях войны он требовал

отказаться от какой-либо поддержки воюющей страны («революционного оборончества») и организации революционной войны после захвата власти. Он говорил, что кончить войну без свержения капитализма нельзя. Ленин требовал выдвигать лозунг перехода всей власти Советам рабочих депутатов. (От этого лозунга уже летом большевики отказались, поскольку были в них в безнадёжном меньшинстве.) Советы самоорганизовали народ после февральского мятежа, развалившего всю систему управления страной, и Ленин требовал от своих однопартийцев захвата власти в Советах — любой ценой и любыми способами. При этом он также декларировал всеобщий развал управления: необходимость «устранения» полиции, армии и чиновничества. На селе Ленин предлагал делать ставку на Советы батрацких депутатов — группы отщепенцев, обособившихся от трудового крестьянства, которые потом превратились в вооружённые банды. На промышленных предприятиях Ленин предлагал захватить контроль за производством и распределением. То есть фактически ограбить не только собственников, но и работников. Это и было в понимании Ленина «государством-коммуной». Такой термин он требовал включить в обновлённую программу своей партии, которую теперь хотел именовать «коммунистической».

Не имея своей истории, победившие в живодёрской гражданской войне большевики начали судорожно фабриковать для себя героическое прошлое. Они придумывали себе предтеч, находили «вестников революции» в заметных фигурах прошлого, а всё, что не вписывалось в их понимание, стремились «сбросить с корабля истории».

После смерти Ленина история о броневике стала легендой, и в 1926 году близ Финляндского вокзала появился громадный памятник, где многометровый Ленин размещён на башне бронированной машины и воздевает указующую руку. Чтобы придать истории достоверность, начались поиски знаменитого броневика. Поиски велись много лет. О том, что броневик найден, было объявлено только в 1939 году. Правда, это был не тот броневик. Любители мемуаров из числа тех, кто хотел приобщиться к истории большевизма, точно не могли сказать, с какого же броневика выступал «вождь мирового пролетариата». В конце концов, решили поставить в музей образец, идентичный тому, который использовал в своём фильме «Октябрь» Эйзенштейн. Так кино, которое Ленин считал важнейшим средством пропаганды, подменило реальность. Всё было не так: броневик не тот, Ленин не забирался на его башню, и был он тогда без усов и бороды. Некоторые участники событий тех лет и вовсе говорят, что никакого броневика не было, а выступление Ленина состоялось с подножки поезда. Но всё это не важно. Имитация исторической правды предусматривалась как одно из средств удержания власти. И по сию пору многие наши сограждане считают художественные съёмки тех лет документальными. В этом их мало кто старается разубедить.

Личность Ленина была мумифицирована, как и его тело. Она превратилась в ходульный образ, который непредвзятый наблюдатель мог принять за карикатуру. Поэтому в советский период в массовом порядке ходили анекдоты о Ленине, обыгрывающие его нелепую, лишённую какой бы то ни было вдохновенности и героизма внешность. Народ расстался с мифами о Ленине гораздо раньше, чем власть, ведущая своё происхождение из кровавых событий гражданской войны.

Постфактум все действия и все сочинения Ленина, вплоть до бытовых записок, которые каким-то чудесным образом сохранились в неспокойной жизни в эмиграции, бурных событиях революции и гражданской войны, были определены как нечто гениальное.

А в реальности личность Ленина не могла вызывать у современников особого уважения. Он не получил достаточного образования и практически не имел никакого опыта работы по профессии. Как философ он не состоялся. Считанные его теоретические работы не представляют серьёзного интереса. Как публицист он был весьма посредственным автором. Его статьи пересыпаны бранью. Как оратор он был человеком вздорным, допускающим в речи сквернословие, оскорбления, пошлости. Как

профессиональный революционер он был труслив, крайне неуживчив и груб с товарищами.

Фантазии о виртуозной конспирации Ленина — результат «мумификации» его биографии. Наличие у него более 150 псевдонимов скорее говорит о болезненной мнительности. Ульянов-Ленин был труслив. Немногие свидетельства на этот счёт затушёваны мифологическими интерпретациями различных эпизодов его биографии.

По одному из воспоминаний, в 1906 году на митинге при крике «Казаки!» Ленин первый бросился наутек, тогда как другие вступили с казаками в переговоры. О трусости Ленина свидетельствует и тот факт, что он не сделал попытки бежать из ссылки, как это делали другие ссыльные.

Трусливость Ленина часто выдают за благоразумие. Эпизод, когда пьяные матросы отобрали у него присвоенный «Ролс-Ройс», ранее принадлежавший царю, о многом говорит. Матросы решили «покататься», вкушая свободу, объявленную Лениным. И просто высадили его с Крупской на мостовую. Пришлось вождю идти пешком по своим коммунистическим делам. А потом через Дзержинского возвращать экспроприированную «буржуйскую» собственность. Матросы не сопротивлялись: они к тому времени интерес к машине потеряли. Скоро их ожидало похмелье от дурмана революции. Пока что все обошлось для них без последствий.

Другой эпизод с той же машиной выглядит серьезнее. Теперь ей заинтересовались бандиты, которых большевицкая революция выпустила из тюрем. Банда Яшки-Кошелька вышвырнула Ленина и сопровождавших его лиц из машины, предварительно освободив их от содержимого карманов. Ленину и его охране пришлось также уступить бандитам свои браунинги. Машину ловили всей московской милицией. В боях за ленинский лимузин погибли 23 «красных» милиционера. Пока, наконец, бандиты, уходя из погони не разбили машину. С тех пор Ленин ездил с машиной сопровождения, набитой вооруженной охраной.

Ленин был завистлив, злобен и мстителен. Он расценивал как врага даже того, кто выигрывал у него в шахматы. Он был чудовищно жесток. Его распоряжения о взятии заложников и массовых расстрелах — прямое свидетельство о причастности к преступлениям, которые не могут быть забыты и прощены русским народом.

Вот такими телеграммами Ленин бросал в пекло гражданской войны новые и новые жертвы: *«Товарищи! Восстание пяти волостей кулачья должно провести к беспощадному подавлении. Этого требует интерес всей революции, ибо теперь взят «последний и решительный бой» с кулачьем. Образец надо дать.*

1. *Повестить (непременно повесить, дабы народ видел) не меньше ё00 заведомых кулаков, богатеев, кровопийц.*
2. *Опубликовать их имена.*
3. *Отнять у них весь хлеб.*
4. *Назначить заложников – согласно вчерашней телеграмме. Сделать так, чтобы на сотни верст кругом народ видел, трепетал, знал, кричал: душат и задушат кровопийц-кулаков».*

Вслед этой телеграмме летит другая: *«Расстреливать заговорщиков и колеблющихся, никого не спрашивая и не допуская идиотской волокиты».*

Массовые убийства предусматривались Лениным даже за отказ крестьян участвовать в расчистке снега на рельсовых путях.

Изобильное эпистолярное наследие Ленина говорит о его двуличии. Он мог писать третьему лицу гадости про одного из своих близких товарищей и тут же публично хвалить его на все лады. «Навозные кучи», «подлецы», «иудушки», «мерзавцы», «свиньи», «тупицы», «проститутки», «идиоты», «дурачки» — так характеризует он своих соратников. Словарь ругательств Ленина — это сотни слов, записанных в его письмах, статьях, стенограммах выступлений.

Ленин вёл аморальный образ жизни, почти не скрывая свою связь с Инессой Арманд. Он не стеснялся устраивать на руководящие должности своих родственников.

Вслед за Марксом и Энгельсом Ленин демонстрировал ненависть к русскому народу, вслед за Герценом — пренебрежение к другим европейским народам. Применённый им термин «великорусский шовинизм» на долгие годы исключил из словоупотребления слово «великоросс», а его обличения в адрес русского народа, якобы эксплуатирующего другие народы России, стали основой национальной политики правящей компартии, которая до сих пор не изжита, и служат руководством к действию русофобствующей власти.

Ленин продвигал на руководящие посты еврейскую интеллигенцию — наиболее нигилистически настроенную по отношению к русским традициям. Зная о своих «еврейских кровях», Ленин в письме Горькому утверждал: «Русский умник всегда еврей или человек с примесью еврейской крови».

Несмотря на и разоблачение мистификаций советского периода, новая власть всячески оберегает символы большевизма. Она не провела и не собирается проводить расчистку страны от фальсификаций истории и идеологических истуканов. Она лишь будоражит общественность вопросом о необходимости освободить Красную площадь от большевистского кладбища и капища с мумией вождя. Но не предпринимает ничего, чтобы восстановить правду истории и справедливо оценить героев и предателей, преступников и мучеников.

1 апреля 2009 года десятиметровая бронзовая фигура Ленина на Финляндском вокзале в Петербурге была взорвана. Власти тщательно её отреставрировали и вновь водрузили на постамент. Это и не удивительно. Власть новых февралистов прочно связана с большевизмом. Откажись она от большевизма – и ей нужно будет объясняться, откуда берется ее легитимность. Если большевики – преступники, то власть, полученная в 1991 году – это власть дважды смутьянов!

Скрывая это разоблачение, последователи февралистов и большевиков не тревожат прах изуверов, истерзавших нашу страну. Таблички с именами убийц обозначают названия улиц, площадей, городов и целых регионов. Страна не очищена от истуканов прежней эпохи, главная площадь страны по-прежнему остается кладбищем самых кровожадных смутьянов и их последователей.

Культ Ленина и его соратников, погребенных рядом, давно перестал носить политические черты. Мертвым поклоняются как живым, как богам. Кому эти культы помогают преодолевать трудности жизни, может отправлять их где-то в другом месте, но не в политическом и культурном центре России.

Стране нужна чистка от идейного символизма большевистского периода. Правильно начать ее с удаления пронизанного русофобской идеологией пантеона с Красной площади и продолжить последовательным освобождением места для прежних исторических наименований и прославления имен героев нашей истории. Разноликих болванчиков с подписью «Ленин» должны заместить русские Государи, государственные

мужи, ученые, основатели городов, святые и подвижники, полководцы и герои, служившие Отечеству во все времена.

Трусливая власть никак не может сообразить, что народ повреждается в сознании, когда наглядная пропаганда времен КПСС соседствует с циничными символами эпохи разврата и распада. А то, что составляло славу Отечества и отражает ее исторический путь снесено в музеи и там забыто.

Решительное возвращение нашему народу его истории возможно только в том случае, если антигосударственные и антинациональные силы будут удалены из правящих верхов. А пока продолжается фальсификация истории. И в сознание народа подмешивается сомнение, которое расцветает ядовитыми всходами: вся история Отечества становится цепью зверств и позора. И только на этом фоне истинные враги наши превращаются в гениев и благодетелей.

Троцкий и Сталин: разные судьбы политических близнецов

Оба они стали революционерами – еврей и грузин. У них общее политическое дело – уничтожение Империи. И разные характеры с общим настроем на террор. У них разные судьбы, но общий триумф – революция и гражданская война. Они взаимно нетерпимы, но оба – члены руководства «красных». У них общее - подполье, ссылки, эмиграция. И много темных страниц в биографиях. Один был всем и стал ничем – отбросом истории с трагическим финалом жизни. Другой был ничем и стал всем. И до сих пор остается для многих «всем» - символом и смыслом политики.

Много, очень много различий. Но и много, очень много совпадений. И стоит оспорить укоренилось представление в историографии и в обыденных взглядах на историю о том, что Троцкий и Сталин – чуть ли не антиподы, противоположности во всем. Но с тем же успехом можно представлять антиподами любых двух людей, которые вышли из одной и той же группы, имели общие взгляды, но разные судьбы. Многое свидетельствует о том, что при разных судьбах и различии в характерах Троцкий и Стали были идентичными политическими типажами. А вся разница между ними – в том, что каждый из них волей исторического процесса был поставлен в разные условия.

Троцкий пропагандировал идею «перманентной» революции (фактически – мирового господства большевиков), а Сталин, получив рычаги власти, старательно ее насаждал – не только в России, но и за рубежом. Сталин был практик мировой революции. Ему важна была власть, а не теории. Может быть, он даже не вникал в то, чем Троцкий забавлял читающую публику. Он использовал идею Интернационала для организации пятой колонны и разведки в разных странах. Риторические обороты и лозунги Троцкого, примененные на митингах и вписанные в романтические воззвания, имели хождение в период 1922-1927 гг., но практика была направлена в другую сторону. Практикой занимался Сталин. Ему нужно было убедить зарубежных партнеров, что его государство им не угрожает и даже мечтает торговать с ними. Троцкому поверили маргинальные слои марксистских партий, Сталину – главы ведущих мировых держав.

Троцкий для руководства Красной Армией использовал террористические методы. Сталин тоже не сомневался, когда в условиях гражданской войны надо было «пустить в расход» сотню-другую представителей «эксплуататорских классов». Троцкому не удалось то, что удалось позднее Сталину – последний распространил методы террора на мирное время и на все население страны. В приверженности марксистской доктрине Троцкий и

Сталин были едины, по крайней мере на словах. Каждый из них проповедовал «свой» марксизм. Только первому досталось заниматься преимущественно пропагандой, а второму – практикой управления и решением конкретных государственных и хозяйственных задач.

Большевицкие партийные клички, как представляется многим, служили лишь делу конспирации и выбирались почти наугад. Действительно, историки долго гадали, к какой Лене – реке или женщине – имела отношения кличка Владимира Ульянова. Пока не выяснили, что он воспользовался чужим паспортом. И потом, чтобы скрыть прозаичность происхождения поддельной фамилии и сохранить таинственность в биографии вождя, потомков умершего Ленина перебили или заставили принять новую фамилию.

Нет сомнений, что «Сталин» - необходимая замена прежней легкомысленной и почти семейной кличке «Коба» (имя литературного персонажа, «грузинского Робина Гуда»). Партийное имя «Сталин» не привязано ни к какой национальности. Зато символически нагружено: революционер, опасный как стальной клинок, с убеждениями стальной прочности, выкованными в подполье. Магия имени не раз отражалась в сочинениях о Сталине. Анри Барбюс писал: «Это - железный человек. Фамилия дает нам его образ: Сталин - сталь. Он несгибаем и гибок, как сталь».

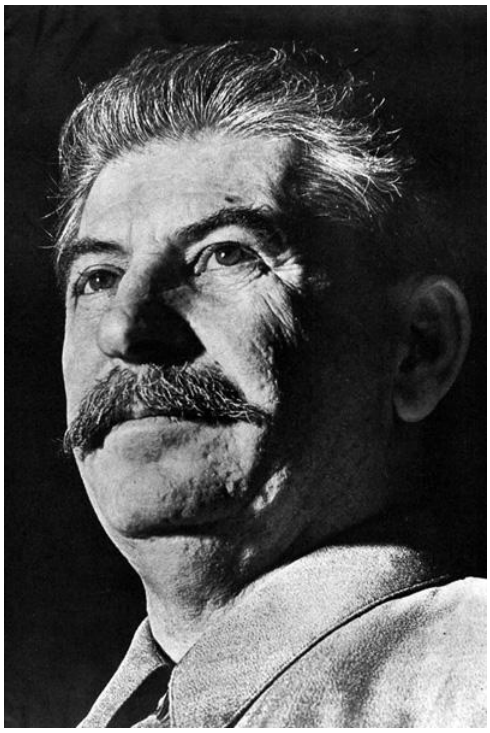
Имя ничего не стоило бы, если бы не мистический туман, напущенный успешно распространенными слухами. Например, о том, что сталинский псевдоним – простой перевод родового имени «Джуга» с грузинского (или древнегрузинского) на русский. И тогда тайна имени связывалась с родовой историей, родовым характерным отличием. В действительности, грузинское «джуга» - слово, оставшееся только именем, и не имеющее никаких тайных значений. Только по версии недоброжелателей «джуга» - это обозначение горского еврея.

Некоторые исследователи полагаю, что свой псевдоним Сталин образовал от фамилии издателя и переводчика на русский язык поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре» Евгения Сталинского. Его книга достоверно была в перечне юношеского чтения Иосифа Джугашвили. И также достоверен негласный ее запрет в годы правления Сталина.

Псевдоним «Троцкий» также имеет свою оригинальную историю. Лев Бронштейн в юном возрасте был поражен волевыми качествами своего тюремщика, носившего такую фамилию. И увидел в ней связь со своим родовым происхождением и своими политическими устремлениями. Как еврей, он знал, что на идише «тротц» означает «кроме, вопреки», а на немецком еще и «упрямство». Из еврейского нигилиста, уже в детстве бунтовавшего против своих школьных учителей, Бронштейн хотел превратиться в немецкого интернационалиста, марксиста. И повелевать так, как повелевал поразивший его воображение тюремщик по фамилии Троцкий. Заразившись мистикой своего псевдонима, Троцкий и вправду стал упрямцем, упорным оппонентом по отношению к окружающим, революционером-ниспровергателем, всегда действующим чему-то или кому-то наперекор.

В псевдониме Джугашвили мистика была только для окружающих, но не для него самого. Он-то точно знал о сконструированности псевдонима. Но им же была сконструирована и легенда о «стали» в имени его семьи. В псевдониме Бронштейна мистика была только для него самого, но не для окружающих. Троцкий – не самая распространенная, но обычная фамилия, усеченная версия «Троицкого».

Вне революции Троцкий и Сталин не имели никаких шансов сделать себе карьеру. Они органически не принимали систематического образования. Зато любили блистать своей образованностью. Во многом именно это и побуждало того и другого вникать в такие детали, которые были ведомы не всякому специалисту. Такое «нахватанное» отовсюду знание позволяло возвышаться над собеседником, планомерно заводя его в тупик, но не обеспечивало возможности применять знания на практике.



Если Троцкий по этой причине так и остался публицистом и оратором, то Сталин, писавший с большим трудом и без литературного блеска, захватив власть, управлял скорее интуитивно. Его решения были направлены на удержание личной власти, а репрессивные методы позволяли обходиться без рационального расчета. Расчетливы должны быть те, на кого Сталин возлагал личную ответственность. Но также они должны были вдохновенно верить, что любое слово Сталина как бы продиктовано свыше. Сочетание восторженной лояльности и сухого профессионализма давалось далеко не всем. Это одна из причин массовости репрессий именно в аппарате партии, государства и армии.

Троцкий и Сталин проявили себя на поприще управления армией, не имея никаких знаний и навыков в этом деле. Но оба мыслили себя стратегами. И оба считали, что армию невозможно строить без репрессий. Троцкий не командовал – он инспектировал. И «ставил к стенке». А Сталин как член реввоенсовета фронта участвовал в управлении войсками. Что, правда, дурно сказалось в период, когда он стал Верховным Главнокомандующим – он долго мнил себя профессионалом.

Троцкий в условиях гражданской войны, когда перепутались фронт и тыл, «свои» и «чужие», воображал себя римским императором, проводя «децимации» - расстрелы каждого десятого в отступивших частях. Троцкого пьянил успех его речей перед матросами, пьяными от вседозволенности, которую им сулил наркомвоенмор. Его окрыляли надежды прорваться с революционной армией в Европу, где он так сладко отдыхал в эмиграции, а хотел бы и мог властвовать. Он планировал даже поход в Индию, чтобы выбить оттуда англичан и превратиться уже в мирового владыку. Несколько позднее (1923) Сталин подхватил троцкистскую идею, заявив, что восточные народы бывшей Российской Империи, «органически связанные с Китаем и Индией.., важны для революции прежде всего». Ему тоже мерещился поход на Ганг. В этих романтических чаяниях – и дух времени, и дух личного авантюризма с размахом планетарного масштаба. Правда, Сталину удалось подержать в руках власть, снабженную планетарным оружием –

атомной бомбой. Для Троцкого планетарные мечты выразились в планетарном распространении секты его последователей, не имевших ни малейших шансов на власть.

Троцкий считал себя создателем Красной Армии и даже придумал специальные ритуалы приветствий для себя лично, а также вписал свое имя в воинский устав как «вождя и организатора». Сталин мнил себя организатором обороны Царицына – стратегического пункта обеспечения центральных районов страны хлебом. Оба могли считать свой фронт работы решающим. Но в действительности, ни Троцкий, ни Сталин не определили исхода гражданской войны. Его определило бессилие «белых», которые не имели собственной доктрины, чтобы увлечь народ, не имели единства - каждый фронт «белых» действовал по своему плану, зато упивались склоками по поводу идей Февраля – не менее губительных для России, чем большевистские.

Бездарность Троцкого проявилась уже в том, что именно благодаря его решению о разоружении чехословацкого корпуса вспыхнула первая зарница гражданской войны. Можно считать это ошибкой, но Троцкий во всех эпизодах своей военной биографии известен только жестокостями, во всех эпизодах политической биографии – любовью к красивым фразам и парадоксальным предложениям вроде «ни мира, ни войны, а армию распустить».

Бездарность Сталина стоила катастрофы первых месяцев Великой Отечественной войны и тяжких поражений в течение двух лет. Нет, он готовил страну к войне, он строил государство. Но все это стояло на зыбкой основе большевистской догматики. И преодолеть ее Сталин не смог. В этом смысле он не был сувереном. Он был рабом доктрины, и в ее рамках делал все, что мог. Итог – с одной стороны, Победа, с другой – горы трупов и сгоревшей техники в 1941 году. И потери 1 к 3 в течение двух лет войны.

Сталин, положив в землю миллионы солдат, все-таки нашел свое место в стратегическом планировании, кое-чему научился. Но все же планетарный масштаб был ему велик. Послевоенный период – это сдача итогов войны: части Берлина, проливов, ООН. Громадные жертвы – вот главная основа величия Сталина. Троцкому такой «человеческий ресурс» в качестве расходного материала не был предоставлен. Но нет сомнения в том, что он распорядился бы им столь же неблестящим образом.

Сталин чудовищно проиграл в стратегии - упустил возможность занять черноморские и балтийские проливы, сдал Западный Берлин, нелепо возвысил Францию, не имевшую к победе никакого отношения, уступил американцам безраздельный контроль над Японией, Китаю – Маньчжурию, Внутреннюю Монголию и Тибет и т.д. Геополитически шаткая конструкция «мировой социалистической системы» была крайне затратной и рассыпалась в одночасье. Заложенная Сталиным конфигурация мировой политической системы, исходящая из добросовестности союзников по войне, оказалась ничтожной почти с самого начала. Уступки сыграли свою роль позднее. Мировая социалистическая система оказалась порождением тупиковой идейной доктрины. Сталин не видел этого стратегического тупика. И не увидел при жизни результатов своего поражения.

Сталин уверовал в свой стратегический гений и сделал все, чтобы маршалы Победы остались в его тени и не играли никакой роли в послевоенной жизни. Слава армии и ее руководителей всегда была опутана доносительством, многочисленными службами слежки и устранения неугодных, фабрикацией фиктивных героев, продвижением идеологических работников и наградами для тех, кто больше надзирал, чем воевал. Именно поэтому армия-победительница после войны осталась ни с чем. Зато Сталин и партийная бюрократия воспользовались плодами победы в полной мере. Бюрократия оказалась сильнее армии, которую гнула к земле даже в самые опасные для страны моменты.

Троцкий, как и Сталин, остался недоучкой. Он не смог закончить курса реального училища, иностранным языкам обучался в тюрьме по многоязычной Библии. Как и у Сталина, у него не было никакой иной профессии, кроме революции. Правда, Троцкий мог зарабатывать себе на жизнь публицистикой. И, конечно, революционной фразой, которая находила сочувствие у таких же кровожадных романтиков. Возможность

заработка на революционной публицистике Троцкий получил как оппонент Сталина. Фактически Сталин обеспечил Троцкого заработком в изгнании, пополнявшим его кошелек, наряду с другими пожертвованиями. Но и Троцкий сыграл на руку Сталину. Обвинения в троцкизме с течением времени стали расхожим поводом для расправы над любым носителем суждений, хоть в чем-то отличных от «генеральной линии партии» - счастливо угаданных помыслов вождя партийно-советской бюрократии.

Публицистика Троцкого пришлась ко двору тем политическим силам, которые хотели иметь идеологические аргументы «слева» против СССР в надвигающейся войне. «Левые» должны были отвернуться от Сталина как от азиатского мракобеса. «Справа» аргументов было предостаточно – «левый» характер официальной доктрины не вызывал сомнений. Гитлер опирался на аргументы против Сталина, играя с ним в солидарность бюрократий, но в реальности опираясь на антисоветские силы по всему миру. Сталин, накапливая колоссальные вооружения, следовал лозунгу Троцкого: «Россия – это хворост, который мы бросим в костер мировой революции». Следовал как практик, а не фразер. Но Гитлер перехитрил – «хворостом» Германии поджег мировую войну, и вооружения, созданные трудом советских людей, в считанные дни после нападения Германии на СССР стали металлоломом. Сталин принципиально не мог восстановить воинскую культуру и инициативу воина: он руководствовался иной доктриной строительства государства – репрессивной и бюрократической. Гитлер, напротив, опирался на германскую военную традицию, и на личном примере хорошо знал, чем живет солдат, сидящий в окопах.

Троцкий и Сталин не были бескорыстными служителями идеи, оба ждали от нее славы и власти.

Троцкий требовал славы и власти с наивной откровенностью. Но стоило Ленину по случаю оказаться на гребне революционной волны, и Троцкий из «иудушки» (как его называл Ленин за недолгий альянс с меньшевиками) превратился в рьяного исполнителя воли вождя. Он исполнял волю Ленина, используя методы террора при создании Красной Армии и подавлении сопротивления «белых». Столь кровавая «романтика», казалось, принадлежит очень отдаленным временам. Но она вернулась в политику из древности и была применена в невидных масштабах.

Троцкий создавал трудовые армии и концлагеря, проводил мероприятия «военного коммунизма» - ради победы в гражданской войне он готов был переступить через любые ограничения, которые отделяют вменяемого человека от изувера. Вовсе не по своему произволу им были сорваны мирные переговоры в Бресте, вовсе не он подписывал

«Брестский мир». Троцкий был исполнителем воли Ленина, даже когда потребовалось круто изменить политический курс. По воле Ленина Троцкий продумывал шаги по созданию рыночных подпорок для большевиков в «новой экономической политике».

Сталин делал карьеру иначе – исподволь, тайно, продумывая каждый шаг, чтобы убрать с дороги конкурентов. Как аутсайдер по уровню культуры и образованности в «ленинской гвардии», он делал ставку на выдвиженцев из пролетарской среды. Этот расчет оказался верным. Революция всколыхнула именно эти малообразованные слои, и большинство в партии было за ними. Сталин был им ближе, чем выходцы из слоев интеллигенции или те, кто пытался играть роль европейских марксистов-теоретиков. Именно социальная близость, а не идейное размежевание множества фракций, неформально сложившихся среди большевиков после гражданской войны, определила лидера партии.

Террор – самое искреннее и понятное воплощение большевицких идей. В разных формах он был применен Лениным, Троцким, Сталиным. Террор продотрядов и комбедов был скорее спровоцированным «творчеством масс», разнузданным криминалом. Террор ЧК и НКВД – систематически организованным процессом. Никакие исторические аналогии не могут оправдать изуверов. Да, террор – признак революции. Но революция – понятие достаточно абстрактное, а террор – конкретные деяния конкретных лиц, которые вешали, стреляли, топили, резали и пытали. Им отдавали приказы и требовали результатов также конкретные лица, прекрасно знавшие, какими методами они утверждают победу революции. Они полагали, что победителей не судят. Еще как судят! И будут судить, пока у людей будет представление о человечности и справедливости.

Троцкий, обвиняя Сталина в терроре, критиковал только тот факт, что инструмент террора оказался не в тех руках: «Революционный террор, который в героический период революции являлся орудием пробуждённых масс против угнетателей... окончательно уступил своё место холодному и злобному террору бюрократии, которая остервенело борется за свои посты и пайки, за свои бесконтрольность и самовластие». Троцкий пошел бы по тому же пути. Потому что те же силы, что организовали революционный террор, стали большевицкой бюрократией. Менялись только условия существования большевизма, а террор был неизменен.

В 1932 году Троцкий и Сталин вступили в заочную полемику по поводу сущности интернационализма. Американец Т. Кэмпбелл, вернувшись из России, написал книгу, в которой утверждал, что СССР больше не опасен, потому что Сталин не следует идее Троцкого распространить коммунизм на весь мир, ограничивает свою деятельность собственной страной и готов открыть внутренний рынок для сбыта товаров капиталистического мира. Кэмпбелл сослался на личную беседу со Сталиным. Троцкий откликнулся: мол, Сталин поворачивается спиной к международной революции. Сталин опроверг: американец «привирает». Но уже в 1936 году в интервью американскому журналисту Сталин заявил, что «у нас» планов и намерений произвести мировую революцию «никогда не было», а большевикам эти планы приписывают в порядке недоразумения. Причем «комического» или даже «трагикомического». В практике государственного управления Сталин прекрасно понял, что революция – это только вирус разложения, а чтобы что-то завоевать, надо воевать – иметь под рукой мощную армию и современные вооружения. Поэтому он отказался от теоретических глупостей и вплотную занимался реальной подготовкой к войне: «красная» империя должна была победить все прочие империи.

Показательно, что в этот период незначительные эмигрантские группы, называвшие себя «фашистами», решили, что логика борьбы за власть привела Сталина к идее нации, заставила предать идеи марксизма, превратила в национального вождя. Эти иллюзии плохо кончились для тех, кто решил, что теперь можно вернуться из эмиграции и присягнуть кремлевскому фюреру. Логика политического процесса, действительно, заставила Сталина отбросить авантюристические планы вроде тех, которыми упивался Троцкий, да и сам Сталин в 20-х годах. Но держать в руках страну и управлять бюрократией Сталин мог только как продолжатель большевистского мифа, насаждая

интернационализм как отказ от прошлого страны, культуры и веры русского народа. Уклонение от ложной доктрины марксизма тут же раскололо бы бюрократию, охмурившую этой доктриной народ и спаянную коллективной ответственностью за тотальную ложь. Что, собственно, и произошло в конце 80-х годов, когда новые правители и новые идеологи коммунизма попытались постепенно убрать идеологию из системы управления.

Троцкий вплотную подошел к тому, чтобы выявить особую роль бюрократии в историческом процессе. Он все еще продолжал путать ее с мелкобуржуазным слоем, но уже понимал, что именно этот слой сосредоточил в своих руках все механизмы насилия и прежние сословные привилегии. Он понял, что для Сталина мировая революция – ничто, если она подрывает его личную власть. А внутренняя политика является только средством поддержания этой власти. То есть, Троцкий изобличил в Сталине прагматика, который намеревался властвовать, а вовсе не руководствоваться какими-то абстракциями, столь дорогими Троцкому. Прагматика Сталина – это власть, власть и еще раз власть.

Троцкий писал, что Сталин подчинил политические проблемы полицейским. Так оно и было. В революции сон разума породил чудовищ бюрократии. И Троцкий не стал таким же чудовищем, как Сталин, только потому, что не смог занять его места. Самое же торжество тиранической бюрократии было прямым следствием разрушения традиций русского общества и государства. Троцкий ни о чем подобном в критике Сталина и думать не мог. Он был одержим идеей и гневался лишь, что Сталину доводится воплощать мечты самого Троцкого. Кровавый революционный романтизм, которым он упивался в гражданскую войну, преобразовался в обличительный пафос оппозиционера-фундаменталиста, который хотел считать себя самым последовательным марксистом и стоять вровень с основоположниками этой доктрины. Сталин же, получив реальную власть, сумел остыть от фанатизма, но при этом репрессивные методы остались для него главными – фанатизм идеи был замещен страстью к безмерной власти.

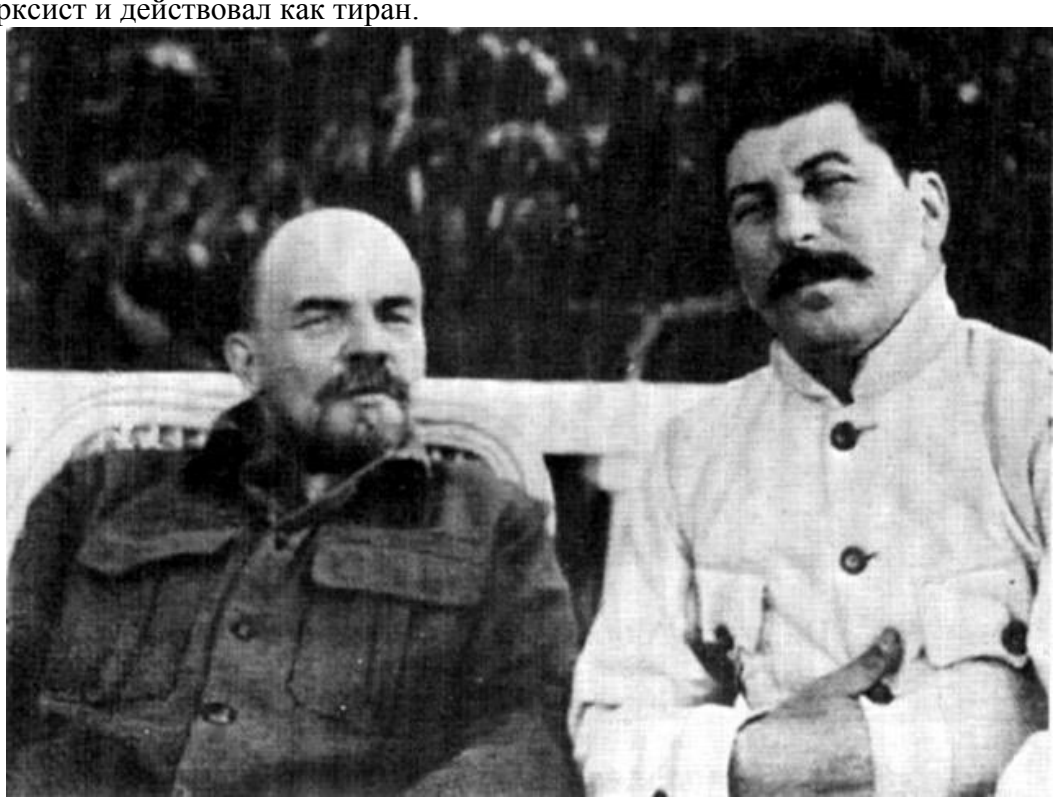
Троцкий критиковал сталинскую бюрократию не с позиций интересов нации, которые этой бюрократией растаптывались, а с позиций врага всякой государственности, с позиций революционера, готового к новому витку террора – не бюрократического, а революционного смертоубийства. Сталин делал то, что хотел бы делать Троцкий. Для первого перманентная гражданская война была продолжением политики, для второго политика – продолжением перманентной революционной войны.

Троцкий и Сталин были в России инородцами, но не признавали родства. Они были лишены приверженности к роду-племени. Их матерью была революция.

Троцкий не считал себя евреем. И даже бракосочетание по иудейскому обряду, которое по его воле произошло во время тюремного заключения (такое позволялось в «тюрьме народов»!), было, скорее всего, скоморошеством. Ни народ, ни семья для Троцкого не представляли никакой ценности. В период своего могущества он отправил восвояси еврейскую делегацию, которая намеревалась напомнить ему о корнях. Своим отступничеством он лишил себя еврейских симпатий, но не приобрел доверия русских. Показной интернационализм мог скрывать, но не уничтожал национальную солидарность. Почитания евреями Троцкого не наблюдается не только потому, что он отступник, но и потому, что он неудачник.

Сталин как крупнейшая политическая фигура XX века не может не быть на особом счету у его единоплеменников. Ведь ему довелось многие десятилетия управлять народами, многократно превосходящими грузинский народ как численно, так и масштабами исторического творчества. Поэтому хрущевское разоблачение культа личности Сталина было воспринято в Грузии как антигрузинская политика, а в 1956 году в Грузии по этому поводу вспыхнули крупные беспорядки. Это понятно. Гораздо труднее понять сталинизм русских людей, с которыми Сталин не связан ни родством, ни культурой. Ведь Сталин погубил русских более, чем любой другой правитель. Да, время было кровавым. Но даже на этом кровавом фоне русские потери от сталинского владычества невероятно велики.

Троцкий так и не освоил идиш, предпочитая русский и украинский. Сталин тоже нечасто переходил на грузинский – в основном, когда гневался на своих единоплеменников. Он бывал недоволен, если замечал, что грузин перестает быть грузином – говорить и читать на своем языке. При этом Сталин точно знал, что владычествовать над Грузией он может только как глава большевистского государства. Он мог быть грузином в каких-то бытовых моментах, мог мыслить как грузин, но говорил как марксист и действовал как тиран.



Сталин был интернационалистом, и никаких преимуществ грузинам не создавал. Более того, почти все, кто знал еще не Сталина, а Кобу и Сосо, были истреблены. Движения национальных окраин он приветствовал как союзников большевиков, а среди русских выделял только рабочих, не имея интереса к русскому народу в целом. Уже после войны, когда русские были по преимуществу определены как «советские», Сталин позволил себе похвалу русскому народу, а не только одним рабочим.

Троцкий видел в национальном вопросе ровно такой же интерес – интерес использовать «угнетенные народы» ради классовой борьбы. Принцип самоопределения был для него наиважнейшим. Этот принцип воплощался в объединении с Россией в том случае, если национальностям обеспечивалась защита от империализма, капитализма и местного национализма. Признавая, что большевицкая партия является и останется по преимуществу великорусской, Троцкий намеревался удовлетворять «накопленные обиды» периферийных национальных групп за счет русского народа и склонять к этому великорусское ядро партии. Он требовал, например, разного отношения к великорусскому и мусульманскому национализму: «по отношению к первому - беспощадная борьба, суровый отпор, особенно во всех тех случаях, когда он проявляется административно-правительственно; по отношению ко второму - терпеливая, внимательная, кропотливая, воспитательная работа». Тут Троцкий прямо следовал установкам Ленина – отчаянного русофоба.

Пренебрежение к семейным узам у Троцкого проявилось в двоеженстве – одна семья в Сибири, другая – эмигрантская – в Европе и США, а также в сочувствии «теории свободной любви». Троцкий в отношении собственных родных и близких осуществил «прорыв из царства необходимости в царство свободы». Он отказал в помощи своему престарелому и обнищавшему отцу, который надеялся получить от сына пару сапог. Троцкий ответил, что «в стране слишком много раздетых и разутых», чтобы оказывать помощь кому-то одному. Пренебрег Троцкий и предсмертной просьбой отца похоронить

его на еврейском кладбище. Свою семью в Сибири Троцкий оставил на растерзание Сталину, своего сына от второго брака он превратил в оруженосца, ненамного пережившего его самого и умершего со странной внезапностью – так кончали свою жизнь многие противники Сталина.

Сталинские жены и дети были для «вождя народов» не менее обременительны, чем жены и дети для Троцкого. Только семейные трагедии Троцких мало кого интересовали, а трагедии родных и близких Сталина тщательно скрывались. В современную эпоху они разобраны на анекдоты, которые были прочитаны и измусолены в застольных беседах 80-90-х годов, а в «нулевых» стали скучны и постепенно забываются. Вместе с нравственными уроками, которые эти трагедии должны бы преподнести нашему народу.

Распад семьи и упадок нравов Троцкий понимал как проблему, но требовал не впадать «в реакционное морализаторство или в сентиментальное уныние». Он не отказывал себе в удовольствии отвечать взаимностью на навязчивое внимание дам к всесильному наркому и популярному оратору. Позднее он обосновал свое поведение рассуждениями о «коренном преобразовании семьи». Пусть даже «восстание против старины принимают на первых порах анархические или, грубее выражаясь, разнузданные формы». «Здесь пробужденная личность, которая хочет строить свою жизнь по-новому, а не по старинке, ударяется в "разгул", "озорство" и прочие грехи…». Троцкий требовал равенства женщины с мужчиной в общественной и государственной жизни, для чего ее необходимо оторвать от семьи, «варки, стирки и шитья». Он предполагал, что семью надо освободить от «угнетающих» забот, для чего обобществить семейное хозяйство и воспитание детей: «Стирать белье должна хорошая общественная прачечная. Кормить - хороший общественный ресторан. Обшивать - швейная мастерская. Воспитываться дети должны хорошими общественными педагогами, которые в этом деле находят свое подлинное призвание». А сама жизнь семьи должна происходить в «семейно-групповых общежитиях». Так писал Троцкий, и такую программу выполнял Сталин и его окружение.

Сталин говорил: «Главное, чему попы научить могут, - это понимать людей». И Троцкий был того же мнения, предполагая перенимать у Церкви обрядность, переиначивая ее на революционный лад. Он разработал целую концепцию общественных символических зрелищ и ритуалов, которые должны были добраться до частной жизни (рождение детей, женитьба, похороны):

«Рабочее государство уже имеет свои праздники, свои процессии, свои смотры и парады, свои символические зрелища, свою новую государственную театральность. Правда, она еще во многом слишком тесно примыкает к старым формам, подражая им, отчасти непосредственно продолжая их. Но в главном революционная символика рабочего государства нова, ясна и могущественна: красное знамя, серп и молот, красная звезда, рабочий и крестьянин, товарищ, интернационал. А в замкнутых клетках семейного быта этого нового почти еще нет, - во всяком случае слишком мало. Между тем, личная жизнь тесно связана с семьей. Этим и объясняется, что в семье нередко берет в бытовом отношении перевес - по части икон, крещения, церковного погребения и пр. - более консервативная сторона, ибо революционным членам семьи нечего этому противопоставить. Теоретические доводы действуют только на ум. А театральная обрядность действует на чувство и на воображение. Влияние ее, следовательно, гораздо шире. В самой коммунистической среде поэтому нет-нет да и пробуждается потребность противопоставить старой обрядности новые формы, новую символику не только в области государственного быта, где это уже имеется в широкой степени, но и в сфере семьи. Есть среди рабочих движение за то, чтобы праздновать день рождения, а не именины, и называть новорожденного не по святцам, а какими-либо новыми именами, символизирующими новые близкие нам факты, события или идеи. На совещании московских агитаторов я впервые узнал, что новое женское имя Октябрина приобрело уже до известной степени права гражданства. Есть имя Нинель (Ленин в обратном порядке). Называли имя Рэм (революция, электрификация, мир). Способ выразить связь с революцией заключается также и в наименовании младенцев именем Владимир, а также Ильич и даже Ленин (в качестве имени), Роза (в честь Люксембург) и пр. В некоторых

случаях рождение отмечалось полушутливой обрядностью, "осмотром" младенца при участии фабзавкома и особым протокольным "постановлением" о включении новорожденного в число граждан РСФСР. После этого открывалась пирушка».

Троцкий сокрушался, что быт не хочет мириться с «голым» браком «не украшенным театральностью», а оттого даже атеисты продолжают венчаться в церкви, подставляясь под партийные репрессии. Но в данном случае проблема решалась проще – той же «пирушкой». Более свадебного ритуала Троцкого тревожил ритуал похорон:

«Хоронить в землю неотпетого так же непривычно, чудно и зазорно, как и растить некрещеного. В тех случаях, когда похороны, в соответствии с личностью умершего, получают политическое значение, на сцену выступает новая театральная обрядность, пропитанная революционной символикой: красные знамена, революционный похоронный марш, прощальный ружейный залп. Некоторые из участников московского собеседования подчеркивали необходимость скорейшего перехода к сжиганию трупов и предлагали начать, для примера, с выдающихся работников революции, справедливо видя в этом могущественное орудие антицерковной и антирелигиозной пропаганды. Но, конечно, и сжигание трупов, - к чему пора бы действительно перейти, - не будет означать отказа от процессий, речей, марша и салютной стрельбы. Потребность во внешнем проявлении чувств могущественна и законна». «Уже и сейчас оркестр, выполняющий похоронный марш, способен, как оказывается, нередко конкурировать с церковным отпеванием. И мы должны, конечно, сделать оркестр нашим союзником в борьбе против церковной обрядности, основанной на рабьей вере в иной мир, где воздадут сторицей за зло и подлости земного мира. Еще более могущественным нашим союзником будет кинематограф».

Об этом писал Троцкий, проводил в жизнь – Сталин. Никакого идеологического противоречия между ними нет. Разница лишь в том, что один остался в истории как оппозиционер, а другой – как властитель. Марксистской догме они были в равной мере верны, исторической России и вере – тотально враждебны. Только один больше теоретически, а другой – практически. То, о чем говорил Троцкий, вошло в советскую действительность при Сталине.

Троцкий и Сталин ненавидели Россию, потому что только эта ненависть позволяла им быть значимыми в своих собственных глазах. Троцкий провозглашал: «На погребальных обломках России мы станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени». Троцкий лишь бросал лозунг, а Сталин его воплощал. Оба ошибались лишь в оценках долговечности своего проекта.

Меньшевизм Троцкого, как известно, образовался при обсуждении Устава на II съезде РСДРП, где он столкнулся с Лениным, предполагавшим, что партия – это не союз единомышленников, а подобие тайного ордена. «Мягкое» членство в партии за одно только согласие с ее программой такому подходу противоречило. А Троцкому претило требование дисциплины и опасность коллективной ответственности. Он хотел простора для своих фантазий, сиюминутных устремлений и незначительного риска – достаточного, чтобы слыть героем. Ему хватило бы театральной постановки, где он играет страдальца за народ. «Орден меченосцев» для него был делом слишком опасным, слишком сковывающим его творческую натуру. Он не хотел подчиняться мрачным меланхоликам.

Ошибка Троцкого была лишь в излишней открытости: другие партийцы не собирались ни в чем себя сковывать, но требовали от других подчинения дисциплине. Многие, включая Ленина, потом легко жили за границей, не отказывая себе в маленьких удовольствиях – от затяжной праздности до произвола политических сочинений. Троцкий поторопился оскандалиться, но вместе с тем легко получил лидерскую функцию – пусть в истории она и кажется теперь незавидной. Заняв позицию «над схваткой» как «внефракционый» социал-демократ, он, с одной стороны, вывел себя из-под пристального внимания властей, а с другой – ждал предложений от противоборствующих сторон во внутрипартийной склоке. И дождался к 1917 году.

Театральные жесты Сталин любил не меньше Троцкого, но все они имели не сюжетный, а «имиджевый» характер. Он любил удивлять собеседников внезапной осведомленностью или «видением» ситуации. Если Троцкий был и желал быть блестящим импровизатором, мастером риторических приемов, то Сталин тщательно готовил свои постановки и предпочитал, чтобы они носили символический, а не словесный характер. Говорить он не умел, а потому предпочитал, чтобы его понимали без слов. Ошибок понимания со стороны других он не прощал. Они подрывали его самооценку.

Троцкий не менее Сталина любил провокации, мистификации, подлоги, но у последнего для этого были широкие возможности. И он пользовался ими как в свое удовольствие, так и для своей выгоды.

Троцкого от троцкизма отделить невозможно – для этого масштаб его личности недостаточен. Со Сталиным современные мифологи совершают эту операцию: одно дело сталинизм, другое – Сталин. Сталинизм убивал, Сталин – спасал; сталинизм уничтожал Церковь, Сталин – возродил патриаршество; сталинизм уничтожал русский народ физически и духовно, а Сталин даже любил русский народ. Сталинизм воплощал в себе идеи троцкизма, а Сталин боролся с Троцким и троцкистами.

Эти анекдоты во многом обусловлены пристрастием самого Сталина к двусмысленностям, тайнам и мистицизму. Вера и смерть всегда побуждают необузданные натуры балансировать на грани, пугая других - как радикальностью решений, так и возможной крутой сменой настроения, при которой сегодняшние соратники обратятся во врагов и будут уничтожены.

Сталин выбрал для Троцкого странную смерть. Револьвер или кинжал выглядели в его глазах слишком примитивно. Иное дело – раскроить голову противника альпенштоком – стальным инструментом, для вырубания ступеней в обледенелом горном склоне. Может быть, Сталин придумал именно такой символизм?

Троцкий умирал театрально. Он заранее заготовил и, вероятно, потребовал записать свои последние слова: «Я верю в триумф интернационала! Вперед!». Эта сценическая реплика многое говорит о личности Троцкого.

Сталин умирал тайно. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем, сам ли он испустил дух или епископы партийного «ордена» решили, что его пора пришла. Но кровавый театр следовал за трупом Сталина. «Ордену» тоже нужен был театр, и сотни тысяч москвичей были брошены в страшную давку – на «прощание» со Сталиным. Не пойти было нельзя – так приучил вести себя людей Сталин. В театре Троцкого он был главным героем и главной жертвой. В театре сталинизма жертвой был народ, во многом породивший сталинизм и мечтавший о чем-то подобном в послереволюционной смуте.

Индустриализация: «русское чудо» на службе у большевиков

Термин «индустриализация», благодаря многолетней идеологической обработке народного самосознания, связывается в обыденных представлениях только и исключительно с промышленной политикой большевиков в 30-е годы XX века. Фальсификация истории настолько перераспределила исторические заслуги, то «русское чудо» периода правления императора Николая II оказалось практически неизвестным. Напротив, этому периоду, который как раз и был связан с бурным стартом русской индустриализации, приписывают кризисы и даже особенно тяжкое положение народа. Это не соответствует действительности.

Период становления промышленного могущества проходили в разные годы все ведущие державы мира. На XIX век приходится индустриализация США, Великобритании, Германии и Франции. Великобритания как ведущая промышленная держава сложилась за счет громадных средств, которые она выкачивала из колоний. То же самое можно сказать и о Франции. США использовали свое уникальное природное достояние, Германия – уникальный научный потенциал. Россия не имела колоний как источника средств для развития промышленности, а географические преимущества в XIX веке только складывались – благодаря восточной политике, закрепившей за нами громадные территории Сибири и Дальнего Востока.

По опыту других стран мы можем проследить, какими темпами развивалась индустриализация и сравнить ее с тем, что известно из истории нашей страны.

В 10-50-х года XIX в. Франция увеличила промышленное производство в 2 раза, в последующие десятилетия темпы роста увеличились втрое. В начале XX века темпы роста основных видов промышленной продукции возросли еще почти в 2 раза. Для нас Франция (если исключить колониальную политику) демонстрирует наиболее близкие исходные условия индустриализации. Россия показывала примерно те же темпы роста и владела примерной той же долей мирового промышленного производства. К 1913 по объему промышленного производства она приблизилась к Франции, а по машиностроению обогнала ее.

Германия, не имея достаточной ресурсной базы и будучи до 1871 года раздробленной на отдельные государства страной, проводила индустриализацию с задержкой. При общем незначительном росте экономики в 50-70-е годы XIX века Германия обеспечила приоритетный рост добычи угля и выплавки чугуна (рост в 5 и 7 раз соответственно). Примерно та же стратегия была выбрана и в России: концентрация на ключевых направлениях, определявших общее развитие хозяйства страны.

Россия, бурно развиваясь в период правления Александра III, к рубежу веков пришла готовой к индустриальному рывку. Темпы роста производства в России были рекордными, и в начале XX века свою долю в мировом производстве среди великих держав она быстро увеличивала вместе с США. В то же время Великобритания, Германия и Франция, несмотря на быстрое промышленное развитие, постепенно теряли свои позиции.

Необходимо понимание условий индустриального прорыва: он возможен только на базе предшествующего технологического уклада, с опорой на который развивается следующий, дающий более высокие темпы роста и принципиально новое качество экономики в целом. Аграрный сектор для всех проводящих индустриализацию стран был источником ресурсов. Россия, проводя в периферийных территориях политику подъема экономики и культуры, могла концентрировать ресурсы только за счет экономии в потреблении и за счет продажи продукции сельского хозяйства за рубеж. В дальнейшем, но уже совершенно варварским способом, за счет деревни проводилась советская индустриализация.

Конечно, подъем производства ни в одной стране не обходится без кризисов. Русская индустриализация затормозилась в период 1900-1908 за счет неурожайных лет. Зато последующие годы вплоть до начала Первой мировой войны были годами самого стремительного роста. Во время войны развитие промышленности вынужденно сконцентрировалось на отраслях, ориентированных на нужды фронта. Вынужденно же

происходило увеличение доли продажи зерна за рубеж, обеспечивающей дополнительные закупки вооружений, которые были необходимы всем без исключения воюющим державам. Следующий кризис индустриализации в России был связан с революциями 1917 года и последующей гражданской войной, когда общий уровень производства упал к 1920 (в сравнении с 1916) в 9 раз. Причем, это была не просто остановка производства, а разграбление промышленных предприятий (примерно то же самое произошло в России в 90-е годы XX века без всякой войны). Восстановление базового экономического уклада произошло лишь к концу 20-х годов, и тогда большевики смогли вернуться к задаче индустриализации, которая была придумана и разработана вовсе не ими.

Производство основных видов промышленной продукции, млн. тонн

Виды продукции	1887	1900	1913	1916	1920	1928	1932	1937
Уголь	4,5	16,2	29,1	34,5	8,7	35,5	64,4	128
Чугун	0,6	2,9	4,2	3,8	0,1	3,3	6,2	14,5
Сталь	0,5	2,7	4,2	4,3	0,2	4,3	5,9	17,7
Прокат			3,5	3,4	0,1	3,4	4,4	13,0
Нефть	2,5	10,4	10,2	10,0	3,8	11,6	21,4	28,5
Сахар	0,4	0,8	1,2			1,3	1,8	2,4

Исходя из данных о производстве основных видов продукции, характерной для периода «угля и стали», мы легко сможем увидеть, что революция и гражданская война остановили развитие России на 15-20 лет. А компенсация этого отставания произошла в годы Великой депрессии, когда Россия оказалась рынком сбыта для терпящих кризис перепроизводства европейских стран и США. За индустриализацию пришлось заплатить не только сокровищами, накопленными в предыдущие столетия, но и тяжелейшим положением народа и сверхэксплуатацией рабочей силы. Оправдать это невиданное напряжение можно только подготовкой к неизбежной войне, предпосылки которой были заложены не только в Версальском мире, но и в переворотах 1917 года.

Большевицкая индустриализация покоилась на политике концессий, позволивших перенести промышленные технологии Европы и США на территорию СССР, а также на экстенсивном расширении производства, которое превратило в жертву русскую деревню и заставило промышленных рабочих трудиться дольше и более интенсивно, чем в имперский период. Индустриализацию проводили, разумеется, не полевые командиры гражданской войны и не большевицкие лидеры, прошедшие свои «университеты» в тюрьмах и ссылках, а остатки старой инженерной интеллигенции царских времен и иностранные специалисты, строившие «под ключ» и запускавшие импортированные объекты индустрии на территории СССР.

Правильные оценки вклада в развитие страны тех или иных экономических концепций и идеологических доктрин могут состояться только в том случае, если сами эти концепции и доктрины не являются отправной точкой для таких оценок. Но именно это мы видим в мифологии большевицкой индустриализации, которая в действительности означала лишь продолжение общемирового процесса, особенно интенсивно проявившегося именно в России и начавшегося здесь в имперский период. Рекордные темпы роста промышленности в 30-е годы - это только продолжение тенденции, прерванной политическими переворотами.

Что касается рекламного слогана «Сталин принял Россию с сохой, а оставил с ядерной бомбой», то он насквозь лжив. Имперская Россия была промышленно развитой державой, входящей в пятерку наиболее развитых стран, а по темпам роста ее состояние можно оценить только как «русское чудо». Наблюдая за развитием России, ведущие мировые державы видели в ней опасного конкурента, который к середине XX века оставит их позади. Об этом говорили не только темпы роста в рамках начальных

индустриальных укладов, но и развитие науки, которая в России находилась на самых передовых позициях. Напротив, большевистская индустриализация смогла освоить лишь эти уклады и вошла во Вторую мировую войну, в которой решающую роль играли моторы, с достаточно низким уровнем технологий и технической культуры.

Сталину удалось в 30-е в некоторых отраслях компенсировать 20-летний провал в промышленном развитии, в котором повинны большевики. Прежде всего, в производстве вооружений. Поэтому СССР выиграл войну моторов у Германии (правда, погубив в самом начале громадную боевую мощь у самых границ – фактически все, что было накоплено за десятилетие самоотверженного труда всей страны). Но в ряде других отраслей, особенно в тех, которые должны были порождать новые производственные уклады, провал сохранился и оказался хроническим.

Продукция	**1913**	**1916**	**1920**	**1928**	**1932**	**1937**
Электроэнергия, млрд кВт·ч	2,0	2,6	0.5	5.0	13.5	36,2
Станки металлорежущие, тыс. шт.	1,8	3,6		2,0	19,7	48,5
Автомобили, тыс. шт.	0,13	0,3*		0,8	23,9	200
Тракторы, тыс.	-	-	-	1,3	48,9	51,0

*1914

Рост производства электроэнергии во время сталинских пятилеток впечатляет. Но он возник на базе созданных в Российской Империи мощностей, планов развития и технологий (комплексный план электрификации большевики почерпнули из разработок царского правительства). Надо сказать, что и остальной мир быстро развивал производство электроэнергии: с 1913 по 1935 рост в этой отрасли в США составил 5,5 раза, в Германии - 7 раз. При этом США в 1913 производили почти в 10 раз больше электроэнергии, чем Россия, а Германия примерно в 2-3 раза больше (по разным данным). В 1935-1937 году соотношение сохранилось. Существенного преимущества коммунистическая власть в данном случае не продемонстрировала. При этом ведущие страны шли впереди СССР по применению электроэнергии уже в новых технологических процессах.

По другим отраслям также можно проследить технологический задел, сложившийся до революции. Производство экспериментальных серий автомобилей происходило в Российской Империи почти синхронно с остальным миром. Опытные производства накануне воны уже выпускали малые серии автомобилей, во время войны выпускались сотни автомобилей, в 1916 году выделены средства на строительство 6 автомобильных заводов с готовым объемом производства 7,5 тыс. штук. Самолетостроение в России также шло в ногу с мировыми тенденциями, и создание советских КБ предшествовала работа русских изобретателей имперского периода. Новые технологии добычи нефти, примененные позднее в СССР, также были созданы в Российской Империи. Громадные успехи тракторостроения в СССР полностью совпадают с быстрым ростом тракторостроения в мире. Почти полное отсутствие производства тракторов в Российской Империи не демонстрирует отставания от остального мира, где до Первой мировой войны в развитых европейских странах использовались на полях лишь сотни машин (как и в России). Большое серийное производство тракторов началось в США только в 1917 году. А в Великобритании и Германии с началом войны производство тракторов полностью прекратилось. В России производство тракторов на Обуховском заводе было сорвано событиями 1917.

Научно-технический прорыв, последовавший за первыми фазами индустриализации, в СССР обеспечил главным образом оборонные отрасли.

Производство ракетно-ядерных вооружений позволило соблюсти военный паритет с ведущими державами, который понадобился только по причине идеологического вызова всему остальному миру. Идейное противостояние потребовало от народа колоссальных усилий и затрат, а также многих десятилетий скудного существования, накопившего взрывной потенциал недовольства властями. При этом научная и промышленная политика компартии «проморгала» следующий этап развития – информационный. В конце 80-х годов XX века у нас еще был шанс догнать ведущие державы в производстве микроэлектроники и персональных компьютеров, но крах СССР сделал это невозможным. Теперь мы проигрываем этап становления нано-био-технологий, замороженных у нас на уровне имитаций - по причине того, что опорные экономические уклады и научные школы у нас почти полностью разрушены в результате внедрения либеральных идеологических догматов.

Русское экономическое чудо связано вовсе не с большевиками, а с общими мировыми тенденциями и одной из ведущих ролей России в мире, которую обеспечило мудрое правление русских Государей. За 20-летний период до начала Первой мировой войны производство товаров, отражающих уровень развития страны, росло невероятными темпами: с 1893 по 1913 производство чугуна увеличилось в 5 раз, стали - в 13 раз, добыча угля - в 6 раз, переработка хлопка возросла в 7 раз, производство сахара увеличилось в 4 раза, производительность труда в промышленности выросла в 4 раза. Темпы роста производства промышленной продукции составляли в предвоенный период в среднем 9% в год. Общая доля в мировом производстве (совокупно промышленном и сельском) составила 7%. Во время Первой мировой войны Россия показала невиданные масштабы мобилизации промышленности, увеличив производство винтовок в 24 раза, пулеметов в 25 раз, производство артиллерийских орудий в 1915-1916 выросло в 2,5 раза, производство 3-х дюймовых снарядов с 1914 по 1915 увеличилось в 4 раза, производство патронов – в 3 раза, производство взрывчатых веществ – в 16 раз. При этом качество вооружений не уступало лучшим мировым образцам или превосходило их.

Ключевой показатель развития России – рост численности населения, который за 20 лет составил 32%. Россия по численности населения была третей страной мира, уступая только Индии и Китаю и прирастая в среднем на 3,3 млн. человек ежегодно. Расчеты показывали, что к 1985 году в России будет жить около 400 млн человек, причем более 2/3 это будут русские – великороссы, малорусы, белорусы. Результат оказался на треть ниже (недостача в основном за счет снижения числа детей и молодежи), а после либерального переворота постаревшая нация (прежде всего, русские) перестала воспроизводить себя.

Да, индустриализация России до 1913 года еще не достигла тех высот, которые позволяли говорить о ее первенсте в мире. Доля в мировом промышленном производстве почти вдвое уступала доле в населении мира (10,2%), а прорыв в подушевом исчислении показывали лишь отдельные отрасли (17,8% мировой добычи нефти, 10,2% производства сахара). Вместе с тем, подушевое производство в целом находилось на уровне Италии и Испании (что в современной России кажется уже совершенно недостижимым), а темпы роста производства обещали, что Россия подтянется к лидирующим державам (США, Великобритания, Германия) к середине XX века. Для грядущего технологического рывка Российской Империей был обеспечен надежный базис – научные и инженерные кадры, высокий уровень грамотности подрастающего поколения и молодежи, сеть железных дорог и самообеспечение железнодорожной техникой, необходимые объемы производства стали и добычи нефти. Рывок произошел, но уже при другом политическом режиме, который с огромными издержками реализовал потенции, которые были заложены в период правления Николая II. Еще раз подчеркнем, что замораживание индустиализации на 15-20 лет по политическим причинам так и не было компенсировано в XX веке.

Большевистская индустриализация подгонялась под догму: якобы, новый строй позволяет многократно увеличить производительность труда. Именно поэтому на первую пятилетку планировались фантастические темпы роста, которые не были реализованы и близко. В сельском хозяйстве и связанными с ним отраслях промылшенности, напротив,

произошел спад, обширные районы страны поразил беспрецедентный голод. Чтобы скрыть провал своих планов, большевики пошли на фальсификацию статистики (чем и теперь занимаются уже либеральные манипуляторы общественным сознанием). В реальности рост ВВП в 30-е годы в СССР находися на уровне Германии и Японии, опережая только те страны, которые наиболее сильно пострадали от Великой депрессии.

Нельзя пренебрегать огромным трудовым вкладом предшествующих поколений, которые в процессе индустриализации создали основу жизни нашей страны. Отдавая должное трудовым подвигам наших предков в 30-е годы, не стоит забывать, что без труда подданных Российской Империи промышленное могущество нашей страны не могло быть обеспечено никакими идеологическими фантазиями.

Сталин и сталинизм, история и политика

Представим первоначально контрастно-жесткую позицию, которую может занять русский человек по отношению к сталинскому периоду правления, и который весь есть Смута – помутнение народного самосознания, лишь отчасти прояснившееся во время войны.

Итак,

- Сталин прославился как типичный большевик, которому в «этой стране» ничего не жалко. Ему никогда и никого не было жалко. Особенно русских. Больше, чем Сталин, поубивал русских только Гитлер. Он вырос из живодерской и русофобской среды большевиков.

- Сталин – инородец по духу и марксист до мозга костей. Сталинизм - это марксизм плюс азиатчина. В ближайшем окружении Сталина всегда было полно евреев. Евреи Сталиным не уничтожались, а спасались. Партаппарат ими был набит до отказа. Лучше, чем в СССР евреи нигде не жили. Именно Сталин дал им Израиль. Чеченцы Сталиным не были уничтожены. Напротив, были избавлены от призыва в воюющую армию и сохранены от войны путем тотального вывоза в Казахстан.

- Сталиным массово уничтожались, прежде всего, русские люди. Русских Сталин ненавидел как инородец и марксист. Сталин никогда не боролся с русофобией. Никогда! Потому что сам был стопроцентным русофобом - помесью инородческой крови и марксистским чужебесием. Сталин был активным соучастником обрушения Империи. Сталин - один из злейших врагов русского народа. Целиком и полностью действовавший по программе Ленина и Троцкого. Добавив в нее свою животную инородческую натуру.

- Сталина нельзя противопоставлять Троцкому. Это все равно что выбирать между таджикским и чеченским уголовником. Сталин и Троцкий состояли в одной партии и исходили из одной и той же идеологической доктрины. Оба хуже. Две фракции живодеров дрались, пока одна не сожрала другую. Марксистом Сталин был всегда – достаточно взглянуть на прижизненное собрание сочинений. Сталин хотел не только быть, но и выглядеть твердокаменным марксистом и ленинцем.

- Что было бы без большевиков (а значит, и без Сталина), вполне ясно. Скорее всего, войны просто не было бы. А если бы была, то победа пришла бы вдвое быстрее и немцы не стояли бы под Москвой. Накануне и во время войны его риторика изменилась, поскольку мобилизовать народ против агрессора лозунгами интернационализма и классовой солидарности было невозможно. На крови русских Сталин учился основам военного искусства. Учился долго - почти два года. Миллионы русских за это время легли костьми в землю. Победа не может компенсировать этих потерь, не может служить поводом для оправдания грубых стратегических просчетов и примитивного идиотизма, которые оплачены жизнями миллионов русских. После Сталина осталась страна, разоренная войной, идиотизмом коммунистической бюрократии, с русофобами во главе.

- Приписывать Сталину заслуги нашего народа - верх недальновидности. Это выдумка, в которой наш злейший враг превращается чуть ли не в символ нации. После Сталина осталась держава большевиков - русофобская в своей основе, открыто декларировавшая русофобию, репрессировавшая все проявления русскости. Даже в рамках собственной партийной среды (Ленинградское дело).

- Русским мстят потомки жертв сталинских репрессий. Мстят не за один только 1937 год, а вообще за всю историю. 1937-й год – удобный предлог, как будто именно в нем и проявилось глубинное естество русской натуры. Есть и другие предлоги, но этот - самый удобный, потому что самый подлый. Его выдвигают русофобы как раз, чтобы русские по принципу «от противного» сами себе на голову призвали «ремейк» живодерства и очередную Смуту.

Это позиция крайняя, и не отражающая сложности эпохи. Но это позиция верная. Нюансы – удел исторических исследований, в которых Сталина нельзя вырывать из исторического контекста. Многие его действия были объективно обусловлены – прежде всего, состоявшимся захватом власти большевиками и крахом Империи. Можно погрузиться в причинно-следственные связи еще глубже, увидеть, что XX век во многом был предопределен предшествующими тремя столетиями. Если углубиться во все это, то эпоху большевистской Смуты можно не только проклясть, но и понять. Вопрос в последовательности. Скорее всего, проклясть придется раньше, чем понять.

К Сталину сегодня многие относятся как к божеству. Они ждут его пришествия. И повторения всего, что с ним связано. Молят о каре от какого-то нового Сталина. Мечтают, что сказочный персонаж материализуется из грез и покарает всех наших обидчиков – и наших личных врагов, и врагов Отечества. При этом забывают, что исключить себя из мироустройства, о котором мечтаешь, можно лишь мысленно. Реальность для всех общая.

С точки зрения сталинизма она такова:

- все партии, кроме одной, запрещены,
- страной правит заведомо нерусский человек без образования,
- закрыты все неподконтрольные власти СМИ,
- запрещено любое творчество, не регулируемое властью,
- за труд платят копейки и обязывают всех принимать эти условия,
- все частные предприятия закрыты, а их владельцы (кто не разбежался) – расстреляны,
- армия переведена на милиционную систему,
- сельский труд возможен только в колхозах, а кто не согласен – уничтожается или загоняется в лагеря,
- крупнейшие ученые и мыслители либо изгнаны из страны, либо посажены в тюрьму,
- в любую минуту любой человек может быть схвачен и заключен за решетку, где может сгинуть безвестно,
- любое продвижение по службе связано с «пролетарским» происхождением и членством в правящей партии,
- партийные предметы введены в обязательные для обучения программы школ и вузов,
- количество заключенных возросло вдвое,
- развитие национальных регионов происходит за счет центральных (русских) районов страны,
- созданы преимущества в замещении должностей, в образовании, при формировании социальных программ для периферийных народов,
- церкви по всей стране превращены в склады и отхожие места, священство полностью подконтрольно спецслужбам, церковь действует только в рамках, дозволенных партийным руководством,
- национальные сокровищницы и фонды музеев распродавались за рубеж…

Все это можно оспорить. И мы представим тезисы против и за такой образ сталинизма.

Тезис: СССР было государством незападного типа - по сути уникальным. Фактически было создано государство-фабрика. Это получалось, когда все предприятия

были национализированы, и земля тоже, и жилищный фонд в городах. Все население было работниками фабрики. Никаких безработных. В этих условиях в России-СССР не было никаких партий. ВКПб – не партия. Такую систему можно было принять, а можно было ненавидеть. В ней есть и плюсы и минусы. Никакого отношения к социализму или коммунизму она не имела никакого отношения: теория и практика разошлись в разные стороны.

Антитезис: Сталинизм нетрудно представить как комплексное и непротиворечивое явление. В идеальной модели – государство-фабрика выглядит как утопия. В реальности в этой утопии также была предусмотрена «утилизация» неугодных людей. Партийный контроль – одно из средств принуждения к лояльности, чекистские репрессии – инструмент расправы над неугодными элементами. Здесь все можно представить обусловленным исторически и тем самым оправдать. И даже устраниться от коммунистической доктрины, которая тоже утопия, но отличная от сталинизма. Проблема в другом: угодна ли нам теперь утопия сталинизма? Мы хотели бы ее воплощения в реальности?

Тезис: Случаев, когда во главе государства стоит иностранец или инородец – пруд пруди. Китаем правили манчжуры. Англией – норманны. Затем голландец. Потом – немцы. Испанией – французы. Наполеон – итальянец. Гитлер – австриец. Туск в Польше – кошуб. Романовы после Елизаветы – этнические немцы.

Антитезис: Ничего необычного в инородчестве правителя нет. Вопрос: стоит ли нам желать такого инородчества? Хотели бы мы видеть «заведомо нерусского» во главе России?Что касается Романовах, то они этнически русские, поскольку воспитаны в русской культуре. А антропологически их предки по женской линии мало чем отличаются от русских. Это просто биологический материал, идентичный русскому.

Тезис: Наполеон закрыл почти все газеты. Оставил на всю империю четыре штуки. Свобода печати – факультатив. В руках негодяев – оружие. Хотя конечно хотелось бы, чтобы всякая чиновная мразь не имитировала и не формировала общественное мнение. Но в иные периоды и цензура благотворна - когда интеллигенция сходит с ума. В России К.Победоносцев писал Александру III, что все газеты в руках евреев, и они распространяют крамолу. Ну и как тут без цензуры?

Антитезис: Речи о «свободе слова» нет. Цензура, действительно, бывает благотворна. Но цензура – это не утверждение единственно правильного мнения, которое совпадает с мнением начальства. И не утверждение единственно верного догмата. Это запрет сквернословия и бескультурия, распространения крамольных (антигосударственных) идей. Разве мы уже не имеем опыт тошнотворной подконтрольности СМИ? Хотим ли мы развития этой тенденции в направлении полной партизации всех источников информации?

Тезис: Творчество запретить нельзя.

Антитезис: Можно. Например, пулей в затылок. Или бульдозером.

Тезис: Экономический механизм в СССР– это регулируемая фабрика. В форме зарплаты выдавался минимум, но были общественные фонды потребления. И цены на потребительские товары были планово-убыточные. Задача была – максимально сократить массу денег в обращении. Все время старались сбалансировать товарную массу и объем денег у населения. Чтобы не было инфляции. Была своя логика.

Антитезис: Действительно, ОФП были. Да сплыли. И как ими пользовались, мы прекрасно знаем. У «корыта» сплошной стеной стояла партийная номенклатура с ее спецраспределителями и льготами. Реальность для обычных людей – это крайняя нищета. А в смягченной постсталинской форме – это еще и товарообеспечение через «заднее крыльцо». Мы хотим для себя вот такого порядка: когда денег у людей хватает только на самое необходимое, а все остальное – «для страны»?

Тезис: Неправда, что всех частников перестреляли. Их изжили: внутри государства-фабрики не может быть ничего частного. Надо иметь в виду хозяйственную организацию государства.

Антитезис: Перестреляли буквально всех, кто не бежал за границу. Выявляли и убивали. Позднее «цеховиков» сажали на большие сроки. И кому теперь по нраву вот это государство – подобие фабрики? Кто его в состоянии организовать? И чего это будет стоить? Одно дело – история, другое дело – попытка перенести ее в современность.

Тезис: В милиционной системе армии нет ничего плохого. Переход на милиционную систему в 1924 г был обусловлен развалом из-за революции и гражданской войны. Более 500 тыс. штыков и сабель содержать не могли. Отменили даже всеобщую воинскую повинность, которую восстановили лишь в 1939 году. Это плата за безумие Смуты. Отсюда, кстати – поражения первых месяцев войны 1941 года.

Антитезис: Важно хотите вы этого или нет? Есть ли ресурсы на содержание армии или нет – тоже неважно. Важно хотите ли вы ее содержать или нет? Что это плата за Смуту – понятно. Хотим ли мы новой Смуты, чтобы вот также ее оплатить? Хотим ли мы даже без Смуты заплатить просто так – разрушить армию?

Тезис: Коллективизация аграрного сектора – неизбежный шаг после всеобщей национализации промышленности и земли. Что касается раскулачивания, то это последствия революции, гражданской войны и результат марксисткой схоластики.

Антитезис: Коллективизация в одних случаях полезна, в других – вредна. Что от чего следует – дело другое. Вопрос в том, что мы хотим для себя? Мы хотим теперь коллективизации и истребления сельского частника?

Тезис: Изгнание ученых из страны – это преувеличение. Надо учесть состояние общества, взвинченного до предела войнами, революцией и гражданской войной. В итоге – крайности и подозрительность.

Антитезис: Русским ученым в СССР места не осталось. Советские ведущие ученые почти все прошли через тюрьму. Кто-то там сгинул, кто-то успел сбежать, некоторые выжили. Что общество было взвинчено, его не оправдывает. Вопрос: вы хотите, чтобы повторилась эта крайность? Или сталинизм мы будем принимать так: вот это нам сгодится, а вот этого – не надо? Кто сказал, что подобный отбор по нашим прихотям будет когда-то предоставлен? Если уж аналогия – то во всех существенных аспектах.

Тезис: «Пролетаризация» и партизация элиты - это последствие революции и гражданской войны. Нельзя же делать вид, что была благодать и вот она внезапно кончилась резней!

Антитезис: Никто не говорит, что до того была благодать. Напротив, сталинизм – прямое и логичное продолжение ленинизма. Проблема в другом: мы хотим вот теперь принять такую «пролетаризацию» и партизацию для любого, кто намерен продвигаться по службе?

Тезис: Просто так при Сталине никого не хватали и не сажали. Хотя и Ленин в 1922 писал: мы живем в море беззакония. Одно дело – период революционного хаоса и ожесточение гражданской войны. Другое – та форма правопорядка, которая сложилась позднее. Было бы преувеличением полагать, что в стране масштаба России все было под контролем. На местах царил произвол. И власть в центре пыталась его свести к минимуму.

Антитезис: «Просто так» - то есть, без правовых оснований. Примерно как сейчас разгоняют пикеты. Местный произвол был, разумеется. Но это часть той системы, относительно которой мы решаем для себя: нам нужно нечто подобное или нет? Мы хотим, чтобы прежний опыт бесконтрольности репрессивной машины был повторен?

Чтобы вести с мест об этом произволе были лишь свидетельством обострения классовой борьбы?

Тезис: В государстве-фабрике партизация образования – дело естественное. Там может быть только одна идеология. Нет причин для возмущения.

Антитезис: Нет причин, чтобы удивляться. Есть причина, чтобы этого не допустить. Или мы хотим, чтобы учебники снова переполнились тупой пропагандой, а в вузах заставляли штудировать «основоположников»? Хотим ли мы, чтобы причины (сталинизм) стали современными следствиями, и все повторилось?

Тезис: Рост числа заключенных после мировой войны, революции и гражданской войны – это нормальное дело. Уголовщина зашкаливала. Сейчас на 1 млн. населения сидит в лагерях даже больше.

Антитезис: Рост числа заключенных образовался к конце 30-х, а не после гражданской войны. А сейчас без войны сажать многим хочется как при Сталине. Каково будет жить в такой стране?

Тезис: Развитие периферии за счет центральных русских регионов - это результат русофобии доминирующей идеологии. Но и считать русских жертвами – нельзя. Стригут тех, кто не сопротивляется.

Антитезис: Жертвы – это виновники безобразий? Или все же те, кто эти безобразия организовал, прикрываясь целостной и внутренне непротиворечивой идеологией? Мы хотим подобной жертвенности при неосталинизме, о котором теперь грезит значительная часть общества?

Тезис: Преимущества для периферийных народов в сравнении с русскими - результат русофобии марксизма и революционеров в России.

Антитезис: Именно эта идеология была на вооружении у Сталина. Мы хотим продолжения этих рецидивов сталинизма, которые и теперь имеют место в России?

Тезис: Расцерковление образованного класса произошло задолго до 1917 года. Официальный атеизм правящего класса после 1917 - продукт эпохи Просвещения, доведенный до края. Не забудем и антицерковность в крестьянской массе. Иначе разрушения храмов были бы невозможны. Идти поперек народа никакая власть не будет - себе дороже.

Антитезис: Кроме расцерковленных есть всегда и воцерковленные. Мы им скажем, что они не вписываются в модель современного неосталинизма? А тем неверующим, которые все-таки уважают веру предков и их культурное наследие, заявим, что склады и отхожие места в церквях – это выбор народа, которому мы перечить не станем?

Тезис: Частичная продажа накопленных богатств была необходима для индустриализации. Да, было море злоупотреблений. Но свидетельства о них использовали враги России - заговорщики-горбачевцы.

Антитезис: Если это преувеличение, то где шкала оценки? Что есть «много», и что есть «мало» в таком случае? Если речь о сегодняшнем времени, то следует ли России начать распродажу музейных фондов, чтобы поддержать желающих повышения благосостояния народа? Или чающих инвестиций предпринимателей? Или мечтающих о модернизации правителей?

Тезис: К явлениям истории надо относиться диалектически, а не эмоционально. Нам может не нравиться тайфун, землетрясение, засуха, холера или чума, извержение вулкана, но они есть. Относительно сказанного: Сталин здесь чаще всего не причем. С 1922 по 1929 он - член правящей коллегии: Сталин правит наряду с Троцким, Каменевым, Зиновьевым, Бухариным, Рыковым и т.д. С 1929 по 1953 он – диктатор. Но он был

зависим, как любой автократор, от своего окружения. И к нему надо относиться как ко всем диктаторам мировых держав - продуктам революций. Революции, беременны диктатурой. Кромвель, Наполеон, Чанкайши были не хуже и не лучше.

Антитезис: Получается, что Сталин – просто портрет на стене, что он никаких решений не принимал. Люди относятся к истории именно эмоционально: дайте нам Сталина, чтобы он поубивал всех плохих и облагодетельствовал всех хороших! Сталин в реальной политике – это символ определенного общественного порядка. О нем и речь. Нам копировать сталинизм? Если да, то есть ли шанс, что страна при этом выживет?

Остается добавить, что Тезисы принадлежат Сергею Пыхтину, а Антитезисы – мне. В «наших спора без сна и покоя» мы пришли к простой истине: есть разница между историческим и психологическим портретом исторического персонажа. В историческом портрете личности почти что нет – она остается лишь обозначением эпохи, которая им самим руководит. Психологический портрет – это попытка понять «субъективный вклад» личности в историю. Который, разумеется, ограничен. При всех возможностях диктатора, он – продукт эпохи, а не наоборот. Главное, над чем он не властен, - это время. Вчерашний день становится исходным условиям для дня завтрашнего. Люди делают эпоху, но ведь и эпоха делает людей. Люди своими ошибками порождают Смуту, но, будучи порожденной, Смута предопределяет поступки людей. Ящик Пандоры чаще всего захлопывается сам собой, потому что вылетевшие демоны устали или насытились.

Уникальность личности Сталина во многом определена его долгожительством: образовались два противоречивых для национального сознания образа – палача и победителя. Отделить Победу от Сталина отчасти можно: он не был гениальным полководцем. Но тогда его фигура должна быть замещена какой-то достаточно яркой (например, маршала Жукова). Увы, пропагандистская машина олигархического режима ни в коем случае не даст этого сделать. Потому что режиму крайне невыгодно, чтобы русская история была осмыслена как нечто, происходящее помимо воли коммунистического руководства и коммунистической доктрины. Если русский народ по своей природе коммунист, то против него все средства хороши, и они будут введены в действие с привлечением ресурсов мировой олигархии. Русские в марксистском духе будут определены как «реакционный народ». И это подогревание смутного сознания в народе, ради того, чтобы он не мог не только пережить и переосмыслить прежние Смуты, но и преодолеть текущую Большую Смуту.

Как историческая фигура, Сталин совмещает в себе образ палача и образ победителя. Сталин как символ не может совмещать два этих образа. Именно поэтому в настоящее время происходит интенсивное отмежевание сталинистов от всех фактов, которые каким-либо образом дискредитируют Сталина как организатора уничтожения Российского Государства в 1917 году и автора массовых репрессий, затронувших вовсе не только коммунистическую номенклатуру и партийных радикалов-интернационалистов. Либеральные, олигархические круги заказывают иной портрет Сталина – тирана и узурпатора. Но чем больше от имени режима предлагается такая смысловая нагрузка на историческую личность, тем больше интереса она вызывает. Мы видим два образа Смуты, и оба – крайне вредны для русского народа, которому не оставляют выбора: здесь его будут раскалывать именем Сталина, который мертв и принадлежит уже отдаленной истории, но будет действовать как живой бог, обещающий карать с жестокостью, которую только можно представить себе по отношению к врагам.

Все оценки Сталина как личности – субъективны. Оценки его эпохи могут быть основаны на фактах, исторических аналогиях и логике. И это вполне научный подход. Но если речь идет о современности, о текущей политике, то никто не будет обращать внимание на научный метод исторических оценок. Вопрос именно в субъективных оценках, которые складываются в реальные политические предпочтения. Сталин в современно политике – это надежно отсутствующий персонаж, который лежит в гробу, но образ его призывают с такой надеждой, что иногда кажется, что он сможет выбраться из гроба. Сталинисты капризны: они не признают никакой «реинкарнации». Им нужна

подлинность: настоящий Сталин. И это момент психологический. Это образ коммунистического Апокалипсиса: когда с крахом известной нам истории (страны, государства, народа) настает царство справедливости и достатка – «новое небо и новая земля». Без деталей – просто «новое», и все. Лишь бы не «старое». Что «новое» может быть еще хуже, чем «старое», сталинистов не волнует.

Как бы Сталин ни стремился к пользе Отечества, он был рабом большевистской идеологии и заложником свершенных большевиками деяний. Если бы Сталин не был в них соучастником, то его кости гнили бы в могилах гражданской войны. Поэтому в образе Сталина есть все – и прагматическое стремление вести страну по наилучшей из возможных исторических траекторий (из тех, которые были предопределены в 1917), и прочная причастность к тому вреду, который при этом все равно наносился стране и народу. Ожесточение, которое возникло в обществе в результате мировой войны, революции, гражданской войны и марксистского фанатизма, на все бросило свою тень. Эта тень сгущает Смуту наших времен.

Россия могла бы погибнуть от большевистской Смуты. Но она выжила. И это оказалось возможным в условиях сталинизма. Быть ли за это благодарным Сталину? Это дело вкуса. Ясно лишь одно: ничто в образе Сталина преодолению нынешней Большой Смуты послужить не может. Только здравое и освобожденное от психозов историческое повествование о русской истории будет тем средством, которое освободит наш народ от бесовщины прежних смут и грядущей почти с фатальной неизбежностью катастрофы, которая угадывается как результат текущей Большой Смуты.

Два большевизма

Революционная политика стремится оторвать народ от продуктивного труда и бросить его в политические битвы, преследуя негодными методами неверно понятые интересы. Результатами этих битв стремятся воспользоваться те, для кого принцип «чем хуже, тем лучше» является допустимым и применимым против того государства, которое революционеры намерены обрушить. Но стоит власти пасть в руки вчерашних революционеров, они становятся «государственниками», отрекаясь от всего, к чему призывали совсем недавно.

Декларация прав народов России 1917 года, принятая самозваным Советом народных комиссаров, в полной мере соответствует разрушительной логике революции. В декларации говорилось о раскрепощении – отделении трудящихся от государства, власти закона, дисциплины военного времени. Объявив, что теперь никто не имеет никаких обязательств перед страной, большевистские комиссары заключили также, что и народы «раскрепощаются». Отменялось «натравливание народов друг на друга», «резня и погромы», «рабство», «гнет и произвол». По слову этой самозваной группы отныне устанавливалась политика «добровольного и честного союза народов России».

Разумеется, народ не может свидетельствовать о своих интересах иначе как через своих представителей. Никто таких представителей в 1917 году не избирал. Выборы в условиях войны были бы нелепостью. Да и не было среди российских народов практики выдвижения своих представителей сверх уровня местного самоуправления. Народ даже во время революционного брожения не мог не оставаться бессловесным субъектом, который проявлял себя разве что разрушительным бунтом, но вовсе не политическим самосознанием. Сказка об освобождении от любой дисциплины и ответственности была придумана большевиками с целью подбить к бунту, разнуздать самые мрачные силы, дремавшие в глубине социальных слоев, ощущавших государство и необходимость повседневного труда как непереносимое бремя.

Большевистская Декларация объявила, что «кадетская буржуазия», пришедшая к власти после февральского переворота, лишь усилила вражду и недоверие между народами. Взамен большевики обещали союз народов, понятый ими как соединение в революционную силу, направленную против этой самой «буржуазии». При этом парадоксальным образом соединение должно было быть достигнуто путем разъединения -

на основе принципа свободного самоопределения народов вплоть до отделения и образования самостоятельного государства. Принцип разъединения не раз провозглашался большевиками на Съездах Советов – фиктивных представительных форумах, которые никогда не избирались по какой-либо законной процедуре и в сущности никого не представляли. Большевики обещали тем, кто чувствовал свою ущемленность по национальному признаку - равенство, сепаратистам – суверенность новых государств, людям без рода и племени – отсутствие каких-либо признаков национальности, которые можно было защищать; паразитическим слоям – свободу развития в качестве меньшинств. Поманив порочные социальные группы своими посулами, использовав их в революции, большевики потом избавились от разрушителей государства. Они намерены были править если не всем миром, то хотя бы пространством Империи.

Коммунистический сепаратизм, вылившийся в концепцию «самоопределения вплоть до отделения», имеет корни в праздном образованном классе, который почему-то предположил, что народы России не живут, а мучаются под гнетом государства. А без государства они, якобы, должны расцвести, самоопределяясь в своей жизни. Но каким образом должно было состояться это самоопределение, анархо-интернационалисты не задумывались. А если бы задумались, то поняли бы, что любое самоопределение состоялось бы снова в виде государства. Образование такого государства без опыта правящих слоев, без традиции государственности могло принести народам только новые бедствия, связанные с неопытностью новых правителей, способных рассчитывать только на насилие. Понятно, что поляки еще помнили свою независимость, а их культурная и аристократическая элита были бережно сохранены в Империи. Понятно, что Финляндия, имевшая волей русского императора свой парламент и Конституцию, могла обособиться как самостоятельное государство. Но все остальные территории именно потому и потянулись к России, что в них не было никаких сил, чтобы организовать новые государства. Империя восстановилась, став из «белой» «красной». Нигилисты, мечтавшие о ликвидации государства, были попросту перебиты. Но вирус большевистской революции не был удален из государственного организма. Он вывернул Империю, сделав ее Антиимперией. Он превратил русское государство в антирусское, русскую власть заменил интернационалом меньшинств. Такое государство могло существовать только насилием, диктатом. Застой и крах были его неизбежной судьбой.

Обособившиеся волей большевиков государства вовсе не были так уж самостоятельны, их народы вовсе не получили свободных условий саморазвития и формирования собственной власти. Финляндия стала государством вовсе не по воле «отпустивших» их большевиков. Финны не были готовы к госстроительству. Вспыхнувшая распря между ними была подавлена только германскими войсками, занимавшими все территории, которые не могли или не хотели удерживать большевики. Только германский «настрой» подвиг финнов стать самостоятельным государством. И это стало возможным только потому, что антибольшевистская коалиция стояла у них за спиной. То же произошло с Польшей. Суверенность поляков как тогда, так и сейчас, является призрачной. Польша и Финляндия – государства, возникшие из паритета противостоящих исторических наций, но вовсе не потому, что их народам свойственно стремление к самоопределению. Стремление к государственному строительству и суверенному существованию – чрезвычайно редкое явление, свойственное далеко не всем народам и не во все исторические периоды их существования.

Еще до сталинского наступления на интернациональный нигилизм («красный» глобализм, говоря современным языком) инстинкт власти создавал для «классических» марксистов крайне неблагоприятные условия. Так, уже в 1922 году накануне Генуэзской конференции, где должно было состояться формальное признание «мировым сообществом» существования Советов как легитимной власти, по марксистам был нанесен удар. Вопреки мнению наркоминдела Г.В.Чичерина, страшавшего опасностью нового империализма (как ныне говорят об «имперских амбициях» России), РСФСР, Азербайджанская ССР, Армянская ССР, БССР, Бухарская Народная Советская Республика, Грузинская ССР, Дальневосточная Республика, УССР и Хорезмская

Советская Республика подписали соглашение о передаче РСФСР всех полномочий по защите их интересов на международных переговорах. Протесты председателя Совнаркома Украины Х.Г.Раковского против распространения заключенных РСФСР торговых договоров на другие республики было осуждено большевистской партией как «национал-уклонизм». «Красные» большевики хотели править Россией и препятствовали ее дроблению. Необольшевики хотят править транснациональными корпорациями, а не Россией. Поэтому они готовы вместе с мировой олигархией покуситься на сам принцип государственного суверенитета. Россия для них – лишь своеобразный «взнос» в глобальное акционерное общество мировой олигархии.

Если для «красных» большевиков федерализм был лишь формально сохраняемым символом их прежних обещаний, то для «белых» большевиков нашего времени федерализм стал средством обмана. Федерализм оказался стадией разрушения государства, обезболивающим фактором, подспудно мобилизующим интернационал-сепаратистов против государственного единства как такового. Ослабление государства явилось их главным средством для захвата национального достояния и превращения России в колонию мировой олигархии.

Принцип национал-федерализма, изобретенный большевиками, стал составной частью ельцинизма, но применимым не формально, а реально. Изначально РСФРС учреждалась как «союз свободных наций». При этом русское большинство из «наций» выпадало. Создавалась федерация меньшинств во главе с большевиками. В пылу гражданской войны русские даже не заметили, что новая государственность имела русофобскую основу. Впоследствии в советском государственном строительстве боролись две тенденции. Хозяйственная элита пыталась районировать страну в соответствии с экономической целесообразностью, идеологические кадры препятствовали этому, находя причины для сохранения статуса Союза как договорной федерации. В 1991 году, когда власть всего лишь пошатнулась, договор был формально отменен и государство было легко разрушено. Хозяйственная элита была лишена силы за счет нового идеологического прессинга со стороны либералов, а затем – в результате приватизации и становления «коррупционной вертикали».

Антигосударственная политика большевиков и их ставка на возбуждение русофобии, национальной вражды и сепаратистских движений целиком и полностью аналогична политике ельцинистов, которые в борьбе с союзным центром также опирались на национальные фобии и преступные группировки «самостийников», взлелеянные советской кадровой политикой. Соратники Ленина после захвата власти быстро сориентировались и перешли от разрушения государства к его защите и укреплению, а «необольшевики», в силу своей либеральной беспочвенности, хоть и установили полицейский режим, но вовсе не ради прочного государства, а лишь ради того, чтобы постепенно «стравливать» государствостроительную энергию русского народа, сдать страну в управление глобальной олигархии. Большевики сдали этносепаратистам только Польшу и Финляндию, «необольшевики» - огромные территории с русским «нетитульным» населением, которое тут же подверглось геноциду со стороны этноолигархий – вчерашних этнических кланов внутри компартии.

Большевистский сепаратизм был усмирен сталинской партократией, создавшей формально свободный союз советских республик, реально стянутый в единую политическую и хозяйственную систему сетью парторганизаций и карательных органов госбезопасности. Нынешний либеральный сепаратизм стал не только инициатором Беловежского сговора 1991 года, разрушившего единое государство, но и всей последующей политики возвышения «титульных» олигархий уже на территории Российской Федерации.

Сходство коммунистического и либерального большевизма наблюдается в главном вопросе, от решения которого зависит ближайшее будущее России. Речь идет о русском народе и русофобии. Большевики начала XX века и начала XXI века едины в своей злобе против русских. Ленин рассматривал русских как национальность, великодержавно угнетавшую другие национальности Империи. В порядке компенсации Ленин предлагал

унизить русских и фактически дать привилегии всем остальным народам. Что и было сделано. Русские были лишены статуса народа. Точно то же самое происходит сегодня. В государственной риторике, в законодательстве понятие «русский народ» не существует. Полицейские репрессии направлены против роста русского самосознания, против русского сопротивления этнобандитизму, против русских общественных движений, против участия русских партий во власти.

Два большевизма, по виду непримиримых, выполняют одну и ту же миссию – разрушение России и уничтожение русского народа. Адепты того и другого пытаются превратить политику в спор между собой. Русским надо обе идеологические доктрины рассматривать как враждебные, как побуждающие союзные русским народы к русофобии и сепаратизму. Русский национальный интерес – единая и неделимая русская держава, в которой другим народам есть достойное место, но нет места сепаратистам, русофобам, анархистам и нигилистам, нет места как «красным», так и «белым» большевикам.

Контрреволюция: смутьяны против смутьянов

«Белые» мятежи

Русскую историю до сих пор пытаются представить как повод для идеологических споров, доводящих людей до взаимной ненависти. Между тем, русская история – это цепь триумфов и трагедий. XX век был особенно богат именно на трагедии, изорвавшие миллионы человеческих судеб и саму страны в клочья. Ужасные заблуждения приводили патриотов России к безумным решениям, к бессмысленным бунтам, к «незнанию России посреди России» (Гоголь).

Драматические события Гражданской войны 1918-1922 гг. за давностью лет, стертостью советской и постсоветской пропагандой представляются как глупая в своей непримиримости схватка «белых» и «красных». При этом «белые» чаще всего считаются защитниками прежнего образа жизни, империи и самодержавия. Это курьезное заблуждение уже не раз опровергалось. Но также и вновь утверждались – например, призывами примирить «белое» и «красное», будто бы подвигающми нас к изживанию исторического конфликта размахом в весь XX век.

Не раз государственные мужи и приближенные к власти журналисты провозглашали свою приверженность Февралю – мятежу, за которым последовал крах государственности и большевистский бунт. Но в массовом сознании все никак не утвердится представление, что в Гражданскую войну в смертельной схватке сцепились две республиканские силы – либеральная и коммунистическая. Приверженцы империи и монархии либо оказались вне этого конфликта, либо участвовали в нем на обеих сторонах, стремясь отомстить – либо февралистам за уничтожение монархической государственности, либо большевикам – за всероссийский погром и грабеж.

«Белые» проиграли именно потому, что были либералами-республиканцами, не имевшими никакой опоры в народе, его традициях и пристрастиях. «Красные» потому и выиграли, что придумали «красного монарха» и новую аристократию – партийную номенклатуру. Нынешние либералы, стоящие у власти, потому и не могут управлять государством, что их конфликт с «красными» не может быть завершен, а без этого конфликта недееспособность либеральной доктрины станет для народа более чем очевидной.

Восстав против большевицкого мятежа, Белое движение опоздало на два десятка лет. Когда необходимо было сплочение сил в среде интеллигенции, офицерства, придворной аристократии, русское общество разъедалось изменническими выдумками о России и заразой западных политических учений. Традиция Империи была тяжела для праздных натур. Они не понимали, что эта тяжесть может быть заменена только катастрофой – потопом преступности, живодерства, кощунства. Они не могли понять, на что поднимают руку, когда злоумышляли против Императора и Империи. Получилось, что образованные, родовитые, служилые слои общества были поражены тем же вирусом «свободы», что и в прежние времена декабристы. Они упивались новомодными европейскими философиями, вульгарным марксизмом, прелестями западного парламентаризма и не ценили своей собственной, русской цивилизации. За что и поплатились. Не только разложившиеся социальные слои Империи, но и последующие поколения.

Еще в советский период популярность приобрели романы, романсы и фильмы, проливающие слезу над потерявшими Родину «белыми». В то же время за скобками остался вопрос о том, как же это им удалось потерять то, что они считали самым ценным? Была ли для них Родина самым ценным? Нет! Более ценными для них были собственные умствования и подхваченные по случаю глупости. Из всего этого вырос настрой на измену, целый сонм носителей измены, который Достоевский назвал «Бесы». Бесы завелись не у станка и на пашне, а за книгой и в салонном трепе. И только потеряв самое дорогое – Родину, ведущие слои общества обнаружили в себе любовь к ней. И бросились спасать то, что они, как оказалось, так любили и с таким пренебрежением готовы были отбросить.

Могли ли победить «белые»? Могли. Большевики не пользовались поддержкой населения и не имели ни опыта ведения военных действий, ни достаточных ресурсов для ведения войны. Почему же «белые» не победили? Потому что у них ситуация была еще хуже. Высшее руководство «белых» фронтов было по большей части бездарно и рассчитывало взять страну наступлением от периферии к центру «нахрапом». Никакого объединения сил при этом не было. Каждый мнил себя спасителем России, презирая остальных. Никакого понимания, что отвоевывают «белые», у них не было. Зато была ненависть и месть – плохие советчики в том, чтобы приобрести доверие населения и сплотить антибольшевицкие силы.

За «красными» были крупные города, куда стекался дезертирский сброд и где разграбление арсеналов создало целую армию безжалостных карателей, готовых вырвать хлеб у крестьянина, не заплатив ему ничего. Тем самым, казалось бы, крестьянство должно было бы стать на сторону «белых». Но «белые» ничего не обещали – ни земли, ни воли, ни даже прежнего порядка и законности. Крестьянство помнило, что отвечает только перед Богом и Царем. А чиновников оно никогда не уважало, зная притеснения бюрократии – выродившегося ведущего слоя, который уже никуда не вел. Если Царя нет, то нет никакого мотива для лояльности к «белым». Крестьянство раскололось - по воле судьбы одни оказались у «белых», другие – у «красных». В итоге перевес оказался на стороне пролетарских банд. А от них (по «железному закону олигархии») власть перетекла в руки узкого слоя партийных функционеров – наиболее жестоких карателей или наиболее пронырливых распорядителей.

Осмыслен ли был в Белом движении изначальный порок, сделавший бесполезным все усилия, всю жертвенность «белой гвардии»? Нет. «Белые» не были монархистами, они не имели представления о ценности Империи как правовой архитектуры, выстроенной на фундаменте Традиции. Они бредили Вольтером и Руссо, они важничали цитатами из Маркса, их увлекали газетные выдумки и фантазии салонных ораторов. Они не любили Россию «какой ее нам Бог дал» (Пушкин), а в Гражданской войне видели свою задачу только в том, чтобы «вернуть старое», понимая под этим какие-то смутные воспоминания о частном быте. Но «старое» невозможно было восстановить, как невозможно склеить однажды разбитую вдребезги вазу. Поэтому цеплялись за новые образцы мозгоблудия – эсеровщину, меньшевизм, конституционализм и т.д. Идейный хаос не давал здравым идеям реставрации взять верх. Не случайно Троцкий признался, что боялся больше всего, что «белые» поднимут на щит идею Белого царя. Идея Царства моментально объединила бы крестьянство и аристократию, а также квалифицированных рабочих, которым разгул анархии не мог быть по душе. Но лидеры Белого движения предпочитали исходить из принципа: дерусь, потому что дерусь. И от безысходности придерживаться принципа «непредрешенчества»: мол, сначала перебьем большевиков, а там посмотрим. Не вышло. Успехи тактического плана по этой причине быстро обернулись стратегическим поражением. Невозможно было ни расколоть ряды противника, ни консолидировать собственные ряды, не сказав ясно и понятно, за что люди идут умирать на фронтах гражданской войны.

Увы, отсутствие понимания своих собственных грехов не пришло к «белым» и в эмиграции. В среде изгнанников искали вину за катастрофу где угодно, только не у себя. Главным объектом оскорбительной и клеветнической критики стал замученный изуверами Государь Николай II. Ему, кто до конца стоял за Империю, кто пошел на Голгофу вместе со своей семьей, люди, предавшие Империю, проигравшие все на свете, промотавшие свою Родину, предъявляли претензии, которые кочевали из одних мемуаров в другие. А теперь все эти авгиевы напластования для иных историков становятся чуть ли ни документальной основной их исследований!

Ничего не поняли эмигрантские массы и в природе Советской России. Они ждали ее крушения со дня на день, не понимая, что политтехнологи тирании пришли на многие десятилетия. Раз уступив, уже ничего быстро не вернешь. То, чего дворянство не смогло совершить с революцией диктатурой законов военного времени, революция десятикратно сотворила не только с дворянством, но и со всем народом.

Эмигранты продолжали мыслить категориями гражданской войны, в которой ничего не поняли. И многие из них с радостью пошли за Гитлером, полагая, что большевики – большая беда, чем иноземное нашествие. Они не понимали, что кайзеровские войска – это армия другой эпохи. Они не поняли, что современность – это тотальная война. Что очень хорошо осознали немцы, разобрав в философском анализе все пороки Веймарской республики и собственной революции, понятой как позор. Поэтому те, кто вступил в РОА или сотрудничал с немецкой разведкой, оказались в стане врага, который воевал не с большевиками, а с Россией и русским народом. Гражданская война давно закончилась, а мировая война решала совсем другие проблемы. Эмиграция же в значительной своей части перепутала эпохи. Чем подтвердил свою патологическую несостоятельность.

При всем этом русская эмиграция сохранила для нас знание о той «старой» России, Святой Руси, которую она потеряла. Русское зарубежье сохранило интеллектуальную среду, где продолжилась русская философия, русская историческая наука, русская литература. Связь с изначальной Россией осуществилась помимо политических заблуждений, вне бесплодных словесных баталий.

Заносчивые оценки в адрес тех, кто пережил русскую трагедию, выглядят сегодня как посягательство на Россию. Люди, не сделавшие для России ничего, обрушиваются на память о героях, проливавших кровь за Отечество – прежде всего, в Первой мировой войне. Да, многим из них можно теперь предъявить претензии за последующие ошибки. Но как же можно перечеркивать ту часть их жизни, что была отдана Отечеству? Как можно судить развязным языком современности тех, кто видел и понимал большевизм как страшную машину уничтожения русского народа? Подобные суждения обеляют «красных», которые как будто ни к чему не причастны: не переходили в стан врага, не бежали перед его армиями, не предавали и не трусили… «Белые», при всей их вине за крах Империи, отличаются от «красных» жертвенностью самой высокой пробы: когда не остается никакого смысла в позе, в самолюбовании, в надеждах на одобрение других, а ответ дается только перед Богом. Судьбы «белых» офицеров, профессоров, писателей – это отражение судьбы Отечества, ушедшего в воды истории, в народную память, чтобы возродиться вновь как надежда на грядущее величие России. Ничего подобного нет и не может быть у «красных» - приветствующих еще и сегодня разрыв истории и низвержение России, победы «бесов» над русским народом.

Мы склоняем головы перед воинской доблестью солдат и офицеров любой армии. Подвиг всюду подвиг. Даже если его совершают люди, одетые в форму чужих войск. Поэтому мы должны отдать должное в равной степени Каппелю и Чапаеву, Юденичу и Фрунзе. Но все это не имеет никакого отношения к общеполитической оценке Белого движения как негодной и запоздалой формы борьбы с большевиками. «Белые» столь же ответственны за разорение России, как и «красные». Не было в Гражданской войне правых. Все были неправы, все замешаны в измене и зверствах против собственного народа, все были «левыми». Но первыми удар по России нанесли как раз те, кто потом готов был сражаться с большевиками насмерть – теми, кто восторженно принял Февральскую революцию. Лучше бы они сражались насмерть с изменой, погубившей Империю.

Отсутствие правоты у «белых» и «красных» дает нам основание преодолеть в современном обществе все еще ведущуюся гражданскую войну. Для этого требуется преодолеть «партийность» в исторических оценках, отказаться от идеализации какой-либо из сторон, преодолеть страсть к фантазиям и романтическим выдумкам, фабрикующим образы «рыцарей без страха и упрека». В русской истории достаточно достойных, героических фигур, чтобы видеть в них символы национального единства. А становиться на одну из сторон в гражданской войне – значит, покушаться на это единство.

Мы должны осознать, что Октябрь является прямым следствием Февраля, что «белый» террор является прямым продолжением «красного». И те, и те – соучастники в крахе Империи, в массовой измене Вере, Царю и Отечеству. Такое понимание позволит нам воссоединиться с собственной историей – прежде всего, с историей Империи. И не

видеть ни в свержении монархии в результате заговора, ни в торжестве большевиков в результате братоубийственной войны ничего позитивного, что можно было бы признавать основой российской государственности.

Опыт русской трагедии дает нам урок: не быть «левыми». Правда за «правыми» - традиционалистами, консерваторами, националистами, монархистами. А измена, трусость и обман – удел «левых»: коммунистов, социалистов, социал-демократов, либералов, анархистов, нацистов. Путаясь в «левых» теориях, Россия в XX веке пережила несколько катастроф, теряя миллионы человеческих жизней, а с 1991 года – огромные территории. Когда говорят, что «лимит на революции исчерпан», то забывают, что все эти революции исходят от «левизны». Русская трагедия, чтобы остаться для будущего России только опытом, должна быть пережита в реставрации русской государственной Традиции. А это значит масштабное изменение всего уклада жизни, который теперь носит совершенно гибельный для народа характер и обещает новые катастрофы, трагедии и утраты.

***

14 ноября 1920 года из Севастополя в Константинополь отбыл последний пароход с остатками разбитых «белых» армий. Гражданская война переместилась на местный, локальный уровень, а также на отдаленную периферию Империи. 10/23 июля 1922 года во Владивостоке открылся Приамурский Земской Собор, провозгласивший возвращение к принципам монархической государственности. История не дала шанса проверить эти принципы на прочность. Приамурский плацдарм русской государственности был разгромлен войсками большевиков.

Финал Гражданской войны, истерзавшей Россию в начале XX века, отмечен уникальной попыткой возвращения к монархии. Потеряв огромную страну, вчерашние республиканцы, отброшенные на удаленную окраину бывшей империи, вдруг одумались. Власть, почти случайно упавшая им в руки в 1921 году после серии переворотов, надо было обосновать какой-то концепцией государства. Поначалу Приамурское Временное правительство обратилось к «несоциалистическому народовластию» - собрало странный форум «представителей населения Дальнего Востока». И целый год ушел на речи народных витий, ратовавших за Учредительное Собрание. Пока в жесточайшем конфликте не схватились сторонники правительства и народного собрания. Междоусобица была остановлена лишь созывом Земского Собора и обращением к монархической традиции.

Михаил Дитерихс

Монархический принцип требовал воцарения законного самодержца немедленно подчиниться воле правителя-диктатора. Таковым стал генерал-лейтенант Михаил Константинович Дитерихс – потомок выходцев из Чехии, один из разработчиков знаменитого Брусиловского прорыва, сподвижник адмирала Колчака, организатор расследования убийства Государя и его семьи в Екатеринбурге. Генерал Детерихс и был утвержден Земским Собором временным главой Приамурского государственного образования.

Хаос братоубийственной войны и предреволюционной смуты в умах не мог не отразиться на работе Приамурского Земского Собора, на искажении монархического принципа крайней его формализацией. Невиданная помпезность ритуалов, парадов, клятв, присяг, речей ораторов и публикаций прессы затмевала задачи обороны Приамурья и солидаризации народа вокруг этой задачи.

Земский Собор формировался по сословному

принципу, но в то же время вопреки этому принципу привлекал представителей несоциалистических организаций – несословных объединений. Кроме того, в составе Земского Собора были предусмотрены места Временному Правительству и гражданским ведомствам. Власть, таким образом, исходила не только от представителей сословий, но и от тех, кто должен был утверждаться при должностях Собором или избранным им правителем. Территориальный принцип также не был соблюден – городские представители явно превосходили сельских, где, собственно, и решался вопрос о поддержке населением новой власти.

Приморская власть оказалась без какой-либо социальной концепции, достойной быть донесенной до населения. Все, что удалось внятно произнести, сводилось к обещаниям служить благу и пользе населения, блюсти законы и исторические заветы, следовать нравственно-религиозным основам государственности, а также удержать Приморье в составе России. Задача победы над Советами и созыв Всероссийского Земского Собора с целью определения царя из династии Романовых затмевала в головах приамурских монархистов насущные проблемы управления в чрезвычайной ситуации, когда всякий романтизм был крайне опасным увлечением.

Принцип «Вера и Земля», рассчитанный на период междуцарствия, воплотился в приходскую систему организации местного самоуправления в противовес ранее принятому земскому. Эта реформа ослабляла необходимую централизацию власти. Население края было занято беспрерывными выборами и соборами местного значения. Исконные основы жизни восстанавливались применительно к мирному периоду, что было роковой ошибкой. Перед неизбежностью военного вторжения верхом недальновидности было учреждение Земской Думы численность в 326 человек. Ошибочным было также изгнание из Приамурья всех неверующих, отказ в предоставлении им гражданских прав. Это вело к лицемерию, к имитации веры, к бесплодной распре. Организация церковно-общественного процесса не годилась для условий, когда за веру нужно было сражаться с оружием в руках. Приамурская Земская Рать к наступлению большевиков оказалась практически без стрелкового оружия, численно ничтожной и не имевшей поддержки населения.

Монархическая государственность Приамурья продержалась всего три месяца и пала под ударами «красных», триумфально закончивших свой поход против Империи на берегу Тихого океана.

Кронштадт: мятеж уставших от войны

К 1921 году Гражданская война в основном стихла, продолжая тлеть лишь на периферии измученной России. Но в действительности еще десятилетие страну будут потрясать бунты и мятежи, а чистки и репрессии растянутся на два десятилетия – вплоть до войны. Власть большевиков, продолжавших править методами чрезвычайщины, не могла не затрагивать широкие слои населения, которое устало от войны. Протест вылился в ряд антибольшевистских восстаний, наиболее ярким из которых историки считают «Кронштадтский мятеж».

М.Калинин

28 февраля 1921 года моряки линейных кораблей «Петропавловск» и «Севастополь» приняли антибольшевистскую резолюцию, которая затем была поддержана общим собранием кронштадтцев.

1 марта на Якорной площади Кронштадта прошел митинг-собрание, на который прибыл председатель ВЦИК Михаи Калинин. За смелость (он прибыл без охраны, но почему-то в сопровождении жены) его встретили аплодисментами. Но настроение моряков и рабочих быстро изменилось. Оратору кричали: «Кончай старые песни! Хлеба давай!» Одной из причин восстания

был начавшийся голод. Резолюция митинга была проголосована вопреки воле большевистского лидера и не сулила примирения.

За годы гражданской войны Советы фактически превратились в штабы большевиков и не избирались народом. Поэтому моряки потребовали выборов в Советы тайным голосованием с предварительной свободной агитацией, обеспечением свободы слова, собраний, профессиональных союзов и крестьянских объединений. Они думали, что участвуют в народной революции, а выходило строго по Марксу: диктатура пролетариата, выраженная в диктатуре партии.

Окончание войны должно было означать снятие военного положения. Но большевики на это не пошли. Именно поэтому у кронштадтцев возникло требование устранить большевистские политотделы и заградотряды, а также уравнять продовольственный паек – то есть, устранить то средство, которым большевики подавляли любые проявления несогласия с их действиями. Кронштадтцы потребовали также распустить специальные коммунистические отряды в воинских частях и на производстве, которые фактически выполняли роль карательных подразделений.

Подавление произвольной трудовой деятельности в период войны было продолжено большевиками и после окончания боевых действий. Кронштадтцы потребовали права для крестьян свободно трудиться на своей земле, а рабочим-кустарям заниматься своим производством.

Кронштадтцы, будучи соучастниками гражданской войны на стороне большевиков, добивались освобождения политзаключенных только из числа социалистических партий и крестьянских и рабочих движений. Это означало, что за ними не было и быть не могло никакого «белого» заговора. Голос Кронштадта был голосом народа, уставшего от войны и чрезвычайщины, от идеологического давления и унижения личности. Кронштадцы были призваны на службу из крестьянских и рабочих семей, знавших, что такое продразверстка и военный коммунизм. Но они так и не поняли, что большевистская революция совершалась строго по марксистской догме, и ее теоретическое живодерство было принято большевиками как руководство к действию.

Калинин в отчаянии крикнул на митинге: «Ваши сыновья будут стыдиться вас! Они никогда не простят вам сегодняшний день, этот час, когда вы по собственной воле предали рабочий класс!» Его согнали с трибуны оглушительным свистом. Если бы Калинин не поспешил уехать, то в ночь был бы арестован вместе с комиссаром Балтфлота Кузьминым, руководителями Кронштадтского совета и коммунистами (всего было арестовано около 600 человек).

Ситуация очевидным образом вела к жесткой конфронтации с большевиками, не собиравшимися отказываться от своей монополии на власть. Поэтому 2 марта в Кронштадте был образован временный революционный комитет, призывающий к новой революции.

В резолюции кронштадцев не было лозунга «свободы торговли» и «за Советы без коммунистов». Но именно так была интерпретирована их позиция большевистской пропагандой. Среди кронштадтцев не было эсеров и меньшевиков. Но именно их влиянию большевики приписывали кронштадтское восстание. «Петроградская правда» 4 марта 1921 г. писала: *«Из-за спины эсеров и меньшевиков уже выглянули оскаленные зубы бывших царских генералов».*

Восставших убеждали, что советская власть повсюду крепка. Им угрожали от имени Комитета обороны Петрограда: *«Вы окружены со всех сторон. Пройдет еще несколько часов, и вы вынуждены будете сдаваться. У Кронштадта нет хлеба, нет топлива. Если вы будете упорствовать, вас перестреляют, как куропаток».* 5 марта председатель Реввоенсовета Советской Республики Лев Троцкий предъявил Кронштадту ультиматум, переданный по радио.

В подтверждение своих слов 6 марта большевики стянули к Кронштадту войска. В фортах Сестрорецк, Лисий Нос и Красная Горка и соседних укреплениях сосредоточились вызванные с фронта дивизии, полки курсантов, отряды ЧК и коммунистические загранотряды. Командовать штурмом был назначен Тухачевский. 7 марта начались артобстрелы города и бомбардировка с воздуха. Кронштадт ответил залпами своих орудий. Последующие дни отмечены плохо организованными попытками взять Кронштадт. Все попытки штурма были отбиты. Ледяное пространство вокруг Кронштадта было усеяно трупами. Помощи, на которую рассчитывал, Кронштадт не получал, и с каждым днем его сопротивление слабело. К вечеру 16 марта большевики взяли несколько фортов.

Кронштадтское восстание произошло накануне X съезда РКП(б). Почти 300 делегатов были мобилизованы для штурма крепости и брошены на лед под орудийные выстрелы и пулеметные очереди. Это демонстрирует статус делегатов, которых большевики в грош не ставили, – пушечное мясо гражданской войны. Участие делегатов в штурме также свидетельствует об оценке большевиками опасности восстания – его могли поддержать другие военные гарнизоны и войска. Именно поэтому в штурме участвовали либо недавно призванные молодые матросы и солдаты, едва умевшие стрелять, либо верные большевики – участники съезда. Один из батальонов новобранцев чуть было не устроил собственного восстания, не желая участвовать в штурме. Его с трудом удалось разоружить, арестовав при этом 120 человек «ненадежного элемента». В некоторых частях отказались получать ручные гранаты, потому что красноармейцы не знали, как ими пользоваться. Многие впервые взяли в руки винтовки. В войсках порой не было обуви, даже лаптей. Но накануне штурма они были снабжены не только вооружениями и обмундированием, но даже маскхалатами. Исполнение приказов поощрялось выдачей по банке консервов на человека. Неповиновение грозило выстрелом в упор от делегата X съезда РКП(б), командира или комиссара.

Ночной штурм 17 марта застопорился из-за слухов о том, что лед изрезан трещинами и залит водой. Красноармейцы говорили: «Не пойдем тонуть!» Но угроза быть убитым тут же на месте была страшнее угрозы утонуть. Сказались чистки, проведенные

накануне. Красноармейцам сообщили, что об отступлении или о переговорах с мятежниками не может быть и речи. Эта установка была подкреплена заградотрядами.

Ярость последнего штурма и упорство сопротивления сильно преувеличены историками и пропагандистами. Не раз цепи наступавших залегали или откатывались назад. И это притом что лед оказался достаточно прочным, а артиллерийский огонь из крепости и с двух восставших линкоров практически не наносил ущерба. Оборона Кронштадта была организована слабо. Одна из батарей, лишенная прикрытия, была захвачена, успев сделать не более 10 выстрелов. Мощь крепости вообще не сказалась на боевых действиях, поскольку ее тыловая часть была открыта – форты предназначались для защиты Петрограда с моря. Команды линкоров не проявляли особой активности, так и не предприняв вылазку в тыл цепям, которые они вполне могли разгромить и обратить в бегство. С наступлением темноты линкоры прекратили обстрел, так и не сыграв в сражении существенной роли. Вероятно, экипажи уже не видели возможности сопротивляться, когда Кронштадт фактически пал, и готовились взорвать линкоры, но по какой-то причине не смогли этого сделать.

Уже ранним утром штурмующим удалось ворваться в Кронштадт, освободив арестованных коммунистов, которые тут же устроили расправу над своими обидчиками. В течение дня бои велись на улицах города, сведясь в основном к пулеметным перестрелкам и беспорядочной стрельбе из окон и подвалов. Тех, кто оказывал сопротивление, по приказу Троцкого в плен не брали.

П.Дыбенко

К ночи восставшие линкоры перестали вести огонь, после полуночи они сдались, а уцелевшие отряды восставших бежали в Финляндию. Утром 18 марта Кронштадт полностью был взят под контроль большевиков, оставшиеся в живых участники восстания сдались. В течение последующих дней под руководством коменданта Кронштадта Дыбенко большинство из них было расстреляно.

Победа большевиков в этом эпизоде гражданской войны объясняет также и их последующие победы над всеми внутренними силами оппозиции. Страна и народ устали воевать, население готово было к миру любой ценой. Самыми неуемными были именно большевики. Они победили, продолжив гражданскую войну, в которой им мало кто хотел оказывать сопротивление, связанное с опасностью для жизни.

Большевики бились за власть до конца и добились власти, невзирая ни на какие потери – ни для самих себя, ни для России. Организаторы подавления Кронштадтского восстания впоследствии были объявлены «врагами народа», участниками разного рода заговоров. Тогдашний председатель Комитета труда и обороны Петрограда Зиновьев, страстно выступавший в Петросовете против Кронштадта, был расстрелян в 1934. Подписавший ультиматум главком Каменев умер в 1936, но после смерти был обвинен в участии в «военно-фашистском заговоре». Тухачевский расстрелян в 1937 как участник того же заговора. Палач Кронштадта Дыбенко расстрелян в 1938. Троцкий, объявивший Кронштадту ультиматум, погиб в эмиграции от удара ледорубом в 1940. Расстреляны участники штурма, видные большевистские военачальники Якир, Бубнов, Федько, Путна, Седякин, Затонский, Казанский и другие. Революция пожрала своих детей.

Кронштадтский эпизод показывает, что подавление сил, выступающих против партийного диктата («Власть Советам, а не партиям!») привела большевистских лидеров к самоуничтожению. Сегодня «партия Смуты» не желает помнить подобных уроков истории, навлекая беду не только на страну, но и на свою голову.

Философский пароход: высылка интеллекта

Конец гражданской войны был связан с тем, что лояльная к большевикам настроенная по-социалистически интеллигенция решила, что наступила обещанная свобода, и принялась заниматься тем, чем занималась между февралем и октябрем 1917 – беспрерывными съездами и дискуссиями. Со всей страны съезжались врачи, агрономы, геологи, сельхозкооператоры. И все на свой лад размышляли о перспективах социалистического строительства. В большевицкой партии возникла тревога: она утрачивает руководящую роль в области идей! Надо было показать, кто в стране хозяин. Прежде всего – показать недобитой интеллигенции.

В феврале 1922 Ленину донесли, что профессура МВТУ ведет себя «неправильно». Он предложил Каменеву и Сталину «уволить», «ударить сильно» 20-40 профессоров. За что? За то, что «они нас дурачат». То есть, прикидываются лояльными новой власти, но в действительности являются ее идейными противниками. Паранойя, которая позднее будет разрушать мозг Сталина, тогда в очередной раз поразила Ленина. Ему, находящемуся в зыбком состоянии между психической нормой и сумасшествием, мнилось, что внешне лояльная профессура что-то замышляет или просто настраивает студентов против Советской власти.

Троцкий сожалел, что не было повода расстрелять этих людей. Ленин же считал, что все это контрреволюционеры, пособники Антанты, и к ним надо относиться как к военным шпионам. В воспаленном и уже увядающем мозгу большевицкого лидера обнаружилось понимание, что все эти люди не имеют отношения к его государству, а потому их уничтожение, привычное в условиях войны, теперь будет выглядеть не как самооборона, а как уголовное преступление. Пора было налаживать хозяйство, а без капризного Запада это было невозможно. Массовые расстрелы в условиях наступившей после войны тишины, могли бы отозваться в далеко не дружелюбных правительствах государств, на торговлю с которыми большевики рассчитывали.

Теоретическую базу под высылку Ленин подвел в статье «О значении воинствующего материализма», где изобрел новые определения в адрес тех, кто не собирался с ним полемизировать, но кого он сам избрал в качестве оппонентов – *«дипломированные лакеи поповщины»* и «*современные крепостники под мантией научности»*. Затронув публикацию в журнале «Экономист» Питирима Сорокина (после высылки он станет всемирно известным социологом), Ленин предложил всех подобных интеллектуалов, не признающих марксистский материализм, «*вежливенько препроводить в страны буржуазной "демократии"»*. После чего подобные мысли получили широкое хождение вместе с призывами «философию – за борт!».

В мае 1922 Ленин предлагает Дзержинскому выслать «писателей и профессоров, помогающих контрреволюции». И уже в мае начались первые высылки. Начали с руководителей Помгола – слишком уж самостоятельной организации. В июле Ленин уже требует от ЦК арестовать и выслать несколько сот представителей интеллигенции. Без причин и без фамилий – как недавно еще расстреливали заложников. Теперь планировалась демонстративная акция. И в августе ВЦИК принял декрет «Об административной высылке», который предполагал насильственное выдворение из страны или ссылку в «определенные местности» сроком до трех лет. Летом начались массовые аресты. Впрочем, не столь масштабные, какими они станут при Сталине.

Понятно, что все, кто мог, уже бежали от «красного террора». В России остались только те, кто либо мнил себя такой величиной, которую не тронут, либо полагал, что пригодится большевикам, либо просто ждал смерти. Не особенно разбираясь в том, кто и по каким мотивам еще остается в России, большевики в несколько приемов вывезли за рубеж около двух сотен интеллектуалов. Если инженеры еще могли рассматриваться как материал, пригодный для «переделки» в рамках социалистического строя, то гуманитарии не слишком котировались. Поэтому на пароходы и в вагоны поездов, отправлявшихся за рубеж, посадили в основном врачей, философов, экономистов, литераторов, юристов.

Ильин и Трубецкой на борту парохода

19 сентября 1922 года из Одессы в Константинополь был отправлен пароход с представителями украинской интеллигенции — высланы были историк А. В. Флоровский и физиолог Б. П. Бабкин. Но их радушная встреча за рубежом тяжко сказалась на их коллегах. Их стали высылать не на запад, а на восток. 23 сентября 1922 в Ригу и в Берлин поездами была отправлена большая партия ученых, а 29 сентября из Петрограда отплыл собственно «философский пароход», на борту которого были философы Н. А. Бердяев, Б. П. Вышеславцев, И. А. Ильин, С. Е. Трубецкой, С. Л. Франк и другие. Всего с семьями примерно 70 человек. Наконец, 16 ноября из Петрограда на пароходе выслано или уехало добровольно еще два десятка ученых с семьями, среди которых, Л. П. Карсавин, И. И. Лапшин, Н. О. Лосский и другие. В начале 1923 г. за рубеж был выслан известный философ и религиозный деятель С. Н. Булгаков.

Всего советское государство посредством высылки избавилось нескольких десятков выдающихся ученых, многие из которых получили мировую известность, а в России о них вспомнили только после краха коммунистического режима.

Много ли «философии» было на «философском пароходе»? Вроде бы, не так много – не более двух десятков представителей этого интеллектуального «цеха». Но это практически все, чем мы располагаем для строительства русского национального мировоззрения. Все, что могло еще стать русской философией в стране Советов, было просто уничтожено или существовало в рамках университетского преподавания истории философии (А.Ф.Лосев).

Русские – самый философский народ в мире после немцев. У немцев философия – это профессия, у русских – либо идеология, либо бытовое увлечение. Немцы сделали философию своим национальным достоянием. После того как философия закончилась, сама немецкая нация отошла в прошлое. Русские свою философию расстреляли, выслали и проболтали на кухнях. В обоих случаях остались произведения, которые едва-едва изучают в университетах. Неведомые не только среднему, но и изрядно образованному европейцу, включая русских образованцев.

Философский пароход – символическое прощание России с философией, которую отправили доживать свой век за границей. Революция почему-то устала убивать, и спровадила тех, кто завершил русскую философию, подальше от России и русской читающей публики.

Иван Ильин писал: *«Философия больше чем жизнь: она есть завершение жизни. Но жизнь первее философии: она есть ее источник и предмет».* Вместе с той жизнью, которая породила русскую философию, закончилась и сама русская философия. У нее есть последователи, но все вместе они не составляют какого-либо продолжения завершенного, поскольку связаны не с жизненным первоисточником русской философии, а с ее текстами. Новая русская философия может возникнуть только если в жизни возникнут предпосылки для нее, а это значит, что русская мысль породит философию, только сопровождая

политической действие – освобождение России от поработившей ее олигархии и русский интеллект от либеральных и социалистических извращений.

О чем думал Ленин, когда вдруг раздумал расстреливать невинных и предложил просто вывезти несколько десятков интеллектуалов за рубеж? Скорее всего, он просто вспомнил свои собственные философские штудии в эмиграции и предложил такую же судьбу немногим интеллектуалам. Война закончилась, и Советскую Россию могла убить другая напасть – экономика и сопряженная с ней общественная теория, которую Ленин расценивал как «мелкобуржуазную», не представляя себе никаких других моделей социалистического управления - кроме тиранических. Почему-то Ленину взбрело в голову показать «демократизм» установившегося режима. Конкурентов на поле социалистической мысли он истребил в большом количестве, но теперь решился отправить уцелевших подальше от России – может быть, для того, чтобы социализм теперь пустил корни в Европе. В 1921 году Ленин писал: *«Пусть едет за границу тот, кто желает поиграть в парламентаризм, в учредилки, в беспартийные конференции».* При том что многие из высланных философов выступали на стороне Советской власти, считая ее вполне русской, а большевизм – в крайнем случае, болезнью, после которой русская душа получит новые возможности для духовного роста.

Может быть, по замыслу (или безотчетному порыву) Ленина, вирус социализма должен был вернуться в Европу в том виде, когда он еще не может быть узнан и изобличен как чума, изничтожающая государства и нации. Но вышло по-другому. Русское зарубежье оставило болезнь на родине, а на чужбине особенно остро переживало разрыв с Отечеством и становилось все более русским, национальным, в нем не осталось социализма. Русской философии повезло не раствориться в задачах социалистического строительства, которые оказались временными. Советская философия исчезла в мгновение ока, как только лишилась государственной поддержки, ее останки - это набор предрассудков из школьных учебников. Русская философия без всякой поддержки завершила свои творческие задачи, сохранила русские смыслы, которые переданы последующим поколениям. И только эти смыслы сохраняют у нас надежду повернуться к национальному строительству и в рамках этого строительства воссоздать жизненные основы новой русской философии.

Иван Ильин

Современное философствование в России – это более ли менее утонченное *«препарирование личной мифологии»* (И.Ильин, 1922), в котором не складывается общего миропонимания, каждому мила своя «химера», и все между собой не согласны. Безумно организованная жизнь общества и государства порождает умствования, имеющие весьма ограниченную ценность, а порой – просто вредные, сводящие с ума и без того дезорганизованное общество. Русская философия оказывается для современного интеллектуала не сущностью, а заданием – тем, чего нет, но что должно быть. Поэтому русские философы все-таки существуют – в том небольшом числе, которое осознает это задание и связь с жизнью предшествующих поколений, где имелись основы для подлинно русского, национального философствования.

Достаточно ли творческого наследия «философского парохода» для возрождения русской философии и становления того мировоззрения, которое необходимо для возрождения России? Чтобы ответить на этот вопрос положительно, следует ответить на другой вопрос: есть ли в России та интеллектуальная среда, в которой русская философия может быть продолжена? К сожалению, на этот вопрос можно дать однозначно отрицательный ответ. Потому что из современной России состоялся «исход мозгов», не менее масштабный, чем в период гражданской войны и большевистских репрессий.

Страна в целом поглупела, утратила вкус к философии, образованные слои резко понизили уровень своей просвещенности в мировоззренческих вопросах, а в некоторых группах (в особенности связанных с правоприменением) – даже способность к формальной логике.

Можно также с уверенностью сказать, что олигархическому режиму, паразитирующему на распродаже энергетических ресурсов и национальных интересов страны, интеллект не нужен. Поэтому Россию заселяют наименее образованными выходцами из других стран, которым предлагается рабский труд при отсутствии социальных гарантий, образования, медицины, науки. И, разумеется, философии. Все это – ради повышения прибылей чудовищно неэффективной в экономическом отношении олигархии. Какая уж тут философия…

Власти изменников и казнокрадов философия не нужна, это точно. А нужна ли русским людям философия? Здесь также с определенностью надо ответить: нужна. Философствование – часть нашего национального характера. Не случайно русский человек ищет в своей жизни чего-то, не исчислимого в деньгах и не выраженного в личной выгоде. И поэтому он против всяких прагматических задач ищет тайны и правды жизни, увлекаясь и путаясь в информационной помойке, заполнившей книжные магазины и электронные сети всякого рода «эзотерикой» и псевдонаучными сочинениями невежд, сумасшедших и проходимцев. Русский человек стремится к преодолению чисто бытового понимания жизни, глубина его души достаточна, чтобы там разместились философские проблемы и философские истины. Увы, пока нет русской философии, русская душа будет вмещать всякого рода интеллектуальный мусор, призванный притупить ощущение неволи, духовного ослепления и потребности в философском осмыслении своей жизни.

Философия рождается в жизни духа как созерцание и сострадание, умиротворяющее стихию исторического творчества народа и его интеллектуальных устремлений – «опыт истины». Чтобы быть русской, философия должна иметь предмет русской жизни – национальное бытие русского народа. В настоящее время это бытие подавлено, а потому может существовать только и исключительно как идея национального освобождения. И лишь с возрождением русской жизни философия может стать ее зрелым сопровождением – в форме умного понимания ее целей и задач.

Чтобы вернуть русским философию, нужна русская национальная власть. И это главная задача для всей философствующей среды, для русского народа в целом.

Идеал русской государственности неоспорим и ясен, но насколько те, кто на словах провозглашает этот идеал готов увидеть его наяву, насколько готов защищать его перед настырными, въедливыми, насмешливыми, жестокими, хитрыми оппонентами? Преодолевая «красно-белый» конфликт, в состоянии ли мы вернуться к традиции русской государственности, хотя бы в некоторых принципиальных моментах учредить в России идеал православного Царства, православной Империи?

Трагический урок истории говорит нам о том, что вера утверждается не молебнами, государство – не выборами и соборами. За веру и землю отцов надо, прежде всего, уметь сражаться. А потерпев поражение – уметь «пережидать Орду».

Смутьяны уничтожают нигилистов

Гражданская война почти десять лет как утихла. В подобных обстоятельствах стоило ожидать и смягчения режима и угасание надежд его свалить каким-нибудь заговором или мятежом. При этом внешние силы никак не могли помочь смутьянам, поскольку рубеж 20-х и 30-х годов XX столетия стал периодом, когда неразрешенные экономические и политические противоречия привели к смене всеобщего подъема крахом, депрессией, нестабильностью. Ведущим мировым державам пришлось отложить до времени свои экспансионистские планы и заняться внутренними проблемами.

Соединенные Штаты Америки, ставшие ведущей державой и распространившие на весь мир доктрину Монро как гарантию от революций, в 1929 году были поражены Великой Депрессией. Кризис обрушил производство более чем вдвое, разорил средний класс и часть богатейших американцев, выбросив на улицы 16 млн. безработных. В тот же

период амбиции Франции, заносчивость и коррумпированность политиков подорвали ее денежную систему, лишили граждан сбережений, породили политическую нестабильность, доходящую до штурма парламента. Великобритания, напротив, использовала кризисные явления в мире для восстановления своего пошатнувшегося могущества. После стагнации 20-х годов английская экономика оживилась, что заставило Британию вновь повести борьбу за передел рынков – теперь против своих союзников в недавно закончившейся войне. Еще более значимые перспективы мировой кризис открыл для Германии. В 1929–1932 гг. Германия добилась снижения объема, а затем и полной отмены репараций. Под предлогом необходимости выплаты репараций Германии удалось расширить рынки сбыта для своей продукции. Внутриполитический кризис разрешился переходом власти к нацистской партии, поставившей экономику под жесткий государственный контроль и концентрировавшей силы страны для военной экспансии. Уже в 1932 году терпит крах Женевская конференция по разоружению, так как Германия настаивает на исключении отрядов штурмовиков из расчета общей численности армии. На Востоке милитаристский разворот мировой политики проявился ранее всего: бурно развивающаяся Япония нашла себе «забаву» в Китае, набросившись в 1931 году на Южную Маньчжурию, а в следующем году десантировав свои дивизии в Шанхае и провозгласив на территории Маньчжурии государство Маньчжоу-Го.

На какое-то время всем ведущим игрокам, так и не поделившим мир в Первой мировой войне, было не до Советской России. «Передышка» между войнами была использована советским руководством как шанс подготовиться к грядущим мировым катаклизмам. СССР строился как укрепленный лагерь, где наращивали военную мощь и вылавливали шпионов и внутренних врагов, которых почему-то становилось все больше. В 1931 году прозвучал пророческий тезис Сталина: *«Мы отстали от передовых стран на 50 – 100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».* Инстинкт власти требовал тотальной мобилизации, а с ней возникла и тотальная подозрительность.

Мир был непрочен. Кризис начала 30-х годов повсюду утвердил репрессивные политические режимы, видевшие смысл своей деятельности в подавлении инакомыслия внутри страны и военном обеспечении своих внешнеполитических амбиций. Советская Россия в этих условиях могла стать либо одним из мировых гигантов, либо превратиться в объект экспансии мировых держав. Поэтому советскому руководству приходилось играть ва-банк, напрягая все силы страны, чтобы встретить неизбежную войну во всеоружии. Необходимо было выбирать между догмами большевистского утопизма и русской Традицией. Невозможность отказаться от коммунистической идеологии и невозможность следовать ей на практике вынуждали власть к репрессиям - как против нигилизма, так и против Традиции. Особые условия предвоенной поры стали оправданием для сталинизма. Выросший из Смуты большевицкий режим сам стал искать и даже создавать себе врагов в толще населения, уставшего от войн и революций и мечтавшего просто пожить по-человечески хотя бы несколько лет. Смута действовала как радиация, которая облучает все вокруг и любой предмет также превращает в источник радиации. Наведенная «радиация» Смуты пронизала все советской общество.

В начале 30-х годов XX века в СССР сталкивались две политические стратегии, заложенные прежними этапами политической жизни страны.

Первая стратегия продолжала нигилизм большевистского порыва к переделу всего мира. Она требовала тотального отречения от прошлого – преследования и уничтожения всех признаков Традиции. Психоаналитики называют такую установку Эдиповым комплексом отцеубийства. Большевизм нес эту психическую заразу в форме острой истерии: поражение собственного правительства в войне, самоопределение вплоть до отделения, грабь награбленное и т.д. Разрушив собственное государство, большевизм превратил его в плацдарм для мировой революции. Расчет был на всеобщую асоциальность, на элементы разложения, ассоциированные в интернационал. Всеобщая социальная демобилизация («пролетарская революция») обещала большевикам, как они

думали, гибель всех государств и становление всемирной марксистской империи – «царство свободы».

Вторая стратегия отвергала нигилизм и искала новую государствостроительную версию для общества, вышедшего из гражданской войны раздираемым противоречиями - классовой борьбой и утопическими идеями о мировой миссии, мировой гражданской войне. Противостоять нигилистическому разложению могла только новая версия патриотизма и превращение репрессивной энергии классовой ненависти в ненависть к нигилистическому утопизму и внешнему врагу. Эдипов комплекс ослаблял страну, стоящую перед угрозой оккупации и насилия чужой государственной воле. А потому должен был быть преодолен.

Крупнейший политический мыслитель современной России Александр Панарин писал: *«Когда Сталин выдвинул тезис об обострении классовой борьбы по мере развертывания социалистического строительства, это следовало понимать не в буквальном классово-марксистском, а, скорее, в психоаналитическом смысле. Оппонентом дисциплинарного государства-организатора индустриального прорыва были никакие не буржуазные типы и классы, а особый культурно-антропологический тип, не способный к перманентной мобилизации. "Диктатура пролетариата" формировала неумолимо суровое "Сверх-Я", призванное подавить гедонистическую инстинктивность, "обнадеженную" в предыдущий период раскрепощающим духом модерна вообще, революционно-анархической утопией, в частности. Сталинская эпоха вытравила из этой утопии всякое гедонистическое содержание, превратив ее в чисто героический миф, адресованный пионерам социалистического строительства».*

Логика событий говорила: либо нигилистическая демобилизация общества, либо патриотическая мобилизация. И то и другое очевидным образом требовало репрессивного строя. Чистки 30-х годов, сколь чудовищными они ни кажутся из сегодняшнего времени, были, с одной стороны, не более чудовищными, чем гражданские и мировые войны той эпохи или жестокости иных политических режимов, с а другой стороны, они очищали страну от «перегретых» пассионариев, готовых бросить ее в топку мировой революции, и от демобилизованных анархистов – «лишних людей» XX века, к которым советская власть отнеслась не столь лояльно, как царская.

Обе стратегии переплетались, заражая общество страстью к репрессиям. Истинные и мнимые враги подлежали уничтожению. Гражданская война продолжалась в новых формах.

В 1928 году Шахтинское дело становится публичным процессом, разоблачающим скрытый заговор. Впервые опробована специальная обработка подозреваемых, превращавшая их в послушный инструмент для театрального саморазоблачения. В 1930 году в пищевой промышленности обнаруживаются организаторы голода. В том же году – масштабный процесс Промпартии, предваряемый митингами трудящихся с требованием смертной казни. Но уже к 1931 году позиции Сталина укрепились настолько, что репрессии пошли на спад. Причем Сталин не только провозгласил лозунг перехода от разгрома старой технической интеллигенции к политике ее привлечения к решению проблем развития хозяйства, но и лозунг заботы о ней. В 1931 году были остановлены процесс вредителей в фарфоровой промышленности и процесс против Трудовой Крестьянской партии – якобы существовавшего массового подполья, готовившего свержение диктатуры пролетариата. В первом деле обвиняемые, несмотря на ставшие уже привычными саморазоблачения, были признаны невиновными, а от второго дела осталось только осуждение небольшой группы Кондратьева-Чаянова.

Сталин говорил: *«В прошлом у нас не было и не могло быть отечества. Но теперь, когда мы свергли капитализм, а власть у нас, у народа, – у нас есть отечество и мы будем отстаивать его независимость».* Новый патриотизм означал отход от марксистской догмы и ориентацию на государственное строительство и защиту Отечества (а вовсе не классовых интересов) в грядущей войне.

Всплеск репрессий после убийства Кирова в конце 1934 года показал, что разгром нигилистической оппозиции не был завершен. Чтобы справиться с ней, Сталину пришлось

вновь организовать волну всенародного гнева и инспирировать чрезвычайщину, которая уничтожила всех сомневающихся в верности линии Сталина внутри партийного и государственного руководства и смела в лагеря тех, кто казался элементом, ослабляющим власть. Неизбирательность репрессий – вот плата России за политическую утопию большевизма, изжить которую иным образом после победоносной для большевиков гражданской войны было невозможно.

Советский пропагандист, оценивая лукавыми цифрами достижения индустриализации, писал: *«Валовая продукция машиностроения с 1913 года по 1938 год выросла в 30,6 раза; выработка электроэнергии увеличилась в 20,4 раза; энерговооруженность труда в промышленности с 1929 года по 1937 год увеличилась в 2,3 раза. Коэффициент электрификации промышленности в СССР составлял уже в 1936 году 81,6%, в то время как в капиталистических странах даже в годы расцвета он равнялся: в США - 76,5%, в Великобритании - 60%, во Франции - 60,8%. Одна Днепровская гидроэлектростанция выработала в 1938 году на 22,5% больше электроэнергии, чем все станции царской России».*

При впечатляющем росте советской промышленности, она, бесспорно, не могла тягаться по производительности труда с ведущими экономическими державами. Экономическая статистика при Советской власти была продолжением пропаганды, формирующей единый военный лагерь, в котором трудящиеся должны были стать частью производственного механизма. Вместе с тем одной пропагандой поднять промышленность было невозможно.

Строительство Беломорканала

В условиях ухудшения работы промышленности Сталин выступил 23 июня 1931 года с речью, известной под названием «Шесть условий товарища Сталина». Он констатировал, что на большинстве промышленных предприятий наблюдается *«отсутствие чувства ответственности за работу, небрежное отношение к механизмам, массовая поломка станков и отсутствие стимула к поднятию производительности труда».* От уравниловки требовался переход к оплате труда в соответствии с квалификацией. Требовалось закрепление кадров, текучесть которых в течение полугода на большинстве предприятий составляла 30–40 %. Требовалось восстановить принципы хозрасчета и вновь научиться простейшей калькуляции, балансу доходов и расходов. Инстинкт подсказывал власти, что нужны не столько лозунги, сколько элементарная, традиционная для России трудовая этика.

Чтобы успешно «пробежать» десятилетний предвоенный период и стать индустриальной державой, способной вести войну моторов, советское руководство

сделало ставку на развитие тяжелой промышленности. Обеспечить станками и механизмами этот сектор было возможно только с помощью иностранных производителей, вынужденных мировым кризисом отбросить идеологические предпочтения и рассматривать Россию как рынок сбыта. В годы первой пятилетки более 90% советских промышленных предприятий получили западную технику и технологии. В 1931 году состоялся пуск Харьковского тракторного завода, завершено строительство Саратовского завода комбайнов, вступил в строй Россельмаш, началось строительство Беломоро-Балтийского канала, принято постановление пленума ЦК о строительстве метрополитена в Москве.

И все же к 1931 году тупиковый характер индустриализации, основанной на продолжении большевистской атаки против прежней России, стал очевиден. Советской промышленности нужны были опытные кадры. Ссылаясь на невыполнение планов по росту промышленности, Сталин говорил. *«Конечно, в основе вредительства лежит классовая борьба. Конечно, классовый враг бешено сопротивляется социалистическому наступлению. Но одного этого для объяснения такого пышного расцвета вредительства – мало».* Оказалось, что надо самим овладевать техникой и основами управления производством: *«Пишите сколько угодно резолюций, клянитесь какими угодно словами, но если не овладеете техникой, экономикой, финансами завода, фабрики, шахты - толку не будет, единоначалия не будет». «Большевики должны овладеть техникой. Пора большевикам самим стать специалистами. Техника в период реконструкции решает все».*

Заботясь о подготовке собственных, «большевистских», кадров, в 1931 году ЦК ВКП(б) решает создать в 11 крупных городах страны промышленные академии. Подготовка новых кадров позволила в дальнейшем выкосить остатки прежней технической интеллигенции, подозреваемой в нелояльности. Советскому государству накануне войны требовалась тотальность во всем. Руководству партии необходима была уверенность в том, что в среде управленцев и инженеров не будет и тени желания обратить свои надежды на врагов советской власти. Именно поэтому репрессии добивали не только «ленинскую гвардию», но и всех, кто был своей профессией связан с русскими традициями жизни.

Неизжитый нигилизм требовал тотальных репрессий против Традиции, инстинкт власти – подготовки опытных кадров и использования некоторых элементов Традиции. Поэтому репрессии были частично «канализированы» и направлены в большей степени против горластого и скорого на расправу нигилизма. В то же время идеология классовой борьбы извращала процесс самоочищения и национализации советской власти, обрушивая репрессии также и на массы невинных людей, порой отличавшихся только одним – стремлением к профессионализму и независимости суждений от воли малообразованной советской бюрократии.

Для создания советской промышленности, для закупки техники и технологий за рубежом требовались огромные ресурсы. Добыть их Советская власть могла только за счет сверхэксплутатации и изъятия у работника практически всех результатов труда. Прежде всего, у селян – ради обеспечения экспорта сельхозпродукции, в обмен на которую промышленность получала от иностранцев станки и оборудование.

Товарность хлеба у середняков и бедняков (то есть, доля произведенного хлеба, направляемого на продажу) составляла 11,2%, а у колхозов и совхозов - 47,2%. Товарность обеспечивалась фактическим изъятием хлеба, который проще было взять у колхозов, где учет и контроль находились под надзором идеологизированных управленцев. Именно поэтому для индустриализации потребовалась коллективизация, в жестокостях которой была логика революционного разрушения основ прежней жизни и требование момента, прочувствованное инстинктом власти. В данном случае антикрестьянский нигилизм был на руку коммунистическому руководству. Ради промышленного вооружения страны на грань физического уничтожения были поставлены десятки миллионов людей, чей рабский труд обеспечил индустриальную мощь страны. Другого средства у большевиков не было; другие средства остались в другой эпохе, когда

Россия знала, как мобилизоваться перед войной – без того, чтобы терзать собственный народ репрессиями и экспроприациями.

Коллективизация стала средством большевистской сверхэксплуатации. Имея в 1928 году мерее 3% кооперированного сельского пролетариата, через десять лет коммунисты отчитывались, что *«колхозное крестьянство вместе с кооперированными кустарями и ремесленниками составляло в 1937 году 55,5% всего населения СССР».* При этом был полностью ликвидирован класс зажиточных крестьян – кулаков. Даже несмотря на то, что немногочисленные кулаки давали значимую часть товарного хлеба в сравнении с массами середняков и бедняков. Их пришлось обвинить в нелояльности, чтобы опереться на сельскую бедноту, ставшую впоследствии основой Красной Армии. Впрочем, те, кому нечего терять и защищать, в первый год войны легко сдавались в плен.

Объявленная большевиками классовая война истребляла крестьянство фермерского типа (середняка) под корень, поскольку оно не отвечало задаче обеспечения дармовой сдачи хлеба государству. Это обусловило кризис сельхозпроизводства. Валовой сбор зерновых в 1930 году был 83.3 млн. т, в 1931 – 69,5, в 1932 – 69,9, в 1933 – 89,8 млн. т, каждый раз не дотягивая до плана. Безумства тотальной коллективизации подорвали экспортную программу большевиков: экспорт хлеба за год с 1927 по 1928 гг. упал с 153 млн. пудов до 27 млн. пудов, импорт черных металлов и изделий из них в 1929 году составил 381 тыс. т, в 1931 – 1703 тыс. т, в 1932 – 1040 тыс. т. Классовая война против крестьянства разрушала основы экономического роста и одновременно разоряла село.

Если в 1913 г. урожайность зерновых составляла 7,4 центнера с гектара, то в 1938 году после внедрения на селе коллективных методов хозяйствования, снижающих, как считалось, издержки и массового распространения индустриальных методов обработки земли, средняя урожайность оценивалась лишь в 9,3 центнера с гектара. И это несмотря на тот факт, что насыщение села техникой шло фантастическими темпами: в 1929 году в СССР выпущено 35 тысяч тракторов, в 1930 – 72, в 1931 – 125, в 1932 – 148, в 1933 – 204 тысячи тракторов. В стране создавались машинно-тракторные станции, которые снабжали колхозы тракторами, молотилками, другой техникой. И все без толку!

Концентрируя в своих руках все средства для индустриализации страны, власть монополизировала рынок сельхозпродукции. В 1931 году принято решение о полной ликвидации частной торговли, кроме торговли на колхозных рынках. Те, кто не хотел сдавать государству хлеб даром, лишились возможности реализовать его. В результате

блокады частного сельхозпроизводства и огромных изъятий хлеба у крестьянства в 1932–1933 гг. разразился страшный голод, выкосивший население целых губерний – прежде всего южных, где существовали подкрепленные природными условиями стойкие традиции частного земледелия. Смута, даже в формах, когда ей требовался патриотизм и даже героизм народа, пожирала страну. И сожрала бы, если бы не война. Крах безумной системы был отложен этой войной. Всякий, что сомневался в системе, морально проигрывал, потому что в этом случае ему легко было приписать сомнения в Победе. А это уже выглядело как предательство не большевизма, а России.

Попытка остановить безумную политику государственного грабежа крестьян выразилась в программной статье Сталина «Головокружение от успехов», опубликованной в 1930 году. Сталин писал о необходимости учитывать местную специфику и не форсировать темпы коллективизации в тех местностях, где у крестьян не было традиции общинного уклада. После принятия постановления ЦК «О темпах дальнейшей коллективизации и задачах укрепления колхозов» с критикой «перегибов» из колхозов вышло 2/3 загнанных в них крестьян. Стало ясно, что «великий перелом», когда крупные коллективные хозяйства стали давать больше товарного зерна, чем индивидуальные хозяйства, оказался фиктивным.

В дальнейшем возвращение к «перегибам» оказалось для советской власти неизбежным: сверхэксплуатация была возможна только при тотальной коллективизации, а коллективизация – только в условиях репрессивного разрушения любой возможности жить в соответствии с вековыми традициями жизни и труда на русской земле.

Экспроприация крестьянства была прямым следствием коммунистического нигилизма, полагавшего доказанным большую эффективность коллективных форм труда при любых условиях. Для подтверждения этой идеологической установки были использованы самые живодерские методы, которые до сих пор сказываются на состоянии российского села, лишившегося на многие десятилетия какой-либо связи условий жизни с результатами собственного труда. Никакие инвестиции в село не могут покрыть страшного ущерба, которое оно понесло в период большевизма, – утраты традиций сельского труда и индивидуальной трудовой этики.

Рабский труд был настолько несвойственен русскому народу, что большевистским вождям пришлось повести против русского мировоззрения самое решительное наступление. Догмат марксизма, гласящий, что религия есть «опиум для народа», вылился в массовые казни священнослужителей и разрушение церквей в первые годы Советской власти. Решая задачи выживания Советов, власть в дальнейшем должна была полностью «зачистить» идеологическое поле. На XV съезде партии, в 1927 г., Сталин заговорил об ослаблении антирелигиозной работы. В начале 1929 г. был разослан секретный циркуляр «О мерах по усилению антирелигиозной работы». Большевики объявляли борьбу с религией классовой, но имели в виду, прежде всего, расцерковление деревни – ради замещения традиционной общинной коллективности рабской коллективностью в колхозах.

Сталин переводил марксистские догмы на язык партийных установок: *«Партия не может быть нейтральной в отношении религиозных предрассудков, и она будет вести пропаганду против этих предрассудков, потому что это есть одно из верных средств подорвать влияние реакционного духовенства, поддерживающего эксплоататорские классы и проповедующего повиновение этим классам».*

БЕЗБОЖНИК

СТЕННАЯ ГАЗЕТА — АНТИПАСХАЛЬНЫЙ ВЫПУСК 1929 г.

Издание Центрального Совета Союзов Безбожников СССР

ПАСХА—ВРЕДНЕЙШИЙ ДЛЯ ТРУДЯЩИХСЯ ПРАЗДНИК

О ПАСХАЛЬНОМ ЯЙЦЕ

СОЮЗ КРЕСТА И НАГАЙКИ

Союз воинствующих безбожников выпустил и распространил за период 1922–1932 гг. десятки миллионов экземпляров антирелигиозной литературы. Тираж газеты «Безбожник» в 1931 г. достиг полумиллиона экземпляров. К ноябрю 1931 г. в рядах Союза безбожников числилось свыше 5 млн. членов с ячейками по всей стране. Планировался рост этой организации свыше 20 млн. членов. Организовывались сотни «безбожных бригад» и «безбожных колхозов». Существовал даже колхоз под названием «Смерть религии». Велась подготовка «квалифицированных безбожных кадров», был создан Рабочий антирелигиозный институт. В рамках «антипасхальных мероприятий» в городах повсюду размещались лозунги типа: «Укрепим безбожные ряды!», «На поповско-сектантские вылазки ответим ростом ударных безбожных хозрасчетных бригад!». Пропаганда велась даже в детских садах и яслях. В кружках юных безбожников к концу 1931 г. числилось 2 млн. человек. В школах детей заставляли петь: «Пионеры - Богу маловеры!»

Москва. Взорванный ХХС.1931-1932

В 1931 году в Москве взорван Храм Христа Спасителя, на месте которого предполагалось воздвигнуть Дворец Советов. Тогда же в Даниловском монастыре (ныне – резиденция Московской Патриархии) была организована колония для несовершеннолетних преступников и установлен памятник Ленину, а монастырское кладбище разорено. В том же году ранее разграбленный Исаакиевский собор в Петербурге

был превращен в клуб антирелигиозной пропаганды. В качестве «опровержения» религии там был вывешен маятник Фуко, доказывающий вращение Земли.

Все это насилие над русской традицией оказалось для переделки мировоззрения русских людей почти безрезультатным. Перепись 1937 года показала, что из 30 млн. неграмотных граждан СССР старше 16 лет 84% (или 25 млн.) признали себя верующими, а из 68,5 млн. грамотных – 45% (или более 30 млн.). Таким образом, 55 миллионов взрослого населения страны не поддались массированной обработке безбожников и имели мужество в опросных листах причислять себя к верующим!

По причине бессмысленности агрессивного безбожия, со второй половины 1930-х годов активность Союза воинствующих безбожников резко снизилась, а потом и вовсе прекратилась. В 1935 г. суммы взносов, собиравшихся в СВБ, сократились в 10 раз. Возникла даже пропагандистская «мода» на сравнение коммунизма с ранним христианством и признание их близости.

Советская власть, прочувствовав несгибаемость русского мировоззрения, начала заигрывать с ним, искать возможности поддержки у русской Традиции. Если в 1931 году коллегия ОГПУ вынесла приговор по «академическому делу» ученых-историков, обвиненных в организации монархического заговора, то через несколько лет все арестованные по этому делу были оправданы и обласканы властью.

Пролетарской мифологии приходил конец. В 30-е годы Советская власть обнаружила, что русскую аристократическую культуру вовсе нет надобности «сбрасывать с корабля истории». Напротив, эта культура создавала единство нации и требовала всяческой пропаганды. Именно поэтому в 1931 году в Москве и Ленинграде были созданы институты философии, литературы и истории (ИФЛИ), в столице основаны Московский областной педагогический институт и издательство «Просвещение», возникла система всеобщей военно-патриотической подготовки, в частности, комплекс «Готов к труду и обороне».

К трагическим событиям 1941 года Россия пришла с чудовищными потерями: из 40 тыс. православных храмов действовало около 100. Но воинствующее безбожие отошло в прошлое, а в школе преподавали Великую русскую литературу и воспитывали подрастающее поколение на героических примерах русской истории.

Советская власть на рубеже 20–30-х годов XX века сделала мучительный для нее выбор в пользу некоторых элементов Традиции и против нигилизма, направив репрессии преимущественно на деструктивные элементы, подмывавшие единство нации накануне мировой войны. Экспроприация сельских тружеников фактически создала промышленную основу Советской власти и была для большевиков неизбежной мерой, следствием выбора 1917 года, который на целый век предопределил продовольственную скудость коммунистического режима.

Впоследствии репрессии не раз вновь обращались против Традиции, но уже никогда Традиция не третировалась так, как в 20-е годы, а антигосударственный нигилизм был подавлен на десятилетия. Шаткость власти проявилась только после того, как нигилизм воспроизвелся в новых поколениях. И тогда власть решила, что Традиция для нее опаснее нигилизма. Результатом было разрушение страны на рубеже 80-90-х годов.

Масштабные репрессии не смогли выбить из русского народа его любви к Родине-матушке, поколебав разве что большевистскую элиту. Катастрофа 1941 года была платой за расправу над Традицией: у Красной Армии в начале войны было в достатке техники, но не было подготовленных военных кадров и того стойкого народного воинства, которым веками славилась Русская земля. Перед лицом этой катастрофы Сталин обратился к народу не только со ставшим привычным «товарищи», а и со стародавним «братья и сестры».

Большевистский нигилизм сильно подорвал, но не сломил русскую Традицию. Инстинкт власти в условиях войны вынудил ее опереться именно на Традицию. Силой русского духа, на который, в конце концов, оперлась Советская власть, а не «классовой чисткой», была обеспечена Великая Победа 1945 года.

Убийство Кирова: крах романтического большевизма

Убийство «любимца партии» Сергея Мироновича Кирова (настоящая фамилия – Костриков) продолжает волновать исследователей и любителей отечественной истории, потому что отмечает очередной поворот в судьбе нашей страны. В этом повороте можно углядеть множество деталей, учащих зорко видеть подспудные течения во власти и ждать от нее самых неожиданных шагов. Можно быть уверенным, что убийство любого видного политического деятеля не будет оценено властью как бытовое, а непременно превратится в повод для решения каких-то своих внутренних проблем.

Сталин и Киров

Так и убийство Кирова, изобилующее таинственными совпадениями и недомолвками, показывает нам излом в родной истории – переход сталинизма от политических методов борьбы с внутрипартийной оппозицией к прямому уничтожению своих недавних соратников и решительному утверждению политического единства государства. За этим убийством видят то коварные планы самого Сталина, то провокацию Троцкого, то антисталинский заговор. Что наверняка, так это обстановка крайней напряженности, взорвавшаяся после убийства Кирова и превратившая страну на многие годы в военный лагерь, отчаянно уничтожавший малейшие (и зачастую мнимые) признаки внутреннего врага, а потом – сражавшийся с фашистским вторжением.

Судьба Кирова как бы готовила его к тому, чтобы стать знаковой фигурой в политических «раскладах» того времени и превратиться в «мученика», поминаемого во всех большевистских святцах. Это был новый образ жертвы, лучащейся жизнью: чуждый всякому аскетизму политик нового типа, в образе которого не было никаких признаков изнурения подпольем и тюрьмами, через которые Киров прошел неоднократно, начиная с участия в бунтах 1905 года. Из большевистского лидера среднего звена Киров после Гражданской войны быстро превратился в видного партийного лидера за счет своей «кавказской» биографии и тесной связи с северокавказскими и закавказскими парторганизациями. В 1926 г. Киров стал первым секретарем Ленинградского губкома (обкома) и горкома партии и Северо-Западного бюро ЦК ВКП(б). В 1930 году Киров – член Политбюро, а в 1934-м – секретарь Политбюро, член Оргбюро ЦК ВКП(б), член Президиума ЦИК СССР.

Этой карьерой Киров во многом обязан Сталину, но также и своему образу, олицетворявшему «большевистскую мечту»: кто был ничем, тот станет всем. Киров не только жил в московской квартире Сталина и на его сочинской даче, но и ходил с вождем в баню, чего другие близкие партийные товарищи никогда не удостаивались. Однако, превратившись в любимца партии, Киров перестал быть для Сталина удобной фигурой. У молодого лидера появилась самостоятельная позиция и перспектива в будущем возглавить партию после Сталина или вместо него.

В начале 1935 года планировался перевод Кирова в Москву. Готовилась большая чистка ленинградской парторганизации от зиновьевцев. Киров тормозил их аресты, не жаждал крови оппонентов и сам ничего не боялся – как сильный и непуганый зверь. Киров как бы создавал альтернативный образ вождя в противовес сталинской склонности к администрированию и тиранической форме властвования. Киров, напротив, был, скорее, партийным популистом - простым в общении и доступным для людей.

Судя по повадкам большевиков, выработанным в годы гражданской войны и красного террора, убить своего близкого соратника, исходя из политической целесообразности, ничего не стоило. Тем более, что для Сталина Киров мог быть очень опасным конкурентом. На XVII партсъезде в январе 1934 г. тайные выборы членов ЦК дали неожиданный результат – четверть делегатов (292 из 1225) проголосовала против Сталина. Против Кирова было подано всего 6 голосов.

Генрих Ягода

В своих воспоминаниях Хрущёв считал доказанным, что убийство Кирова было подготовлено руководителем ОГПУ Ягодой, действовавшим по секретному поручению Сталина. Исполнение этого поручения дорого обошлось и самому Ягоде, которого на процессе «правотроцкистского блока» в марте 1938 года вынудили признаться в организации убийства Кирова. Ягода, будто бы по указанию лидеров «правотроцкистского центра» Бухарина и Рыкова, не препятствовал теракту. В 1953 году на Западе вышла книга «Тайная история сталинских преступлений», где беглый работник НКВД А.Орлов утверждал, что убийца Николаев был отобран Ягодой, а потом настроен соответствующим образом штатным провокатором.

Хрущев всегда помнил свой страх перед Сталиным и готов был любой факт истолковывать против запугавшего его тирана. Верить домыслам Хрущева было бы опрометчивым: он сам был причастен к преступлениям сталинизма, но ни в чем так и не покаялся. Признания Ягоды тоже немногого стоят, поскольку были оглашены в целях расправы над политическими соперниками Сталина, а сам Ягода мог быть подвергнут воздействию любой степени мучительности или оказаться перед выбором между немедленной смертью и лжесвидетельством. Версия Орлова также шита белыми нитками, поскольку в ней прослеживается явный политический заказ и стремление преуспеть на литературном поприще, получив на сенсации солидный гонорар.

Мы можем сказать только, что это убийство оказалось необходимым для компартии: чтобы сохраниться, нужно было убить большевизм и уничтожить ленинский партийный «призыв». Убийство Кирова стало ритуальной жертвой истории.

Совершенное политическое преступление мистическим образом связывает между собой двух антиподов – убийцу и убитого. Леонид Николаев был прямой противоположностью Кирову: чрезвычайно хилый и малорослый человек, мрачный, раздражительный и упрямый. Его жена симпатичная латышка Мильда Драуле, соблазнилась на брак с Николаевым только в связи с его переездом в Питер к родне, где в трудном 1925 году вероятность выжить была выше, чем в провинциальной Луге. Став помощницей Кирова, Мильда не возражала против романа с любвеобильным обкомовским начальником. Эта связь была общеизвестной и не скрылась от Николаева.

К семейным проблемам у будущего убийцы добавились служебные. В апреле 1934 году его исключают из партии за мелкий проступок, и он теряет работу в Институте истории партии. Добившись восстановления в партии, Николаев месяцами обивает пороги начальства ради восстановления в должности. Главным организатором всех бед он считает любовника своей жены и начинает вынашивать план убийства. При всей своей нервозности, Николаев проявил завидное упорство в достижении цели.

Первая попытка убийства 15 октября 1934 года оказалась неудачной. Николаев был схвачен охраной Кирова и отправлен в отделение милиции как подозрительная личность с заряженным револьвером в кармане. Но Николаева отпускают, поскольку у него есть разрешение на револьвер, а также партбилет. 14 ноября Николаеву не удалось совершить замышленное и подойти к Кирову на Московском вокзале. В третий раз он ждал встречи с Кировым 1 декабря 1934 года в Таврическом дворце, где должно было пройти собрание партийного актива Ленинградской организации ВКП(б). Киров случайно оказался в Смольном, где Николаев хотел получить пригласительный билет на собрание партактива.

Мильда Драуле и Деонид Николаев

Случайная встреча решила дело. Приотставшая охрана подоспела поздно – Киров лежал на полу с простреленным затылком.

Сталин был в Ленинграде уже на следующий день и сам прямо в Смольном допросил Николаева. Но разговора не получилось вследствие смутного состояния Николаева. Вероятно, именно в этот момент Сталин понял, что может использовать убийство для разгрома зиновьевцев, доставивших ему столько хлопот в 1926 году, когда вся ленинградская организация партии состояла сплошь из его противников. Через несколько дней у Николаева появились «соучастники».

Интригу в эту историю добавила гибель охранника Кирова, которого доставляли на допрос к Сталину на грузовике. На обратном пути охранник слетел с облучка и расшибся о фонарный столб насмерть. Впоследствии Хрущев назвал это убийством сообщника. Но в сталинской версии эта смерть могла быть истолкована прямо противоположным образом: тайные организаторы убийства Кирова просто прятали концы в воду.

29 декабря 1934 года сессия Военной коллегии Верховного суда СССР под председательством Ульриха вынесла всем 14 подсудимым приговор – высшую меру наказания. Когда же был оглашен приговор, Николаев воскликнул: «Обманули!» Ему обещали за доносы сохранить жизнь. Через час приговор был приведен в исполнение. А через несколько месяцев была расстреляна и вся семья Николаева, его жена и теща.

Всесильный Сталин и ничтожный Николаев сошлись в тот исторический момент, когда бытовому убийству из ревности нужно было придать значимость поворотного события, за которым стране и народу предписывалось другое бытие: не построение штаба мировой революции, а создание вотчины для советской бюрократии. Этот дом предстояло очистить от интернационализма.

Самое важное в этой истории состоит в том, что страна поверила, что кругом действуют «враги народа», готовые к индивидуальному террору. А как было не поверить, если во главе партии стояли люди, прославленные своей жестокостью, привыкшие к запаху крови в гражданскую войну? Страна не довоевала и без стеснения продолжила без разбора добивать истинных и мнимых врагов – уже за одно только расхождение во мнениях. Впрочем, сталинские репрессии во многом упредили сплочение его тайных и явных противников: внутрипартийная борьба могла в любой момент разгореться с новой силой и создать в партии противостоящие группировки, которые не постеснялись бы взяться за оружие. Поэтому приходится признать, что без сталинских репрессий мы не смогли бы выиграть войну с фашизмом. Просто потому, что большевики-

интернационалисты в борьбе со сталинистами не пожалели бы страны даже перед лицом внешней угрозы. Они бы продолжили уповать на пожар мировой революции.

Сталин, прагматически связавший свою личную судьбу с советской Россией, использовал случайное убийство Кирова для того, чтобы окончательно закрепить победу советской бюрократии над большевистским романтизмом. В конечном итоге этот выбор, несмотря на все издержки сталинизма, предопределил победу в Великой Отечественной войне.

Русский «коллаборационизм»

Коллаборационизм – термин, заменяющий более простой, но менее определенный. Речь идет о предательстве, о переходе на сторону врага. Предатели были во все времена. Но столь масштабных предательств, как в Великую Отечественную войну, в русской истории не было никогда. При этом предательство тех времен сомкнулось с предательством, охватившим Россию после краха коммунистического режима. На страну обрушился шквал клеветы, оправдывающий любое предательство, унижающий поколение победы, содержаний порочащие русский народ мифы о войне.

Русское мировоззрение победно только в своей первозданной чистоте – без налета всякой интеллигентской чуши, в какие бы одежды она ни рядилась. Русская история дает нам образцы героизма, мужества, верности. Поиск иных героев и скрытых смыслов нелеп и вреден. Выдумывание «правды о войне» превращается в ложь о войне – в осквернение Победы выпячиванием какой-нибудь гнусной частности. Стыдно, когда этим занимаются писатели-фронтовики, в постсоветские времена вдруг обнаружившие в себе позыв к русофобии и страсть к «общечеловеческим ценностям». Многие из тех, кто был прославлен в прежнюю эпоху как носитель правды о войне, стали теперь лгать, подлаживаясь под запросы Запада или обесстыдевшей публики, сладострастно ненавидящей Россию.

Правда о войне, спрятанная советским режимом, заключается в том, что в ней была одержана победа не над идеологией нацизма, как пытаются представить фальсификаторы истории. Победа была над Германией – над военной и государственной машиной. Доктрина фашизма была столь же далека от реальной практики нацистской Германии, как и коммунистические мифы от практики компартии в СССР. Эта доктрина до сих пор не стала предметом научного анализа и объектом идеологической борьбы. Потому что в противовес идеологии может быть выставлена только идеология. Коммунистическая и либеральная доктрины не способны противостоять нацизму и фашизму, а потому предпочитают уклоняться от полемики и воюют не против идеологии, а против людей, которым произвольно приписывают взгляды, определяемые как «русский фашизм». Мнимые антифашисты борются с русскими людьми, которые противопоставили фашизму самый решительный аргумент – Победу. Это не антифашизм, а русофобия и идеологический коллаборационизм.

Война сочетает трагедию и триумф, содержит в себе горечь и стыд поражений и славу побед, низость предательств и мужество героев. Без войны нет трагедии, горечи, предательств, но нет и всего остального, нет победы. Войны неизбежны, и не в наших силах устроить мир без войн. Значит, мы должны быть готовы к войне и искать в войнах, если уж они нагрянут, триумф и славу. Потому что, как сказано древнегреческим мудрецом Гераклитом, «война – отец всего».

От войны образованы самые величественные сюжеты русской истории, священные символы нашей связи с великими предками. Прославление героев войны должно быть выше и значительнее, чем оплакивание ее жертв. К сожалению, въевшийся в наше общество пацифизм диктует прямо противоположное. Убивая тем самым жизнеспособность граждан и нации в целом, которые неизбежно будут участвовать в новых войнах. И уже участвуют в них, позволяя проникать в размягченное пропагандой сознание русофобским мифам и антигосударственным идеям.

Правда о современной России состоит в том, что чуждые русскому народу идеологические доктрины, утвердившиеся во власти и СМИ, могут только выхолащивать

смысл, содержание и значение Великой Победы. Фактически происходит постепенная сдача позиций и уступка тем, кто стремится пересмотреть итоги войны. Это происходит также и потому, что мощь российской державы ослаблена настолько, что отстоять исторические завоевания предков она не в силах.

Наследие Победы не в том, чтобы показать по телевидению хронику и провести увеселительные мероприятия. Победа – это призыв к зрелой гражданской позиции, к иному качеству общественной жизни, которое сегодня не может и помыслить, что способно отразить грядущие нашествия на нашу землю. Прежде всего – идеологические, подрывающие основы нашей общности, нашу нацию. Победа и память о ней требуют пробуждения солидарности с предками, а значит – народного единства, которое делает наш народ непобедимым. Единства, прежде всего, русского.

Победа напоминает нам, что надо учиться побеждать, уметь побеждать, хотеть побеждать. А потому – не чураться войны и в определенных условиях даже хотеть войны и любить воевать, любить все, что связано с войной – бить милитаристом, милитаризированным обществом. Мужчина должен быть воином, чем бы он не занимался. Женщина – матерью, сестрой, женой воина, опорой его воинского духа и стремления к Победе.

Перестройка конца 80-х годов XX века началась с тотального оболгания отечественной истории. Поводом для глумления над историей избран священный символ – Победа в Великой Отечественной войне. Журналистика отменилась в эфире и в печати самыми циничными извращениями смысла и причины Победы, кинематографисты – рядом «эпопей», бесстыдно перевирающим давно проверенные факты, политики – приглашением на торжественные мероприятия наследников гитлеровских оккупантов (прежде всего, президента Латвии) и беззаконными задержаниями протестующих по этому поводу граждан, парламент – позорным признанием подделок под Знамя Победы (с изъятием деталей изображения с прежней госсимволикой) идентичными оригиналу. Уничтожение доселе бесспорного символа национального единства было главным направлением деятельности власти при проведении мероприятий, посвященных 60-летию Победы.

Очевидное нежелание власти видеть в Победе ее истинный смысл порождает такие уродливые явления, как отказ некоторых русских людей считать Победу своей, считать ее праздником. Аргументом служит продолжение нынешней властью русофобии, которая имела место в условиях коммунистического режима. Неприятие коммунизма выливается в неприятие Победы, неприятие нынешней власти – даже в отрицании России как родины русского народа.

Россия – русское Отечество, Родина. Она не может замещаться в нашем сознании властью. Власть может быть чужой, а Россия для русского человека – всегда своя. Власть в нынешней России несет в себе порок русофобии. Но Россия – русское государство, в котором русский народ только и может существовать. Отрицание русофобской власти состоит не в том, чтобы отречься от России, а в том, чтобы заменить в России власть и принудить чиновничество к следованию русским национальным интересам.

Наша Победа будет оболгана и опошлена, если мы не будем ее достойны. Если мы не начнем вновь побеждать, если не будем биться героически даже в самой безнадежной ситуации. А ситуация действительна близка к безнадежной. Власть говорит нам обратное, но большинство, раскинув даже не очень богатыми мозгами, знает, что это ложь. Уже много десятилетий Россия нигде всерьез не побеждала. Напротив, мы идем через череду поражений во всех сферах жизни. Без побед страна и народ умирают. Это трудно не замечать по современному состоянию России.

Победа - это призыв к мобилизации. Как и во время войны, когда катастрофа была очевидной, когда ее завершение полным разгромом было логичным, русские люди в большинстве своем сражались до конца. И поэтому логика истории приобрела другое направление. Те, кто сражались до конца, не щадя жизни, получили бесценную Победу. От нас же никто не требует немедленно отдать свою жизнь, но мы уже уверились, что ничего сделать нельзя, что демографический кризис, истощение природных ресурсов,

многочисленность и экономическая мощь наших противников скоро сотрут нашу Родину с лица земли. Еще постыднее показной оптимизм: сила России неисчерпаема, поэтому всё как-нибудь само собой устроится. За этой улыбчивой глупостью угадывается надежда спасись лишь самому, не тратя сил на спасение страны.

Генерал Петр Краснов

Генерал Андрей Власов

Военный коллаборационизм – это русская трагедия, трагедия неоконченной гражданской войны, неизжитых обид, творимых несправеливостей. Он разделен на два почти не смешавшихся потока: «власовский» и «красновский». Первый связен с предательством генерала Власова, с честью прошедшего испытания в Битве под Москвой, но перешедший на сторону врага под страхом смерти при продолжении сопротивления – либо от рук немецких солдат, либо от Сталина, который в условиях военного поражения не стеснялся уничтожать правых и виноватых.

Казачьи генералы Краснов и Шкуро – трагические фигуры русской истории, а вовсе не предатели. Они не присягали большевикам, они с ними только сражались. В отличие от генерала Власова, который большевикам присягал и был типичным «красным генералом». Его «антибольшевизм» был принужденным, обусловленным пленением, которое, в свою очередь, последовало в связи со страхом смерти в бою. Различные ухищрения Власова, который хотел быть привлекательным для русских людей, создавали лишь оправдательные мотивы поведения его самого и рекрутируемых им предателей. Эти предатели – целая армия предателей – русские и нерусские люди, с которых легко слетел советский патриотизм. Часть из них избавлялась одновременно и от показной любви к своей стране, часть – мучительно отыскивая для себя объяснения случившемуся: сочетания ненависти к режиму и войны против собственного народа, этим режимом взнузданного.

В последние годы у Власова появилось немало оправдателей и даже почитателей. Смутные ориентации в истории собственной страны приводят к позиции: раз против большевиков, то герой. Нет, Власов не герой, он – предатель. Его следует считать типичным порождением «советского патриотизма» - толь же нестойкого, как и вся сталинская армия, ставшая грудой трупов и искореженного металла в первые месяцы войны с Германией. Мало кто понимает, что гибель целых поколений молодых людей во время войны – это плата за большевизм и сталинизм. Победу обеспечили люди средних возрастов – те, кто был воспитан в русской традиции, под образами православных святых. Русской трагедией, итогом гражданской войны, необходимо считать тот факт, что патриоты России оказались вне ее границ и с началом войны Германии против СССР все еще считали, что это продолжение гражданской. В действительности, они воевали уже не против большевиков, а против родной страны. Пусть и захваченной чуждым режимом.

Для казачьих генералов, казаков, ушедших в эмиграцию вместе с «белыми», муки выбора в этой войне не было. Они были врагами большевиков, и никакой привязанности к режиму не имели. То же касалось и затаившихся врагов большевизма, которые Советы никогда не признавали и тут же стали на сторону его врагов, как только представилась возможность. Предатели ли они? Ответ на этот вопрос приводит к необходимости ответить: были ли предателями те, кто проиграл в гражданской войне? С моей точки зрения, нет. По обе стороны сражались русские люди. Одни – за иллюзию «светлого будущего», другие – за Отечество, каким они его знали и любили. Кто был в гражданской войне предателем? Большевики. Но и «белые» не были в большинстве своем чисты в своих позициях. Их лидеры были изменниками – февралистами, поддержавшими переворот, позволившими арестовать Царя и смутить народ либеральными бреднями партийных провокаторов, засевших в Думе.

Ненависть к предателям – дело естественное. На этом и спекулируют извратители истории. Особенно те, что хотел бы, чтобы наша история начиналась то ли с 1917, то ли 1991 года. И тем, и другим русская истории, трагедия гибели Российской Империи – только повод для злословия. Поэтому к предателю генералу Власову с его РОА пытаются привязать вообще всех русских, включая тех, кто никогда не был на стороне советских коммунистов. Помимо РОА, состоявшей преимущественно из советских военнопленных, была старая русская военная эмиграция, которая формировала русские части, не входившие в РОА. Бывшие царские генералы и офицеры предпочитали не служить вместе с советскими предателями. Некоторые исследователи считают, что в вермахте прошло службу 2 миллиона русских. Цифра сомнительная, но о сотнях тысяч можно говорить уверенно, а о миллионах – если включать всех, кто вольно или невольно сотрудничал с оккупантами. Нужно ли было всех их расстрелять после войны? До этого не додумался даже Сталин. А сегодняшние «борцы за патриотизм», прикормленные Кремлем, считают, что именно так и надо было сделать.

В наши дни акт вандализма был совершен в отношении мирно и безвестно стоявшей за церковной оградой Всехсвятского храма на Соколе памятной плиты в честь казачьих генералов, выступавших против большевиков после гражданской войны. Многие из них позднее оказались в рядах гитлеровского вермахта. Но до того – верой и правдой служили Отечеству. Большинство – участники Первой мировой войны, показавшие выдающиеся образцы мужества и героизма. Те из них, кто был выдан англичанами Сталину (вопреки Ялтинскому договору, согласно которому выдаче подлежали лишь советские граждане, воевавшие на стороне немцев), в тайных процессах были признаны военными преступниками и повешены в 1947 году. Прах покойных был ритуально развеян. Данное деяние было само по себе преступным, поскольку казнены по сфабрикованным делам (до сих пор засекреченным) военнопленные, никогда не приносившие присяги Советам и не совершавшие военных преступлений. Это была месть за страх поражения в гражданской войне, а не акт правосудия.

Группа экзальтированных молодых людей, именовавшая себя «Красный блицкриг», по наущению спецслужб разрушила памятную плиту молотками. О страхе перед наказанием говорили маски, напяленные на манер бандитов-грабителей, и обрез ружья, который был брошен вблизи места преступления. Для придания значимости событию, фотографии разрушенного памятника были размещены в сети на ресурсе «Живой Журнал», где началось бурное обсуждение, выразившее всю мировоззренческую гниль «официального патриотизма», оправдывающего вандалов и клевещущего на русских людей только потому, что они были русскими.

Плита у Всехсвятского храма появилась неслучайно. Рядом были братские могилы солдат и офицеров Первой мировой, умерших от ран. Здесь, по непроверенным данным, были и могилы юнкеров, расстрелянных после захвата Кремля большевиками. Здесь наследники большевиков устроили парк, который потом превратился в собачью площадку. К 90-летию начала 1-й мировой собачья площадка была окультурена - возведены монументы, восстановлены газоны, проложены дорожки, парк обнесен оградой. Но собаки по-прежнему ходят по русским костям, «подписывая» их по воле

своих отупевших от «демократии» хозяев, торговые павильоны и кафе получают свою прибыль, а дети резвятся на бывших могилах. Это свидетельство глубокого морального разложения не только власти, не противящейся осквернению памяти, но и народа.

Некоторые из указанных на обелиске лиц вообще не служили в вермахте, а были убиты сталинской разведкой (генералы Кутепов и Миллер). Некоторые стали немецкими офицерами еще до прихода Гитлера к власти. На той же плите – имя генерала Семенова, Главнокомандующего Вооружёнными Силами Российской Восточной окраины, генерал-лейтенанта Белой армии, который вообще не причастен к войне, хотя никогда не прекращал своей борьбы с большевиками. Он также был убит Сталиным.

Тех, кто не попал в застенки Сталина (либо умер или был убит еще до войны, либо успел бежать подальше куда-нибудь в Аргентину), уголовные дела вообще не коснулись, их даже Сталин не определил в преступники. Это половина имен на мемориальной плите, которую уничтожили «красные дьяволята», посчитавшие, что именно они являются судьями этих людей. Вероятно, в порядке реанимации «революционной законности», согласно которой физическому уничтожению и посмертному проклятью принадлежат все, кто боролся с большевиками.

Для плененных солдат противника всегда предусмотрено уважение, и на то есть международные конвенции. Многочисленные голоса в поддержку разрушения памятной плиты требовали, чтобы никакого уважения не было. Они хоть сейчас убили бы русских генералов только за то, что они русские. Пленных немцев оставили бы в покое. Подобной ненависти почти никогда не встречается у ветеранов войны. Кто воевал по-настоящему, знает, что такое честь солдата, к какой бы армии он ни принадлежал. Ненависть войны остается на войне. А кто ее приносит в мирную жизнь, становится опасен для окружающих. Ветераны в большинстве своем ненависть к врагу оставили на войне. Мы же, кто на ней не был, прав на ненависть не имеем. Даже если наши предки на этой войне полегли. Они нам ненависти не завещали. Они нам завещали память.

На войне противник всегда проливает кровь наших сограждан. А мы - его кровь. Это преступлением не считается. В условиях войны расстрел паникера - обычное дело. Но в условиях мира подобное действие - преступление. Есть военные преступления - то есть, нарушение традиций войны. Например, казни мирного населения. За это закон может полагать бессрочную ответственность и смертную казнь. Но тогда нужно доказывать совершение подобного преступления. Записные патриоты, лишившиеся моральных ориентиров, решили, что вправе воевать языками, оправдывая казни по сфабрикованным делам. Казни русских за то, что они русские. Казни офицеров за то, что они воевали против большевиков. Кто мысленно вешает и расстреливает, убоится ли роли палача в настоящем?

«Белые» считали, что большевики хуже немцев. С немцами о чем-то еще можно договариваться, а с большевиками - нет. У немцев есть закон, у большевиков - только петля и револьвер. Не дай Бог нам все это перенести, и не дай Бог никому настолько померкнуть умом, чтобы судить направо и налево о правоте и неправоте. Мы должны быть милостивы хотя бы к собственной истории и русским людям.

Но пока о милости говорить не приходится. Власть продолжает пропаганду времен большевиков и не собирается восстанавливать правду истории.

И по делу генерала Власова, и по делу генерала Краснова приговору Военной коллегии предшествовало постановление Политбюро ЦК ВКП(б). Политическое решение диктовало результат судебных рассмотрений в Военной коллегии Верховного суда. В 1992 году Конституционный суд при разбирательстве «дела КПСС» принял постановление об отмене всех репрессивных приговоров, которые были вынесены партийными органами. Но поименной реабилитации это решение не вызвало. Напротив, в соответствии с заключениями Главной военной прокуратуры об отказе в их реабилитации определениями Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации Краснов П.Н., Краснов С.Н., Шкуро А.Г., Доманов Т.Н., Султан Гирей Клыч и Семёнов Г.М. признаны не подлежащими реабилитации. Казненный вместе с русскими казачьими генералами немецкий казачий генерал Паннвиц (который предпочел остаться с подчиненными ему

казаками, и этот поступок чести стоил ему жизни) был в 1996 реабилитирован, но в 2001 реабилитация отменена. Между тем, никаких данных о совершении военных преступлений указанными лицами просто нет.

Тем не менее, в наши времена «признаны осужденными обоснованно и реабилитации не подлежат»: Краснов П.Н., Краснов С.Н., Шкуро А.Г., Султанг-Гирей К., Доманов Т.И. - по определению Военной коллегии Верховного суда РФ от 25 декабря 1997, Паннвиц Г.В. - по заключению Главной военной прокуратуры от 28 июня 2001, Семенов Г.М. - по постановлению ВС РФ от 27 февраля 2003 г. Сведений об осуждении Кутепова А.П., Миллера Е.К., Туркула А.В., Михайлова Т.В., Зборовского В.Э., Кононова И.Н., Хольмстон-Смысловского Б.А., Скородумова М.Ф. и Штейфона Б.А., а также уголовных дел и материалов в отношении указанных лиц в Главной военной прокуратуре нет. Что не мешает «красным дьяволятам» осуждать и их как предателей.

Выяснить, какие документы, факты и аргументы лежат в основе решения о казни казачьих генералов, пока невозможно. У постсоветской власти есть ведомственный параграф (Положение о порядке доступа к материалам, хранящимся в государственных архивах и архивах государственных органов РФ, прекращенных уголовных и административных дел в отношении лиц, подвергшихся политическим репрессиям, а также фильтрационно-проверочных дел, утвержденное Министерством культуры и массовых коммуникаций РФ, МВД Ф и ФСБ РФ), принятый 25 июля 2006 года и гласящий (п. 5 Раздела 1): на обращение граждан по доступу к материалам уголовных дел с отрицательными заключениями о реабилитации проходящих по ним лиц, архивами выдаются только справки о результатах пересмотра указанных дел.

Продолжение гражданской войны, в которой взгляд на русскую историю диктуется ненавистью русских людей друг к другу. В 2009 году эта ненависть вновь обострилась в связи с заявлением Синода Русской Православной Церкви за рубежом в защиту генерала Власова и его соратников, миссия которых была оценена как благородная борьба с большевиками. Это была ошибка, которая, увы, свойственна и многим «ультрапатриотическим» молодежным группам. А врагов обнаруживает в столь же экспрессивных «ультралевых» молодежных группах, готовых играть «в войнушку», не интересуясь нимало исторической правдой.

Великая Победа – это наша, русская победа. Она вручена нам нашими предками как дар. Нынешняя власть ее недостойна. Она ничем эту Победу не подкрепила. Напротив, она сделала немало, чтобы Победа стала пустозвонным ритуалом лояльности к высшему чиновничеству. Но третьего не дано – либо солидарность с нашими предками и Победой, либо лояльность к власти, которая во многом противоположна и даже враждебна Победе. Русские должны сказать себе: «Это наша Победа. Никому ее не уступим. Никакой власти в распоряжение не отдадим». Это наша память о триумфе, которую мы храним, чтобы прийти к новым победам.

Преддверие новой Смуты

Горбачевскими реформами СССР был поставлен на грань разрушения. Экономика не испытывала серьезных проблем, даже несмотря на игру внешних сил с мировыми ценами на нефть. Но идея дележа имущества, которое до сих пор считалось общенародным, прочно поселилась в умах коммунистической номенклатуры. Борьба между партийными либералами и консерваторами, ослабшая после XX съезда КПСС, началась вновь, вытесняя обычную грызню между номенклатурными землячествами.

Партийный либерализм Хрущева сменил консерватизм Брежнева. Но к началу 80-х изжил себя. Догмы марксизма, которые преподавали в каждом вузе страны, выглядели убогим анахронизмом. Масштабный проект по обновлению коммунистической доктрины, вероятно, был у Андропова, которому принадлежит инициатива создания зарубежного диссидентства. Но всерьез за дело взялся Горбачев. Ориентируясь на мировую популярность, он быстро потерял авторитет в партии. И единственным для него выходом был переход власти от партии к государственным органам. Именно это предопределило создание поста президента СССР и организацию внешне свободных выборов в 1989 и 1990 годах. Утратив монополию на власть, партия начала рассыпаться. Ничтожная группа из Демократической платформы в КПСС стала символом этого распада. А российская власть, которая обрела обособленные от институтов власти СССР полномочия, стянула вокруг себя протестные группы, вспомнившие все обиды XX века.

Август 1991 года был последним шансом партийных консерваторов. Но к тому времени они были нерешительны. Но еще и неумелы в политической борьбе, от которой отвыкли. Горбачев легко переиграл их. Но в итоге перехитрил и сам себя и в мгновенье ока превратился в политического пенсионера, живущего на развалинах страны, которую намеревался возглавлять еще многие годы. Его хитрость разбилась о циничную глупость Ельцина, руководимого зарубежным закулисьем и его агентами влияния, уже знавшим, как они будут потрошить страну.

Советский Союз, несмотря на все его идеологическую чуждость его идеологии русской традиции, оставался для нас, русских, Родиной, которую очень часто называли «Россия» - и обычные люди, и крупные писатели. Советский Союз – это всего лишь официальное наименование государства, которое к концу 80-х годов XX века пора было сменить на название историческое и всеми любимое. Но вместо этого нам подсунули обломок страны с названием «Российская Федерация» и в дополнение – фальшивку СНГ, в котором не было действительно суверенных государств. Это скорее клуб президентов, премьеров, министров иностранных дел… Документы, важно обсуждаемые и визируемые главами несуверенных осколков - никогда не существовавших доселе государств, никогда не приносили существенной пользы народу и лишь оправдывали существование десятков правительств – новой бюрократической поросли, которая по численности и наглости далеко превзошла коммунистическую номенклатуру.

Тем, кто помнит, что случилось с нашей страной в 1991, тяжко было смотреть, как чествовали Михаила Горбачева в год 20-летия этого события. Чествовали инициатора расчленения страны, который имел в руках все инструменты управления, чтобы подавить крамолу и вывести страну на магистральный путь ее развития, заложенный в традиции. Но он предложил иной путь – «обновленного СССР». Теперь же в честь 80-летия его награждают высшим орденом Российской Федерации, носящим имя святого апостола Андрея Первозванного. Безбожника и предателя – орденом имени первого сподвижника Христа! Это кощунство дополняется лондонским триумфом, в котором все враги России воздают дань исторической роли Горбачева, избавившего их от «империи зла». Теперь они торжествуют, утверждая по всему миру «республику зла» или «федерацию зла».

1991 год был годом сплошных измен – прежде всего, со стороны тех, кому народ на выборах доверил управление государством. Измена носила тотальный характер и опиралась, прежде всего, на «фронду» в составе КПСС, где вызрели планы раздела страны между этническими кланами. Они отразились в решении IV Съезда народных депутатов СССР 24 декабря 1990 года, когда депутаты, избранные вовсе не для рассмотрения вопроса о территориальной целостности страны и статусе ее территорий, вдруг решили, что СССР надо «сохранить». Как будто в каких-то политических программах звучало требовании его распустить! Как будто система национальной безопасности позволяла пропаганду подобной мысли! Как будто попытка расчленения страны даже на «теоретическом» уровне не требовала немедленного ареста таких «теоретиков»! Тот факт, что подобных арестов мы в тот период не наблюдали, свидетельствует, что система партаппарата и КГБ уже была пронизана изменой и готова к сдаче страны. Не случайно, всесильные «чекисты» не стали препятствовать организации преступных референдумов в Литве, Эстонии, Латвии, Грузии, Молдавии и Армении, которые посмели поставить под сомнение целостность государства и вне всяких законов объявили о независимости. Все, что тогда смог сделать Горбачев, – провести всесоюзный референдум 17 марта 1991 года, на котором во всех республиках ССР результаты были однозначны: граждане высказались против развала страны. На самом деле и спрашивать было не нужно: Конституция очерчивала государство, а не какой-то там договорной союз нескольких государств.

Руководство страны представило это так, будто народ просил о каком-то «новом» союзе, о его децентрализации и федерализации. Это была ложь. Люди проголосовали за целостность страны. Но руководство КПСС и «верхи» СССР предали их, начав подготовку к разрушению государственного единства и выделению для себя выгодных статусных позиций в новой бюрократической системе. Одни получили в управление огромные территории, быстро разорили их и теперь направляют в Российскую Федерацию своих граждан в статусе гастарбайтеров. Другие возвысились в должностях, получили широчайшие возможности грабить нашу страну и унижать наш народ. Они и теперь хотят считать, что «пересмотра приватизации не будет», и что никто не ответит за измену.

Под руководством Горбачева весной-летом 1991 был разработан проект нового союзного договора, который должен был получить название Союза Советских Суверенных Республик (СССР)**.** Внешне все выглядело так, будто, страна расстается лишь со словом «социалистический». В действительности документы, которые готовились втайне, предполагали фактически ликвидацию государства путем отмены прежнего союзного договора и заключения другого договора – теми лицами, чьи полномочия вообще не предполагали подобного выбора: выходить ли из прежнего договора, входить ли в новый... Это была прямая провокация: деструктивным силам предоставлялась возможность использовать формальный предлог и просто исключить из государства подконтрольные им «союзные республики».

Изменнический текст, предполагавший образование конфедеративного Союза суверенных государств (ССГ) был подписан в первом варианте 23 апреля, а в окончательном виде 17 июня 1991 года, а опубликован только 15 августа. Сохранившиеся экземпляры текста содержат личные правки Бориса Ельцина – изменника, прямо виновного в разрушении страны и попрании воли народа, никому не дававшего полномочий перекраивать страну новыми границами. И за свою измену получившего орден «За заслуги перед Отечеством» 1-й степени, а позднее - пышные похороны, сходные с канонами, принятыми для русских царей (еще один акт кощунства), и омерзительный памятник в Екатеринбурге. Рукой Ельцина из проекта ССГ были вычеркнуты все без исключения пункты, которые позволяли бы надеяться, что подрыв основ государственного суверенитета можно будет в будущем компенсировать. В своей шизофренической ненависти к Горбачеву Ельцин стремился лишить президента СССР всех полномочий. Добиться этого ему удалось только ценой уничтожения единства нашего государства.

И снова всесильный КГБ не пошевелил пальцем, чтобы пресечь государственную измену. Факт был налицо, но изменники не были тут же заключены под стражу, а продолжали свое дело. Горбачев объявил, что «союзный договор открыт к подписанию». Тем самым был декларирован роспуск прежнего государства и оглашено предложение образовать на его месте конфедерацию. Какое уж получится и из тех, кто соизволит. При этом союзные государства оказывались совершенно независимыми, и их отношения переходили в международно-договорные.

После этого состоялся опереточный «путч». Он не предполагал ареста организаторов уничтожения страны. Группа растерянных соратников Горбачева обратилась к народу с вялыми словами без указания конкретных целей и стратегических перспектив. У них не было ни лидера, ни решимости отстоять Россию, ни готовности применить силу там, где это было необходимо. Трусливые организаторы Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП) действовали с оглядкой на Горбачева, предполагая, что подыгрывают ему. Они старательно обманывали себя, перекладывая всю ответственность на президента СССР, не зная толком собственной ответственности, которая требовала немедленного установления реального ЧП и ликвидации сил, пытавшихся разрушить страну, всюду, где бы они ни проявили себя. Эти люди могли только проиграть, и они проиграли.

Горбачев был в сговоре с расчленителями. Поэтому 24 августа 1991 года он подписал указ о ликвидации правительства СССР. Указ был зачитан министрам. Те пошумели и разошлись. Ни один из них не сказал, что это государственный переворот, не выступил против разрушения страны, не рискнул жизнью ради спасения Отечества. Вместо кабинета министров был создан нелегитимный Комитет оперативного управления хозяйством, который фактически занимался только одним – ликвидацией общегосударственного управления. Особенно рьяно тогда крушил союзные структуры Юрий Лужков (тоже кавалер ордена «За заслуги перед Отечеством» 1-й степени), которого следует почитать как одного из организаторов мятежа и разрушения России.

Столь же постыдно и трусливо, как союзные министры и генералы Советской Армии, повели себя депутаты СССР, которые предпочли просто разойтись, не приняв никаких решений против мятежников и не объявив действия Ельцина, Горбачева и Ко

государственным переворотом. Съезд народных депутатов СССР самораспустился по предложению Горбачева 5 сентября 1991. (Позднее - в марте 1992 - попытки некоторых депутатов СССР собрать Съезд были расценены руководством РФ как посягательство на государственный суверенитет.)

В тот же день самозванцы, захватившие власть в Латвии, Литве и Эстонии, объявили о выходе из состава Союза ССР. И снова мощь аппарата подавления, которая дана государственным органам именно для того, чтобы подавить мятеж, не была применена. Горбачев и составленный им из глав республик нелегитимный Государственный совет тут же признали власть самозванцев над отторгнутыми территориями.

Осенью 1991 даже конфедеративный договор никого не устраивал. Ельцинская группировка предлагала уже совсем никому не нужный Союз в форме конфедерации, которую уже не из кого было складывать – отряды мятежников всех мастей рвали страну на части, произвольно присваивая себе полномочия.

8 декабря 1991 года в Беловежской пуще в обстановке пьяного угара Ельцин, Шушкевич и Кравчук подписали России смертный приговор. И вновь они не были арестованы. В могучих структурах Министерства обороны, КГБ, МВД не нашлось тех, кто должен был исполнить свой долг – захватить и расстрелять на месте опаснейших мятежников. В этом проявилась вся гнилостность государственной системы, созданной коммунистами. На первом месте у них были идейные штампы, которые легко заменились на новые и столь же бессмысленные – о правах человека, равенстве народов и разнообразных свободах. Нам подсунули пустышку СНГ вместо великой страны, которой для исторического рывка достаточно было одного – устранения идеологических шор, ликвидации КПСС, да и всех прочих народившихся партий и движений, которые несли России только вред.

Горбачеву было доложено, что происходит в Беловежской пуще. Он заранее знал, что в документе об образовании СНГ, формулировки которого согласовывались между рюмками водки, нет места союзным органам власти и содержатся положения об их ликвидации. Горбачев спросил своего помощника: «Что же делать?» Ему было предложено единственно верное решение: *«Два-три вертолета. По вашей команде. Поднять "Альфу". Участников незаконного разрушения страны под домашний арест. Утром Вы обращаетесь по телевидению к народам ССР и спрашиваете: "Вы голосовали в марте 1991 года за сохранение Союза ССР? А они наплевали на валу волю и хотят разрушить СССР. Что будем с ними делать? Судить народным трибуналом?" Уверен, что народ выскажет свое мнение в Вашу поддержку, за сохранение СССР». Каков был ответ Горбачева? "Я так не могу…"»* (А.А.Сазонов. Предателями не рождаются, М., 2006).

Более двух десятков лет мы живем на пепелище, униженные и ограбленные шайкой, пришедшей к власти в результате мятежа Горбачева-Ельцина. Но мы как народ не сдавались, не капитулировали. Мы были преданы теми, кому так наивно поверили, и кого поначалу так бурно поддерживали во всех начинаниях.

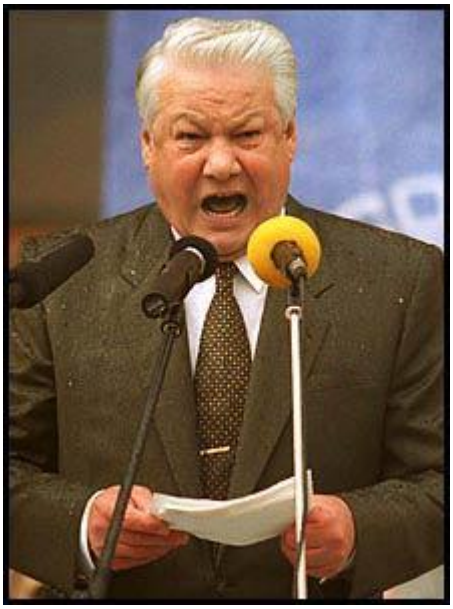
Мы дорого заплатили за свою наивность, которая еще не выветрилась из нашего народа и лишь изменила формы. И будем платить до тех пор, пока не поймем, что народов в мире множество, государств совсем мало, а суверенных государств – единицы. Мы были суверенным государством, а сегодня Российская Федерация – обломок Большой России – несуверенна. А значит, нас будут и дальше грабить те, кто нажился на нашем горе в 90-е, а в 2000-е образовал стойкий альянс олигархии и бюрократии. Этому альянсу может противостоять только сплоченная нация – русский национализм, который должен стать идеологией освобождения от нового рабства, в котором мы пребываем. И тогда мы получим шанс вернуть величайший Божий Дар, который наши предки пронесли через века, - воссоздав Великую Россию.

Ельцин – рецидив феврализма

Мы привыкли видеть канву событий по средствам массовой информации. Поэтому нам часто кажется, что жизнь государства проходит в борьбе партий, заседаниях парламента, поездках президента и премьера по стране и так далее. В действительности под этим очевидным планом реальности существует другой, и в нем нет тех противоречий, которые представляются нам значимыми. Там нет разницы между коммунистами и антикоммунистами, либералами и сторонниками «сильной руки». Там другие правила игры и цели, которые открыто не декларируются.

Без понимания этого обстоятельства невозможно определить, откуда взялся Ельцин и почему из заурядного руководителя советского периода он превратился в таран, которым было разрушено одно из мощнейших государств мира. Нет, не по коммунизму, а именно по России бил этот таран. В коммунизм никто и не прицеливался. Прицеливались в Россию, зная, что она скрывается за обветшалым фасадом СССР.

Те, кто помнит первые появления Ельцина на публике, наверняка вспомнит и свое разочарование. Ельцин в газетных публикациях и телетрансляциях был один, а в жизни совсем другим – серым, косноязычным, путающимся в мыслях и карикатурно играющим на публику. Привлекательным его делали не личные качества, а загоревшаяся в народе страсть к справедливости и отрицание надоевших догматов марксизма-ленинизма. Образ Ельцина делала толпа. Рациональный ум не мог принять его. Только в толпе можно было счесть Ельцина значимой и достойной фигурой.



В биографии Ельцина нет ничего, что предвещало бы его взлет к высотам власти. Сочинение «Исповедь на заданную тему» было фантазией по мотивам его биографии. Причем, не его собственной, а тех, кто решил придумать для России новую историю – стереть всю прежнюю и начать с чистого листа, переписывая буквари западных демократий, давно списанные в утиль. Только так могучая держава могла превратиться в попрошайку у своих вчерашних врагов.

Из Ельцина-чиновника закулисным кругам нужно было сделать иную личность. Чтобы никто не вспомнил его номенклатурного происхождения. Чтобы позабылось, что это был один из обласканных властью счастливцев - один из тех, кто верно служил коммунистической доктрине. С 1978 года он постоянно избирался депутатом Верховного Совета СССР, в 1981 году оказался членом ЦК КПСС. Впрочем, карьерный путь Ельцина ничем не отличался от множества аналогичных партийцев среднего звена.

Внезапный прыжок из руководителей среднего звена был связан с явлением Горбачева. Месяца не прошло с воцарения Михаила Сергеевича в Кремле, как Борис Николаевич был выписан с Урала, чтобы возглавить в ЦК Отдел строительства, а через короткое время получить пост секретаря ЦК по строительству. В конце 1985 года Ельцин становится креатурой Горбачева на посту руководителя московской парторганизации. Фактически это был прорыв в партийную элиту, где новый Генсек убирал прежнее престарелое руководство, которое намеревалось руководить им как мальчишкой. Но у Горбачева были закулисные советники и сторонники, которые давно готовились к главному: переделу государственной машины под себя, фактическому захвату богатств страны. Во второй половине 80-х в недрах административно-командной системы уже действовали группы, планирующие воровскую приватизацию и обнуление накоплений граждан через освобождение цен. Андроповские кадры держали связь с зарубежными диссидентами. А потом все это пошло в общество – и идейные разработки, и снабженные ими говоруны и пахари газетных страниц. Дорогу им открыл Горбачев.

Московский стиль Ельцина был разработан так же, как и планы приватизации. Ельцин вовсе не был близок к народу. Его таковым сделали всего лишь несколькими акциями: фотография за обедом в рабочей столовой, демонстрация ботинок «Скороход» на ноге столичного руководителя, поездка в московском трамвае. Наивные советские люди и думать не могли о том, что когда-то столкнуться с подобным. И не могли себе представить, что так их ловят на крючок. С одной целью: ограбить так, как еще никто и никогда в истории не грабил.

На Ельцина работала вовсе не какая-то иностранная спецслужба. Закулисная группа вольготно обосновалась в партноменклатуре, где давно никто уже не верил в «светлое коммунистическое будущее». Ельцин сам никогда бы не рискнул заговорить на съезде партии о «перерождении кадров» и «порочных методах руководства». Речь ему написали, как потом писали все, что нужно было оглашать с трибуны. Растиражировав эту речь, руководство КПСС вполне осознанно и намеренно сделало из Ельцина героя толпы. Номенклатура жаждала перемен. Совсем не тех, конечно же, которых хотела страна.

У Ельцина не было никаких причин, чтобы отказываться от своих постов. По какому-то не известному нам плану он намеренно пошел на обострение, начиная с лета 1987 года. Пленум ЦК КПСС сыграл спектакль, где Ельцин и Горбачев имели заранее распределенные роли. Роль, правда, оказалась для Ельцина непосильной. Он выступил с покаянной речью, а потом чуть не покончил с собой. Зато в защиту Ельцина в Москве и Свердловске прошли уникальные для того времени митинги – крайне малочисленные, надо сказать. Но кухонные дебаты уже раскаляли общество.

Ельцин рассматривался первоначально только как ударная сила против геронтократии. Когда же партийные консерваторы устроили Ельцину примерную трепку, Горбачев не встал на его защиту. Он лишь спас его от полного краха карьеры – оставил в ЦК и дал министерский пост в Госстрое. Спас на свою голову. Потому что ожидания толпы сделали из мямлившего что-то про «партийное товарищество» Ельцина надежду всего прогрессивного человечества. Его ссылка в Госстрой показалась людям, не искушенным в политике, чудовищной опалой. Им нечего было обсуждать, кроме этого события, ставшего самым ярким за многие десятилетия, когда политикой называли газетную жвачку из дежурных тем.

Подарком для Ельцина от закулисы было предоставление ему возможности участвовать в выборах народных депутатов СССР в Москве в 1989 году. Триумф был запланирован и состоялся. При этом предвыборная программа бунтаря не выходила за рамки коммунистической перестроечной риторики. Ее привлекательность исчерпывалась обещанием бороться с привилегиями. И Ельцин собрал почти 90% голосов. Дальше состоялась, опять же, явно заказная комбинация прохождения Ельцина в Верховный Совет СССР. Он не пользовался поддержкой в партийной среде и голосов при первой попытке не добрал. Тогда ему свое место «уступил» Алексей Казанник. Подобное было, конечно же, полным абсурдом. Горбачев допустил это, хотя в те времена без труда манипулировал регламентными нормами, когда ему это было нужно. В тот момент

закулиса требовала для Ельцина статуса в высшем эшелоне советской власти. При этом всю политическую работу по подрыву государственности вели за него другие ставленники закулисы, образовавшие руководство Межрегиональной депутатской группы.

Удивительно, но репутации Ельцина не повредила тогда даже история «купания в реке», выданная им самим и обслуживавшими его журналистами за покушение. В действительности это была история стареющего ловеласа, получившего урок от соперника. Над этой историей в народе разве что похохатывали. Точно так же была воспринята и информация о беспробудном пьянстве Ельцина во время поездки в США «с лекциями». Конечно, никаких лекций он читать не мог. О них не осталось никаких воспоминаний. Это были смотрины. Ельцин прошел их успешно. А наивный народ прощал своему любимцу все и не верил ни в одну темную историю, ни одному нелицеприятному доводу.

Закулисе стало ясно, что Ельцин приобрел ту харизму, которую ему старательно формировали, но депутаты СССР вовсе не питали иллюзий на его счет и никакого очарования скандальной фигурой не испытывали. Поэтому карьерная судьба Ельцина должна была состояться во второстепенном на ту пору Верховном Совете РСФСР. И там у Ельцина поначалу ничего не клеилось. В двух турах голосования он не смог занять пост председателя. Не хватало трех десятков голосов. Их набрали несколькими интригами: закулисными переговорами с депутатами от Чечено-Ингушетии (тут был пролог Чеченской войны), демонстрацией фильма С.Говорухина «Так жить нельзя» и личным выступлением Горбачева. По воле Горбачева в третьем голосовании конкурент Ельцина был заменен на более слабого, а сам Генсек высказался против Ельцина. Горбачев знал, что в тот момент в партии уже сложилось стойкое неприятие его фигуры. После его выступления эмоции подтолкнули к Ельцину тех, кто в иной ситуации его бы не поддержал. Нужное число голосов было обеспечено, и Ельцин тут же без обиняков заявил, что *«Россия будет самостоятельна во всем, и ее решения должны быть выше союзных»*.

Таким образом, расстановка действующих лиц по сценарию разрушения страны была завершена. Оставалось лишь сыграть в опереточный «путч», удержать Ельцина от торопливого бегства в американское посольство и низложить союзные органы власти. Россия, временно поименованная СССР, была уничтожена. От ее величия не осталось ничего, кроме воспоминаний и горьких разочарований. То, что теперь называется Россией, справедливо всегда именовать Российской Федерацией. Потому что от исторической России в ней осталось очень немного. Разве что надежда вернуть утраченное.

Соратники Ельцина сделали многое, чтобы оправдать перед историей то, что они натворили. Они прославили своего лидера как героя, который освободил народ. Они добились от Московской Патриархии такого посмертного прославления Ельцина, как будто он был монархом всея Руси. Но они не смогли убедить народ, прошедший через чудовищные страдания и оскорбленный бессовестностью власти, так много обещавшей, но сделавшей прямо противоположное – разграбившей и унизившей страну.

Необходимость оправдаться для ельцинистов обусловлена вовсе не стремлением сохранить лицо. Закулиса, которая приобрела теперь статус олигархии, продолжает действовать и заказывать как публицистам, так и действующей власти, ложь. Ложь о Ельцине. Эта ложь нужна тем и другим, потому что их все еще страшит обвинение в государственной измене и ужас перед разоблачением, в результате которого придется распрощаться с собственностью и капиталами, захваченными в период смуты.

Ельцин по-прежнему остается гарантом созданного партноменклатурой олигархического режима. Его образ и последствия его деяний – это образ Смуты и ее содержание. Изгнание этого образа и приверженцев ельцинизма из власти – единственное средство остановить разрушительное действие Смуты, грозящее России погибелью в ближайшие годы.

Заключение

Смута всегда присутствует в русской истории, даже когда большинству кажется, что в общем и целом порядок жизни устоялся и страна движется вперед. Переживая эту скрытую игру бесов в русской жизни, которой еще предстояло вырваться на поверхность через несколько десятилетий, Гоголь писал: *«…еще никогда не бывало в России такого необыкновенного разнообразия и несходства во мнениях и верованиях всех людей, никогда еще различие образований воспитанья не оттолкнуло так друг от друга всех и не произвело такого разлада во всем. Сквозь все это пронесся дух сплетней, пустых поверхностных выводов, глупейших слухов, односторонних и ничтожных заключений. Все это сбило и спутало до того у каждого его мненье о России, что решительно нельзя верить никому». «…теперь все между собой в ссоре, и всяк друг на друга лжет и клевещет беспощадно. (…) Даже честные и добрые люди между собой в разладе; только между плутами видится что-то похожее на дружбу и соединение в то время, когда кого-нибудь из них сильно станут преследовать».*

Все это теперь мы видим вокруг себя. Не нужно быть великим писателем и прозорливцем, чтобы понять: Смута вокруг нас, мы живем в Смуте. Открыто правит племя каиново, и окаянство – то, что в каждом из нас присутствует и убивает не только нашу собственную жизнь, но и жизнь грядущих поколений.

У России нет концепции бытия, и оттого наши враги торжествуют, а изменники легко выдают стратегические поражения за «развитие». У нас давно нет успехов, давно нет побед, катастрофы следуют одна за другой. Но мы не смотрим и не видим знаков беды, слушаем и не слышим предзнаменований, которые обещают нам страшный и внезапный конец.

Гоголь, не имея перед глазами столь явных признаков грядущей гибели, взывал как будто к нам: *«Служить же теперь должен из нас всяк не так, как бы служил он в прежней России, но в другом Небесном государстве, главой которого уже Сам Христос, а потому и все свои отношения ко власти ли, высшей над нами, к людям ли, равным и кружащимся вокруг нас, к тем ли, которые нас ниже и находятся под нами, должны мы выполнить так, как повелел Христос, а не кто другой. И уж нечего теперь глядеть на какие-нибудь щелчки, которые стали бы наноситься от кого бы то ни было, нашему честолюбью или самолюбью,— нужно помнить только то, что ради Христа взята должность, а потому должна быть и выполнена так, как повелел Христос, а не кто другой».*

Евангелие Христа, Его мысль об устройстве земной жизни – вот что мы можем и должны взять в основу своей службы, которая будет служением, если мы отвратим гибель России в очередной Смуте.

В конце 80-х годах XX века ожидание новой исторической концепции совпало с либерализацией режима, и Россию наводнили многочисленные публикации, «разоблачавшие» предшествующую историю и опровергавшие жизненность коммунистического и советского символизма, в котором к тому времени творческий импульс уже перестал угадываться. Прежние символы были дискредитированы, возникли антисимволы и иные символические комплексы, описывающие историю. Произошел раскол на различные политические группы. Этот раскол сохранился до сих пор, усилившись в связи с отсутствием у власти концептуального подхода к истории. Мы оказались в состоянии Большой Смуты, которую власть, да и большинство народа, уже считают почти нормой жизни. Со Смутой не борются, ее пытаются поправить «реформами», которым нет конца.

Коммунисты и социалисты ориентируются на символизм режима 1917-1991, в котором компартия создала разнообразный символьный ряд и разветвленную политическую мифологию с оправданием зверств революции, гражданской войны, репрессий – то есть кошмарной и кровавой Смуты. Либералы ориентированы на период после 1991 года и разоблачительный пафос в адрес коммунистической политмифологии, который предложил множество альтернативных смыслов исторических событий на

рубеже 80-90-х годов, а также символические контуры будущего, подобранные в идеализированных образцах зарубежных стран. Здесь оправданию подлежит текущая Смута, а главное – Февральский мятеж 1917 года. Мы живем под пятой февралистов, которые теперь захватывают не только власти, но и основные оппозиционные площадки.

Традиционалисты ориентированы на имперский символизм и понимание истории как возрождения величия России до 1917 года. В то же время, сознание традиционалистов переполнено мифами о собственной стране, где далеко не все смутьяны оценены по достоинству. Кризис мировоззрения нации демонстрирует нарастание смешанных воззрений, в которых соединяется несоединимое: православие и сталинизм, коммунизм и национализм, либерализм и социализм. Смута – это смешение, смещение и отмена всех критериев. Отчего становится крайне затруднительно собирать «своих» и отделяться от «чужих».

Одно из политологических определений гласит: политика – это сублимированная гражданская война. Или война, проводимая «иными средствами». Это может быть словесная парламентская схватка, полемика в СМИ, научные дискуссии по поводу того или иного понимания исторических фактов. Вместо того, чтобы поливать друг друга свинцом, противники поливают друг друга потоками слов. В русской политике гражданская война продолжается в «холодной» форме с возрастающей интенсивностью – вплоть до формирования культовых фигур. По сути дела, выбор таких фигур предопределяет идеологический вектор, какой бы словесной эквилибристикой он ни скрывается. Поскольку среди действующих общественных авторитетов нет тех, которых бы смутное сознание признало значимыми для себя, оно придумывает себе кумиров, фабрикуя их из деятелей прошлого – зачастую (или почти всегда) связанных со Смутой и ее порождавших.

Наиболее остро в современной России противостояние между «красными» и «белыми». Гражданская война не исчерпывается, ролевые позиции привлекают достаточно много энтузиастов, готовых играть по прежним правилам «войнушки» в новой Смуте. Пока в словесных баталиях, переходящих в оскорбления. Но в условиях всеобщей криминализации, политика также может превратиться в обоснование преступных действий – породить «робингудов», мстителей и экспроприацию экспроприаторов. Классовая война – вожделенная цель многих политиков. Они видят себя вождями в этой войне.

Позиционирование больших масс народа в духе двухполюсной схемы было одной из технологий, разрушавших патриотическое движение. Схватка между коммунистами, пытающимися выступать от имени народных масс, и антикоммунистами, отстаивающими интересы элит и эффективную организацию современной экономики, постоянно выдвигалась вперед с целью затушевать действительно важные мировоззренческие проблемы, которые позволили бы преодолеть новую Большую Смуту.

Упрощенное понимание истории вновь требует символизма гражданской войны. И вновь в этом противостоянии патриотические силы, традиционалисты, русские националисты оказываются вне игры. Собственно, «гражданская война» в форме информационных кампаний преследует именно эту цель: подменить стоящие перед страной национальные вопросы чисто социальными. И вновь разодрать Россию на куски. В самом худшем случае пустить Россию по пути Европы – в тупик деградации суверенитета и размывания национальных интересов. Только в условиях крайнего материального неблагополучия.

Поиски священных фигур в истории связаны более всего с тем, что действующие лидеры не удовлетворяют потребностям людей, ищущим во власти силу авторитета, вокруг которого можно было бы сплотиться. Владимир Путин не смог сыграть роль такой фигуры. Его авторитет разрушился в результате крайне неэффективного управления и противоречивой риторики, демонстрирующей симпатии более всего к ельцинскому периоду – самому разрушительному для страны. Угасание авторитета Путина породило всплеск интереса к фигуре Сталина, за которым тянулся шлейф символизированных смыслов, в основном привязанных к Победе 1945 года. Именно такой Сталин и нужен как

символ – Сталин в момент национального триумфа. Вместе с тем, за данным символом тянется и вся прежняя смысловая ткань истории, пошитая в мастерских коммунистических политтехнологов. От символа до идеологии, его породившей, очень короткая дистанция.

Нация требует побед, а главная победа XX века связана со Сталиным. Нация требует жестокой кары для чиновников, и эта слава вновь за Сталиным – перелицованная историческая информация о репрессиях в таком виде становится удобным идеологическим продуктом. Эти черты сталинизма совпадают с требованиями национальной диктатуры: 1) защита русской истории, истории ее побед от фальсификации и осквернения, 2) милитаризация (возвращение в общество воинского духа и военной подготовки, а также восстановление боеспособности вооруженных сил), 3) уничтожение олигархии, обуздание бюрократии и истребление коррупционеров и организованной преступности. Но вместо всего остального, что требуется для национальной власти, символы сталинизма обещают 1) воинствующий атеизм, 2) извращение русской истории, 3) утверждение новой партийной номенклатуры, 4) агрессивность во внешней политике, 5) забвение всего русского и новый виток интернационализма. И так далее. Разумеется, Сталин из могилы не встанет, но возродятся похороненные, казалось бы, интерпретации истории и политические суждения, которые довели СССР до развала.

Сталин становится фигурой, противопоставленной Ельцину, Гайдару, Черномырдину, Чубайсу и прочим. Преимущество сталинизма – в том, что недовольство его деятельностью давно в прошлом, а идеализированный образ давно сложился в целостный символ. Как антипод олигархии он кажется очень удобным. Поэтому коммунисты становятся сталинистами, к сталинизму все больше подтягивается патриотическая публика, сталинизм пытаются совместить не только с национализмом, но и с вековой русской традицией. Это тупик, это рецидив смутного сознания.

Подобная поляризация означает, что национальные силы вновь проиграют. Лидерами сталинизма, бесспорно, останутся коммунисты. Помимо коммунистов сталинизм политических перспектив не имеет. Но мало того, коммунисты непременно проиграют противостояние с олигархией, поскольку их руководители давно встроились в олигархический режим и готовы лишь к тому, чтобы приобщиться к власти – примерно как это произошло в 1991-1992 году с лидерами демократического движения. Всплеск социального протеста имеет вождей, уже готовых к предательству. Такова цена символизма гражданской войны, в которой концентрация антиолигархических смыслов происходит вокруг фигур прежних Смут.

Они будут порождать гражданскую войну в России до тех пор, пока не иссякнет социальный и национальный конфликт. А он обещает быть длительным, ибо олигархия не уступит своего и бросит огромные ресурсы на подкуп лидеров антиолигархического движения, применит самые жестокие репрессии (может быть, даже демонстрируя приверженность методам большевиков). Противопоставить этому кроме мифологии коммунизма будет нечего, если патриоты добровольно растворятся в коммунистических колоннах и будут грезить о некоем смысле истории, который примиряет жертв и палачей.

Проблема патриотического движения состоит в том, что у него нет единого понимания смысла русской истории. А это значит, что нет и символической фигуры. Консолидация вокруг образа Николая II пока не приобрела значимого размаха. Иной символической фигуры, вероятно, у русского народа никогда не будет. Но против нее действует наследие прежнего коммунистического символизма, фальсификации истории, которые приняты также и антикоммунистическими силами.

Выход из Смуты (иначе говоря, «холодной» гражданской войны) может быть только один: в символизме и смыслах русской истории, заложенных в вековых традициях, сложившихся в имперский период и пронесенных русским народом до нынешних дней вопреки доминированию русофобских и нерусских начал во власти. Мы можем делать ставку только на русскую традицию, в которой есть свой собственный символизм прошлого, перед которым фигура Сталина должна поблекнуть и отступить в тень. Вместе с ней отступит и гражданская война. Сталин станет всего лишь исторической фигурой –

подобно Наполеону. Его заслуги будут признаны, его преступления оценены, его роль в истории не преувеличена и не вознесена над ролью русского народа.

Покончить с гражданской войной примирением невозможно. Гражданская война оттого и возникла, что стремления примириться или договориться не просматривалось. Выход может быть только в иной плоскости: не правы и те, и эти.

Продолжение непримиримого противостояния приверженцев различных идеологических концепций в течение последнего столетия и более необходимо связывать не только с особенностями переживаемого периода (политика опирается на массовую пропаганду), но и с особенностями национального характера. Русские ищут историческую правду. Но русские в своей страсти к пониманию истории оказываются слишком доверчивыми, падкими на шумные разоблачения и неумеренные прославления прошлого. Все это мешает отделить здоровый опыт истории от Смуты.

Русские, будучи историческим народом в течение веков сложили в своем самосознании потребность в осмыслении и переосмыслении истории. Ценность древности и ценность летописания нам известна со времен Руси изначальной. Теперь пришло время переосмысления Смут. Понять, что с нами творится, и что делать в сложившихся условиях Большой Смуты, мы сможем, только если вновь станем историческим народом – поймем смысл своей истории, сове предназначение и вернемся к историческому творчеству, остановленному в XX веке.